

INSPIRIA

Фиона Гибсон
Когда жизнь
подкидывает
тебе лимоны

...просто добавь
ДЖИН И ТОНИК
«Голос современной
женщины».
Marie Claire

INSPIRIA

Annotation

Когда жизнь подкидывает тебе лимоны
...просто добавь джин и тоник!

«Когда жизнь подкидывает тебе лимоны» — история, которая откликнется любой женщине. Книга от автора бестселлеров Sunday Times.

Сдаваться — не в правилах Вив. Ей слегка за пятьдесят, а ее жизнь — настоящая мечта: двое замечательных детей, муж с блестящей карьерой, работа и уютный дом. Но в один день все рушится за считанные минуты — муж изменил ей. Брак уже не спасти. Развод, переполох на работе, бушует климакс. Каждый день жизнь заставляет ее проходить все новые и новые испытания.

Но Вив знает: если жизнь подкидывает лимоны — сделай из них лимонад. И, главное, не забудь джин и тоник. А после 50-ти — жизнь только начинается, несмотря на все трудности.

«Голос современной женщины». — Marie Claire

«Потрясающе занимательный, жизнеутверждающий роман с очаровательной главной героиней». — Sunday Mirror

«Уютно, забавно, с перчинкой». — Daily Mail

«Это не просто смешно. Это правдоподобно». — Elle

Кисло-сладкая история о женщине, которая смогла преодолеть кризис с юмором. От автора бестселлеров Sunday Times.

-
- [Фиона Гибсон](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)

- [Глава восьмая](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [Глава сороковая](#)
 - [Глава сорок первая](#)

- [Глава сорок вторая](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Над книгой работали](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Фиона Гибсон

Когда жизнь подкидывает тебе лимоны

Fiona Gibson
When Life Gives You Lemons

Copyright © Fiona Gibson 2020

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство
«Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Элли Стотт

Часть первая

До

Глава первая

Воскресенье, 10 февраля

И снова он, ночной пот.

— Черт возьми, Вив, — объявляет Энди, — это как просыпаться в болоте.

Муж вылезает из кровати, а я понуро наблюдаю за ним.

— Я что, виновата? Оно само получается, когда я сплю.

— Ладно, это я так, — морщится он.

— Нет, не так. Ты выговариваешь мне за то, что я — женщина средних лет, переживающая муки гормональной перестройки...

— Я всего лишь хотел сказать, что это неприятно.

Он надевает халат и резким движением затягивает пояс. *Ему неприятно?* Ну, извините, только пот — далеко не единственное блюдо в моем нынешнем меню, которое также включает: перепады настроения, учащенное сердцебиение, беспричинные вспышки и постоянное беспокойство, зашкаливающее в сравнении с привычными и так далеко не низкими показателями. Добавьте к этому маниакальную жажду неудобоваримого пудинга (оттого, наверное, живот растет как на дрожжах), стремление умиляться при виде щенят, котят, телят и прочего четвероногого молодняка, а также прыщавость, какой не было даже в подростковом возрасте. Да, еще ночные страхи, идущие бонусом к бессоннице: а вдруг авиабилеты начальнице забронированы не на ту дату, и почему по карте такой перерасход, и из-за чего волосы стали ломкими, как солома. В 4.37 утра найдется масса поводов для переживаний — от положения дел в правительстве до размеров собственной задницы, а если эти поводы себя исчерпали, всегда можно понервничать из-за собственной обеспокоенности (а это нормально — так волноваться?). И у моего супруга еще хватает наглости сетовать на мокрую постель? У мужчин андропауза — это ерунда на постном масле.

— Если тебе настолько противно, — предлагаю я, — могу спать в гостевой.

— Зачем? Не нужно, — говорит муж со страдальческим вздохом.

— Или могу снять номер в специализированной гостинице для дам в климаксе, где вентиляторы на каждом шагу и сочувствующий мужской персонал.

На это он предпочитает не реагировать.

— Не знаю, что еще предложить, — говорю я. — Разве что вмонтировать в меня термостат...

— Хватит, я тебя понял...

— Но от кнопочки я бы не отказалась.

Я смотрю на физиономию мужа: обаяшка доктор Флинт, с ярко-голубыми глазами и длинными-длинными ресницами, такими пушистыми и загибающимися, словно он пользуется моей тушью. Подозреваю, что большинство коллег женского пола и пациенток к нему неровно дышат. В это тусклое серое утро я надеюсь на толику юмора или хотя бы сочувствие к моему резко пикирующему уровню эстрогенов, но он смотрит на меня холодно, точно я обливаюсь мерзким потом ему назло. Для медработника с его-то стажем врачебного такта — ноль.

Давя в себе раздражение, я иду в душ после Энди, а потом заглядываю в комнату дочери, которая еще в кровати. У нее чудесные светло-каштановые волосы, большие голубые глаза, как у папы, и широкая щербатая улыбка из-за двух выпавших молочных зубов.

— Доброе утро, Из, — говорю я. — Пора вставать, зайка. Помнишь, что мы сегодня идем плавать?

— Ой, я забыла!

— Давай-ка пойдем, пока народу мало.

Иzzi вылезает из постели и достает из шкафа одежду — она терпеть не может, когда ей указывают, что надеть. Узнав, что у нас с Энди семилетняя дочь, люди нередко бывают ошарашены. Нам обоим по пятьдесят два, и я, само собой, самая старая мамаша во всей школе. Когда была зачата Иззи, мы уже потеряли надежду на второго ребенка — после сына была пара выкидышей, а потом — ничего. Мы оба прошли обследование, все казалось в полном порядке, но годы шли, а беременность не наступала.

Мы с Энди уже смирились с тем, что у нас будет только один ребенок. Спенсер — замечательный парень, и мы никоим образом не чувствовали себя обделенными. Честно говоря, мы никогда не

предохранялись и почти забыли о том, что можем зачать снова, и уж, конечно, никак не ожидали, что это произойдет, когда мне будет сорок два.

Когда месячные не пришли, я подумала, что началась менопауза. А вместо этого появилась Иззи, наше солнышко, за что я неустанно благодарю судьбу. Спенсер, которому сейчас двадцать два, немного скис при известии о том, что у него будет брат или сестра (но, разумеется, ненадолго и обожает Иззи с самого ее рождения). Вообще, мне кажется, большинство подростков болезненно воспринимают доказательства того, что их родители все еще занимаются «этим».

Впрочем, теперь у нас «это» бывает нечасто, и все бы ничего, если бы не еще одна странная особенность климакса. Более удивительная, чем потоотделение, о котором я была наслышана. Но чего я от себя никак не ожидала, так это взрыва либидо, когда постоянно хочется и ведешь себя точно похотливая кошка.

Слушай, Вив, я сегодня совсем без сил.

Дорогая, мне завтра утром на пробежку.

Что-то спина опять пошаливает. Точно ишиас.

...или люмбаго? Да, пожалуй, оно.

Ой! Мне больно, когда ты так делаешь...

Вот такой чресло-тонизирующий эффект я оказываю на своего благоверного. Ничего, ему еще приспичит, будет пыхтеть мне в ухо, а я такая, мол, не в форме и поясницу прихватило. *Извини, друг, твой поезд ушел!* Я готовлю яичницу для нас троих, а сама так радуюсь при мысли, как обломаю его с сексом, что к тому моменту, когда мы садимся завтракать, почти прощаю его за давешнее брюзжание.

Мне даже приходит мысль извиниться за то, что я — женщина и старею.

— Извини, я такая раздражительная, — говорю я, попивая кофе. — Просыпаюсь вся липкая, как рептилия, — просто жуть.

Мужчина, который вроде бы должен меня любить и, вероятно, сопереживать гормональному катаклизму, в котором я оказалась, смотрит на меня отстраненным взглядом.

— К твоему сведению, Вив, у рептилий сухая кожа, — говорит он.

Глава вторая

Понедельник, 11 февраля

Сегодня начало полугодия, и мы с Иззи спешим в школу. Я пытаюсь позитивно настроиться на новую неделю и забыть о том, каким придирчивым и отчужденным в последнее время стал Энди. Возможно, у него завал на работе, и мне следует с большим пониманием относиться к *его* проблемам? Я знаю, на нем большая ответственность, все трудятся на пределе возможностей, и вообще работа в крупной больнице в условиях все более жестких бюджетных ограничений — это вам не пикник на пляже. Черт возьми, я с уважением отношусь к тому, что он делает.

Но выпад про рептилий не идет у меня из головы, особенно фраза «На мой взгляд, ты скорее... земноводное», и при этом он, по своей мерзкой привычке, вскинул левую бровь, отчего мне сразу захотелось ему врезать (я всегда была такая нетерпимая, когда ярость так и рвется наружу, или это что-то новенькое?). Кроме того, я заметила, что с недавних пор Энди то и дело повторяет «к твоему сведению», причем не только в рептильном контексте. Например, у нас в спальне стоит вдушающий опасения тепловентилятор (Энди — мерзляка), который он ни в какую не хочет выбрасывать, несмотря на то, что тот периодически воняет горелым.

Муж утверждает, что с тепловентилятором все в порядке. Ну, ему с его мужским рентгеновским зрением, способным пробиться сквозь белую пластиковую обшивку к рабочим кишочкам и уверенно поставить диагноз, наверное, виднее.

— К твоему сведению, это пыль обгорает, — заявил он, когда я в очередной раз «завела свою песню» (сказала, что запах такой, словно скоро дом загорится).

— А там что, пыль есть? — поинтересовалась я. — И ей положено «обгорать»?

— Все в порядке!

Живо представляю себе надпись на наших надгробиях: «Он сказал, что тепловентилятор безопасен для жизни». Еще одна позиция в копилку моих климактерических переживаний.

— Мама, там Мейв! — восклицает Иззи, замечая на противоположной стороне свою лучшую подружку и возвращая меня в настоящее. Мейв и ее мама Джулз машут нам, и мы переходим улицу, чтобы присоединиться к ним.

— Мы так и думали, что встретим вас по дороге, — говорит Джулз, когда девчонки, щебеча, уносятся вперед. — Чем занималась?

— Да так, копошилась помаленьку, — отвечаю я. — А ты?

— А мы в последнюю минуту решили отправиться в автопутешествие. Знаю, в это время года это звучит полным безумием, но Эрл сказал, что нам непременно нужно вырваться на несколько дней.

Ах, душка Эрл, муж Джулз, который не делает тайны из того, что обожает свою жену, и всегда осыпает ее комплиментами. Ей, судя по всему, это кажется абсолютно нормальным в браке. Может, так и есть?

— Держу пари, это было потрясающе, — говорю я, а Джулз усмехается. Они в шутку окрестили свой дом на колесах «самым отвратительным трейлером в мире», но, по-моему, он выглядит очень славно — с выцветшей зеленой обшивкой, подвесными кашпо и видами озера Уиндермир.

— Потрясающе — это сильно сказано, особенно теперь, когда прямо над нашей кроватью подтекает. Но было весело, да, Мейв?

— Ага, — оборачивается с улыбкой ее дочь. — Мы развели костер у озера и жарили на нем колбаски.

— Вау, в феврале?! — восклицаю я.

Джулз улыбается. Жилистая, с мальчишеской стрижкой, в сорок два года она выглядит моложе своих лет. На мой взгляд, в ней есть что-то «эльфийское». Будь у меня такая стрижка, я бы смахивала на кряжистого сердитого мужичка.

— Ну, ты знаешь Эрла, — продолжает она, — плохая погода ему нипочем. В общем, здорово, что мы съездили, особенно потому, что у меня наступает горячая пора.

— Много клиентов? — спрашиваю я.

— Да, и новые семинары на подходе.

Я киваю, и в голове у меня начинает зреть мысль. До нашего знакомства Джулз занимала солидную должность в банковской сфере. Перегорев и разочаровавшись в корпоративной жизни, она на все забила и стала многостаночницей: она и инструктор по йоге, и поставщик продуктов питания, и... тренер личностного роста. Энди считает тренинги личностного роста баловством для богатых бездельников, но кто его спрашивает? А вдруг после нескольких занятий какие-нибудь качества Джулз передадутся мне? Может, я стану менее... *земноводной*?

— А ты сейчас берешь новых клиентов? — спрашиваю я, когда мы подходим к школе.

— Интересуешься для своих знакомых?

— Э-э... не совсем.

— Для себя?

— Ну да, — говорю я.

— Отлично! Не проблема, мы что-нибудь придумаем. Как насчет кофе, или ты прямо сейчас на работу?

— К сожалению, на работу, — говорю я, — но давай пересечемся в ближайшее время. — У школьных ворот я поворачиваюсь к Иззи: — Не забудь, ты сегодня на продленке.

— Ага, — она улыбается. Мейв тоже остается; в перспективе у них — тосты с медом и возможность порисовать на стенке в школьном дворе. — А ты положила мне спортивную форму? — спрашивает она.

— Да, зайка.

— А сэндвичи с чем?

— С сыром и огурцом.

— А еще что?

— Мандарин, батончик мюсли, пакетик хрустяшек...

— А Пушистика положила?

Это прозвище забавного игрушечного сэндвича, который моя приятельница Пенни связала Иззи на последний день рождения. Дочь пришла в такой восторг, что каждый день берет его с собой в школу, и время от времени мне приходится буквально силой отнимать его, чтобы постирать.

— Ну конечно, — я наклоняюсь поцеловать ее, и в это время слышится звонок. — Хорошего дня, солнышко...

— Мама, я опаздываю! — Иззи вырывается, и ее растрепавшиеся волосы развеваются за спиной, когда они с Мейв несутся к дверям школы.

А я отправляюсь на работу, в неприглядную промышленную зону на западе Глазго, где в моем кабинете уже надрывается телефон. Это звонит моя паникующая начальница.

— Вив, какого черта ты забронировала эту дыру?

Роуз звонит из Китая. Поэтому она кричит. Несмотря на бесспорный интеллект, она, похоже, считает, что чем дальше от головного офиса, тем громче надо орать. С таким же успехом могла бы отправить эсэмэс. Но Роуз предпочитает вербальное общение и, накрепко усвоив истину про семичасовую разницу во времени, очевидно, приготовилась установить контакт в ту самую минуту, когда я усядусь за рабочий стол.

— На сайте он выглядел симпатичным, — оправдываюсь я. — Я перебрала кучу вариантов и подумала, что этот — лучший...

— Ты утверждала, что он не хуже Larson!

— Да, но в Larson не было мест. Я же вам говорила.

И показывала фотографии этого отеля — холла со стеклянными стенами и огромного бассейна на крыше, — а ты на них почти не взглянула. У нас клиенты по всему миру, и Китай — наш особенно большой рынок, поэтому Роуз уже несколько раз ездила по делам в Тяньцзинь.

— Тут у них ремонт в самом разгаре, — выговаривает она, точно я обязана быть в курсе, — и меня поселили в жуткую пристройку.

— Мне очень жаль. Но там удобно?

— Не сказала бы. Есть проблема.

Я откашливаюсь.

— И в чем она?

— Тут... — В ее голосе слышится напряжение. — ...на сиденье унитаза лобковый волос.

Какое-то мгновение я просто не знаю, как реагировать.

— Ты меня слышишь, Вив?

— Да-да, я вас слышу... — Громко и, блин, отчетливо! — Может быть, позвонить на ресепшен или еще куда-нибудь? Они кого-нибудь пришлют, чтобы уладить проблему.

А слабо самой оторвать кусок туалетной бумаги и смахнуть его в унитаз?

Это, конечно, заскок, но я готова отнестись к нему с юмором, потому что Роуз во многих отношениях — замечательная женщина. Название нашей компании — «Флаксико», — может, и напоминает ветрогонное средство, но на самом деле мы — солидный глобальный производитель продуктов питания с преимущественно мужским персоналом. Действуя целеустремленно, как терьер, неизменно одинокая и бездетная Роуз проложила себе путь наверх, сминая по пути соперников, и теперь царит в нашем расползающемся во все стороны массиве из стекла и стали. Она крохотного росточка, обожает пышные укладки и «шпильки», и, хотя в целом образ получается несколько устрашающий, я восхищаюсь ее стремлением удлинить себя с обоих концов.

Подобная работа не входила в мои жизненные планы. Много лет назад я трудилась в театре, и мне это нравилось. Чем я только не занималась — реквизитом, освещением, декорациями — и наконец дослужилась до помощника режиссера. Но ненормированный рабочий день — это хорошо в молодости, а когда ты в сорок пять снова становишься мамой — это уже не катит. Поэтому после рождения Иззи я ушла в декрет на два года, а когда решила вернуться, оказалось, что труппа, с которой я сотрудничала, лишилась финансирования, а другого места я не нашла. Как-то так случилось, что все мои проверенные контакты куда-то подевались. Я решила не падать духом и устроилась на временную работу в компанию, а пять лет назад Роуз сделала меня своим личным помощником.

Поступая на временную работу, я знать не знала, что «Флаксико» — один из крупнейших мировых производителей... ну да, экструдированных гранул. Их изготавливают преимущественно из злаков (кукурузы, пшеницы, риса), которые подверглись экструзии (т. е. продавливанию через формуемое отверстие). Полученный продукт напоминает наполнитель для кресел-мешков или грунт для аквариума и считается промежуточным. Далее его продают другим компаниям, которые добавляют ароматизаторы, сушат, жарят, запекают, обрабатывают потоком воздуха — словом, превращают гранулы в любимые снеки, хлопья для завтрака или вкусняшки для домашних питомцев.

Вот такие мы без грима: никакой агрокустарщины, ничего натурального или даже напоминающего то, что вы хотели бы съесть. По сути, это огромные чаны, набитые *веществом*. И вот Роуз катается по миру, заключает умопомрачительные контракты с самыми отпетыми деятелями на ниве пищевой промышленности — и скисает при виде лобкового волоса на сиденье унитаза.

— А ты можешь сама заняться этим? — спрашивает она.

— Да, конечно. Сейчас я все улажу и перезвоню.

— Большое спасибо.

Когда проблема урегулирована, Роуз называет меня спасительницей, что, пожалуй, несколько преувеличено, но по крайней мере она мне признательна за старания.

Когда тем вечером мы с Энди готовимся ко сну, я рассказываю ему про инцидент с китайским лобковым волосом, считая, что это, ну, забавно ведь?

— В итоге, — тараторю я, — мне наконец-то удалось дозвониться до какой-то живой души — это за восемь тысяч километров — они там, разумеется, говорят по-английски, ведь Тяньцзинь — международный город с населением почти тринадцать миллионов человек. Представляешь? Есть такие огромные города, гораздо больше Лондона, о которых большинство живущих в Британии даже не слышали!

Я залезаю в кровать, а Энди сидит на краю и с сосредоточенным видом стягивает носок.

— Энди?

Он вздрагивает, точно только сейчас понимает, что я здесь.

— А?

— Я говорю, большинство людей даже не слышали о нем.

— О чем?

— О Тяньцзине.

— Тянь... цзине? — Муж ошарашенно смотрит на меня.

— Там сейчас Роуз. *К твоему сведению, это в Китае.*

— Да? Ясно...

Он ложится в кровать, а я думаю о том, что так, наверное, чувствует себя стендапер, отмачивающий шутки перед угрюмым залом. *Может, дело в материале, отчаянно думает он. Надо сменить тему — найти что-нибудь новенькое и свежее.*

Проблема в том, что это моя жизнь. И единственный материал, который у меня есть.

Глава третья

Четверг, 14 февраля

Никаких подарков на День святого Валентина — даже открытки, но, впрочем, я тоже ничего не приготовила для Энди. В этом году мы решили не отмечать «Валентина». Поскольку это произошло по обоюдному согласию (по крайней мере, он предложил, а я не смогла выдумать весомого контрдовода, чтобы не выглядеть падкой на подарки), дуться мне не на кого. Я веду себя как ни в чем не бывало — собираюсь на работу и подгоняю Иззи, точно это самый обычный день.

До недавнего времени мы хотя бы обменивались открытками, а теперь, когда и этот ритуал накрылся медным тазом, у меня внутри зреет какое-то нехорошее чувство, но я пытаюсь его игнорировать, когда еду на работу.

В офисе другую личную помощницу дожидается букет красных роз от ее нового бойфренда. На то он и новый, утешаю я себя, когда весь секретариат собирается кружком и принимается охать и ахать на все лады. Им надо делать красивые жесты — это почти обязанность. И мне на память приходит Валентинов день многолетней давности, когда я еще служила в театре. Я только вышла после рождения Спенсера и работала на постановке, которая шла с огромным трудом. Посреди репетиции мне принесли от Энди огромный букет розовых лилий и гипсофил. Все актеры и постановочная группа собрались вокруг меня и поздравляли, а я краснела от удовольствия.

«Моей восхитительной суперженщине» — красовалось на открытке.

В другой раз Энди попросил исполнить для меня песню по радио — это было в ту пору, когда такое еще практиковалось. Тогда мы только начали встречаться, познакомившись на вечеринке, отвратительной во всех смыслах, и он записывал сборники песен и появлялся у меня под дверью в два часа ночи — слегка подшофе и со словами любви, а я, прослушав три секунды, делала вид, что мне

безумно нравится, а потом втягивала его в квартиру и буксировала на кровать.

В те времена нам не нужен был Валентинов день, чтобы оказывать знаки внимания. Мы с Энди все время посылали друг другу по почте открытки и письма. Если он оставался у меня на ночь и уходил прежде, чем я просыпалась, нередко у чайника обнаруживалась трогательная или забавная записка от него. Я рисовала ему глупые картинки, чтобы он улыбнулся, обнаружив их в холодильнике. Сейчас я думаю, что День святого Валентина более актуален в многолетнем браке, типа нашего, когда он служит напоминанием о том, что надо предпринять усилие, вспомнить о партнере и сделать так, чтобы он почувствовал себя по-особому. Но в нашем случае момент упущен, по крайней мере в этом году. Поскольку «Валентин» не отмечается, вечером мы никуда не идем и никакого праздничного ужина только для нас двоих в планах нет.

Дома после работы я говорю себе, что оно и к лучшему, потому что 14 февраля в рестораны не попасть, а еще там бывает специальное «валентиновое» меню — по сути, самое обычное, только с «пикантными коктейлями» и с желе из розового шампанского, точно это и есть воплощение романтики. Я почти убедила себя в том, что идти куда-то со второй половинкой в Валентинов день — это пошло и даже несколько постыдно (кому хочется идти в ресторан только потому, что к этому призывает день календаря? Потому что так, блин, принято!), и тут Энди заявляет, что у него встреча — с кем-то другим!

— Пропустим по паре стаканчиков, — говорит он, мимоходом целуя меня. — Я ненадолго. Извини, совсем из головы вылетело, какой сегодня день. Ты ведь не против, да? — Муж принимает страдальческий вид.

— Конечно, нет.

А что еще я могу сказать? Раз «Валентина» мы не отмечаем, глупо устраивать скандал. Да и чем мы занимались бы? Смотрели телевизор?

По прошествии часа или чуть больше я, по-прежнему раздраженная и вялая, отправляю эсэмэс своей приятельнице Шелли, что благоверный пошел встречаться с приятелями, а мне по фигу. Ее друг Лоренс, оказывается, на работе. Мы решаем, что она должна немедленно приехать ко мне (Иззи уже в кровати, а у Шелли детей нет).

У меня твердый настрой на сегодняшний вечер — быть в тонусе и на позитиве. Шелли — соцработник с неподъемной нагрузкой, поэтому излияния на тему о том, что Энди я противна, ей совсем не нужны. Но после большого бокала вина правда вылезает наружу: что легкое презрение становится для него нормой жизни, что в целом он равнодушен и что без секса со мной у него все просто зашибись. Что Энди всегда уваливает от него под каким-нибудь предлогом, а мне при этом бывает из ночи в ночь так дерьмово, так погано, что теперь я даже не пытаюсь.

Что порой я стою голая перед большим зеркалом, смотрю на свое немолодое тело, на обвислые сиськи и дряблый живот, и думаю: неудивительно, что его ко мне не тянет. *Да и кого потянет?*

— Неужели все настолько просто? — спрашиваю я у Шелли. — Что ему в принципе больше не нравится то, что он видит?

— Да нет же, — возражает она. — Ты замечательная, Вив. Не сходи с ума. Если он не понимает, как ему повезло, то он идиот, — она замолкает. — Возможно, это вообще с тобой не связано. Уверена, это все его работа. Вероятно, он просто устал, перенапрягся или самоуспокоился...

— Или я в молодые годы исчерпала всю положенную мне квоту, — перебиваю я, доверху наполняя ее бокал.

— Ты имеешь в виду секса?

— Ага.

— Сомневаюсь, что это так работает, — криво улыбается Шелли. Она сидит на диване, поджав под себя ноги в чулках, и поправляет свои шикарные каштановые волосы.

— Как знать. Бывает же пресыщение. Типа когда объешься чем-нибудь, а потом терпеть это не можешь.

— Ну да. К примеру, хумусом, — ее передергивает. — Меня тошнит от одного его запаха.

— А меня — от йогурта с клубничным вареньем. Иззи его обожала, и я всегда съедала стаканчик с ней за компанию. Но однажды — как отрезало, и с тех пор все.

— Больше не тянет на клубничку? — смеется подруга.

— Ага. Видеть ее не могу. Может, и с Энди случилось такое, и теперь я для него вроде клубнички.

— Да нет, — горячо протестует она.

— Или ему неприятна растительность у меня на лице?

— Не говори ерунды!

— Очень вероятно, — твердо заявляю я. — Сегодня утром я обнаружила очередной волосок — длинный и толстый, как проводок из допотопного радиоприемника...

— Которые потом стали беспроводными?

— Точно, — киваю я.

— У меня тоже есть такой на подбородке. Не могла поверить, что он на мне вырос.

— Встречаются и другие, которые помягче, — добавляю я. — Они почти не видны, но точно есть, вроде пушка. Неудивительно, что он не хочет заниматься со мной сексом, потому что еще немного — и я превращусь в козу.

— И заработаешь на этом кучу бабла, — ржет она.

Болтовня с Шелли здорово меня подбадривает, потому что, когда рассказываешь о том, что тебя «не хотят», это звучит смешно и глупо, и кажется, что все можно уладить с помощью «разговора по душам».

— Ты же поговоришь с ним? — спрашивает Шелли перед уходом. — И выяснишь, в чем дело?

Я обещаю, что да.

Мы в постели, и он увлеченно читает увесистый психологический триллер. Я откашливаюсь.

— Энди?

— М-м-м? — Он не отрывает взгляда от книги.

— Слушай, этот пот и все, что со мной происходит, — начинаю я издалека.

— Да?

— Ну... — я замолкаю. — Это... тебе мешает, ну... заниматься этим?

Он поворачивается и непонимающе смотрит на меня.

— Чем этим? Что ты имеешь в виду?

Что, скажите на милость, я могу иметь в виду? Однодневные вылазки на побережье?

— *Этим*, — бормочу я. — Ты сам знаешь, о чем я.

О господи, почва стремительно уходит из-под ног. Как глупо! Мы живем вместе двадцать пять лет. Он держал мне волосы, когда я

блевала из-за испорченных устриц на свадьбе его младшего брата. Он видел, как я рожала двух наших детей. Не сказать, чтобы ему это очень понравилось, а с Иззи он даже отвлекался на телефон, но все равно это безумие, что мне так стыдно.

— *Этим?* — отчетливо произносит он. — Ты имеешь в виду, э-э...

— Да, — с горящими щеками говорю я.

— Нет, не мешает, — муж хмуро смотрит на меня. — Почему ты так решила?

Потому что у тебя то и дело острый приступ ишиаса, что, впрочем, не препятствует тебе таскаться по пабам...

— Я просто предположила, — коротко говорю я.

Он снова утыкается в книгу, а я делаю вид, что читаю свою, хотя на самом деле пробегаю глазами один и тот же абзац. А что, если взять «Бесподобного мистера Фокса», которого мы сейчас читаем с Иззи?

Я решаю зайти с другого бока:

— Как думаешь, может, мне попробовать заместительную гормонотерапию?

Энди недоуменно смотрит на меня, что было бы понятно, не будь он эндокринологом, т. е. врачом по гормонам, *который знает их как облупленных*. И не каким-нибудь завалыщим, а видным, который ездит по стране с лекциями на эту тему — но до жены у него, судя по всему, руки не доходят. Это слишком хлопотно. Все, что способен выдать этот прославленный специалист, это: «Не знаю, дорогая. Решай сама».

Я впадаю в ступор, не понимая, как на такое реагировать. Может, я веду себя неадекватно? Может, обращаться за профессиональным советом к мужу — это дикость? Джулз считает иначе. Эрл — кровельщик и на раз-два решает все проблемы с водостоками. Когда у них обветшал гараж, он попросил его снести и взамен собственными руками построил новый.

У меня начинает щипать глаза, я чувствую, что еще немного — и зареву. «Не раскисай!» — уговариваю я себя. Как предположила Шелли, вероятно, он просто устал и перенапрягся. Подождем, пока он станет сговорчивее.

— Я просто хочу узнать твое мнение, — рявкаю я. — Может, вместо того чтобы терпеть эти ужасные симптомы, мне нужно что-то предпринять, а? Иногда мне кажется, что я схожу с ума...

— Ну да. Наверное, тебе стоит посоветоваться с врачом, — соглашается Энди, и тут у меня начинается такое сердцебиение, что грудная клетка того и гляди разорвется. «Я уже советуюсь с врачом», — хочется крикнуть мне. Он лежит в полосатой пижаме в полуметре от меня, и ему глубоко плевать.

Энди переворачивает страницу, а я смотрю на него негодующим взглядом. Почему он не хочет мне помочь? Разве он не видит, что я вязну в трясине беспокойства и стресса?

Он зеваает и кладет книгу на ночной столик, а я говорю себе успокоиться и не устраивать трагедии по всякому поводу. Вместо этого, как я недавно прочитала, нужно сосредоточиться на *положительных* моментах климакса, а именно на возможности наслаждаться сексом (как же!) без страха забеременеть и ощущать себя мудрой зрелой женщиной — грациозной и элегантной, — точно все мы, блин, Хелен Миррен с очерченными скулами и по-прежнему легко влезаем в десятый размер джинсов.

Энди выключает у себя свет, мы сухо желаем друг другу спокойной ночи, и я пытаюсь убедить себя в том, что это поведение нормального мужчины. В конце концов, он много работает в больнице, и только консультаций для домочадцев ему не хватало. Будь он шеф-поваром, я ведь не стала бы требовать от него с порога сварганить для меня карбонару?

Значит, с нашим браком, наверное, все в порядке. Или нет?

Глава четвертая

Суббота, 16 февраля

А вот и нет. Оказывается, совсем не в порядке.

А все из-за звезд. Так я это выяснила. В городе они обычно не светят так ярко, но сегодня вечером мерцают просто восхитительно. Это какое-то волшебство.

На часах около десяти — я ходила к мусорному контейнеру, а теперь стою с пустым ведром и смотрю на них. Тут я вспоминаю, что у Энди на телефоне установлено приложение, и спешу домой узнать, можно ли им воспользоваться. Он объяснял мне, как определять созвездия, если направить телефон на небо, и сегодняшняя ночь как нельзя подходит для занятий астрономией.

— Энди! — кричу я из прихожей.

— Я в ванной, — доносится сверху его голос. — Что ты хотела?

— Да так...

Я забыла, что он ушел отмокать. Иззи отправилась с ночевкой к Мейв, так что сегодня мы с ним вдвоем. Спенсер съехал из дома четыре года назад, когда ему исполнилось восемнадцать. Он бросил университет на первом курсе, утверждая, что это не его, и спорить с ним было бесполезно. Мы ударились в панику из-за его будущего, но сын очень быстро нашел себе работу в компании, занимающейся монтажом акустических систем для концертов. Сейчас он живет в съемной квартире в Ньюкасле вместе с двумя приятелями и целым выводком патогенных грибов, обосновавшихся в их ванном коврикe. Всякий раз, когда я спрашиваю, в чем состоит его работа, он только со смехом говорит: «Таскаю тяжести, мамуль» — и ерошит мне волосы, точно я дитя малое.

Телефон Энди обнаруживается на столике в прихожей — я выношу его в сад и ввожу пароль. Сколько я себя помню, это всегда была дата его рождения, но сейчас она почему-то не срабатывает. Должно быть, он поменял пароль. Тогда я ввожу год полностью — опять облом. У меня возникает легкое чувство обеспокоенности (зачем

он его поменял?), но я отмахиваюсь от него и пробую ввести дату рождения Энди в обратном порядке. Бинго, все проще простого! И вот я в святая святых телефонного аппарата моего благоверного.

Найдя приложение, я поднимаю телефон, восхищаясь прекрасными благозвучными названиями — Бетельгейзе, Гончие Псы, Персей. О, а вот Марс! Это потрясающе. Мне нужно это приложение. Оно гораздо интереснее, чем то, что по фитнесу, которое установлено у меня сейчас и глумливо пеняет на то, что я сделала всего триста девяносто шагов из десяти тысяч, рекомендованных на день.

Бип! Эсэмэс от «Эстелл», а это слово, как мне известно, имеет отношение к астрономии (позднее я выясняю, что на латинском оно означает «звезда»), поэтому я решаю, что сообщение связано с приложением. Я открываю его, надеясь обнаружить что-то типа «Сегодня ночью невероятный звездопад — не упустите свой шанс!».

Малыш, — говорится в нем, — я так скучаю по твоим сладким поцелуям xxx.

Я морщу лоб. Как странно. Может, приложение заглянуло? Или к моему мужу это попало по ошибке? Следом приходит еще одно:

Тоскую по тебе, любимый xxx.

Что-то сжимается внутри меня, когда я вижу, что сообщений много. Я прокручиваю их и читаю переписку:

Энди: *Надеюсь, скоро xxx.*

Эстелл: *Когда увидимся, любимый? xxx.*

Энди: *Да, детка xxx.*

Эстелл: *В последний раз это было что-то xxx.*

Я читаю задом наперед и на мгновение задаюсь вопросом, а вдруг мой мозг перевернулся вверх тормашками и все интерпретирует с точностью до наоборот? Может, это очередной климактерический синдром? Порой я бываю гиперчувствительна на грани с паранойей. Я читаю: «*Люблю тебя, малыш*» (от Энди). Это что — шутка? Или — я понимаю, что хватаюсь за соломинку — его телефон хакнули?

«*Сокровище мое, — читаю я ее сообщение, — это было потрясающе!!*» Что было потрясающе? Она о сексе — о чем же еще? А значит, он занимается им не со мной, а с кем-то еще. Сердце тяжело колотится, голова начинает кружиться, мне становится дурно. Я отчаянно пытаюсь сообразить, что еще можно описать подобным

образом, но в голову лезет только одно слово — «кекс». Не думаю, что речь шла о нем.

— Добрый вечер, Вив!

От неожиданности я вздрагиваю. Оборачиваюсь и вижу улыбающегося соседа Тима.

— Привет, Тим.

Уходи, пожалуйста, и дай мне тихо попсиховать в одиночку.

— Все в порядке? — Приземистый толстяк Тим, инженер-сметчик, который в свои под сорок лысый как колено, смотрит на меня обеспокоенным взглядом.

— Да, в порядке, спасибо, — я выдавливаю из себя улыбку.

Он поднимает глаза к небу.

— Потрясающие сегодня звезды, да?

— Ага.

— Э-э, слушай, Вив, не хочется говорить о плохом... — Сердцебиение учащается. Тим знает про Эстелл? Уже все знают? — ... но у нас в саду крысы, — продолжает он. — Видел их несколько раз, поэтому завтра приедет инспектор из санэпиднадзора с проверкой. Ничего, что он заглянет и в ваш сад?

— Крысы? — я непонимающе смотрю на него.

— Ну да, — с печальным видом говорит он, точно несет личную ответственность за их появление. — Если они есть у нас, то у вас, вероятно, тоже. Не думаю, что они соблюдают границы...

Его пухлые губы шевелятся, Тим говорит и говорит, но все, кажется, потеряло смысл. Я слышу что-то про яд, про то, что крысы предпочитают перемещаться особыми маршрутами, а сама думаю: *Энди говорит, что любит ее. Он спит с ней. Мой муж живет параллельной жизнью с женщиной, о которой я ничего не знаю.*

— Ох, Вив! — восклицает Тим, в ужасе глядя на меня. — Извини, не хотел тебя расстроить. Это что-то...

— Нет-нет, ты меня не расстроил, Тим. Все в порядке... — Я понимаю, что плачу.

— Это всего лишь крысы, — он обеспокоенно хмурится, подходит ближе к изгороди и внимательно смотрит на меня. — Радоваться нечему, я знаю, но они в наши дни повсюду. Инспектор положит яд в пакетики и закопает в землю...

Я беззвучно киваю, слезы по-прежнему текут у меня по щекам.

— Честное слово, переживать не о чем, — продолжает он с огорченным видом. Родители из них с женой, возможно, и никудышные («В слово „нельзя“ мы не верим», — недавно сказала мне Крисси), но Тим — человек порядочный и доброжелательный. Не подлый изменщик, обманывающий жену направо и налево.

— Бывает и хуже, — добавляет он, когда я вытираю лицо рукавом свитера.

— Дело не в крысах, Тим...

— Да?...

— В другом.

Я поднимаю глаза к матовому окошку ванной, в котором виден свет и где «сокровище» Энди сейчас бултыхается в мыльных пузырях, не подозревая о моем состоянии.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет, извини, все в порядке — насчет инспектора, — выпаливаю я, направляясь к дому, а сама думаю: «Да пусть хоть весь наш сад зальет бетоном, мне по фигу».

В доме я несусь наверх и барабаню в дверь ванной.

— Еще занято! — весело кричит Энди.

— Дверь открой, пожалуйста!

— М-м? — слышится плеск воды. — Уже скоро...

— Энди! — рявкаю я.

— Может, воспользуешься туалетом внизу?

— Не могу.

Сейчас во мне бурлит гнев. Я со всей силой сжимаю его телефон — удивительно, что экран еще цел. Стучусь в дверь еще решительнее: Энди ругается, негромко, но отчетливо, потом снова слышится плеск и демонстративный вздох, когда он вылезает из ванны. Дверь открывается — Он стоит в распахнутом халате, на деревянный пол капает вода.

— Что стряслось?

Я тыкаю в него телефоном.

— Ты что? — Он непонимающе смотрит на меня.

— Я прочитала твои эсэмэски. Только что. От Эстелл.

У меня сжаты челюсти, сердце барабанит в груди. Энди берет телефон не сразу, и по мрачному отстраненному выражению его лица я понимаю, что никакого невинного объяснения этим сообщениям нет.

Астрономическое приложение не загрузило. Никто не взламывал его телефон. Мой муж встречается с этой женщиной, зовет ее «детка», и наш с ним брак уже никогда не будет прежним.

Глава пятая

Ужасные утренние часы воскресенья, 17 февраля

По его словам, это была ужасная ошибка. Выпили лишнего после напряженного дня на конференции в Манчестере, которая проходила в октябре: «Все набрались, Вив. Сама знаешь, как это бывает, особенно в последний вечер, под занавес».

В октябре! Целых четыре месяца назад! Это шестнадцать недель... сто с... м-м... лишним дней. И «как это бывает», я вообще-то не знаю, потому что в «Флаксико» не ездят на конференции. У нас их даже не бывает. Зато случаются «корпоративные тренинги», которые проводятся на нижнем уровне (в противоположность верхнему), почти в преисподней и в опасной близости к земному ядру, а в остальное время помещение пустует.

В бункере нет окон, ни о каком перепихоне там не может быть речи, и даже алкоголя не бывает — только жуткий столовский буфет, состоящий из сэндвичей с кресс-салатом и так называемым «сырным соусом» (тертый сыр с луком, щедро приправленный майонезом), плюс маленькое липкое пирожное, вспотевшее в целлофановой упаковке. Но дело не в этом. Даже если бы я знала, «как это бывает», не могу представить ситуации, в которой я стала бы спать с кем-то другим. Кража одноразового шампуня из тележки горничной — самый скверный поступок, который я совершила в отеле.

— Общая тусовка в баре, — продолжает Энди, опускаясь на диван. — Все бухие, выпивка на халяву, ситуация вышла из-под контроля...

И напоследок — гулять так гулять! — его «занесло» в чужую постель. Шатался пьяненьким по коридору, а тут бог послал ему доктора Эстелл Ланг, которую он «вообще почти не знал», а она затащила его в номер, раздела догола и принудила к соитию, после чего он, шатаясь и прихрамывая, поплелся на завтрак.

Это, разумеется, я домысливаю, а Энди излагает только факты — что «так вышло», но он был настолько пьян, что вообще ничего не

помнит. А может, ничего и не было. Он не уверен.

— А потом, — продолжает Энди, но только потому, что я на него давлЮ, — мы встретились, просто выпить кофе и поговорить, и как-то закрутилось, черт его знает почему. Мне так жаль, Вив...

Теперь его халат плотно запахнут, и слава богу. Вряд ли бы мне удалось спокойно созерцать его поникший блудливый пенис. Что касается звездной Эстелл, то она, как я понимаю, базируется в Эдинбурге, где и имели место последующие потрахушки. В этом отношении у него все на мази — от Глазго пятьдесят минут на поезде, а его то и дело приглашают на ланчи, презентации и встречи выпускников, и я рада-радешенька, что он меня с собой не тащит.

Иногда он остается ночевать в Эдинбурге, якобы у друга.

— Терпеть не могу мчаться на последний поезд, — сказал муж мне в последний раз.

Подлый обманщик.

— Я все исправлю, — говорит он, заламывая руки, точно пытаюсь выдавить из себя всю мерзость. Энди плачет, и я плачу — мы кричим, хлюпаем носами, повторяем одно и то же и возвращаемся в исходную точку, с которой все началось несколько часов назад.

В какой-то момент я беру настольную игру Иззи и швыряю в него. Коробка открывается, и из нее вылетают «блошки». Мы принимаемся их собирать. Когда начинает занимать рассвет, мне приходит мысль сходить за сигаретами. Но поскольку последний раз я покупала их двадцать четыре года назад, то точно не знаю, куда идти. Кроме того, прежняя прелестная золотистая упаковка отошла в прошлое, и на современных пачках изображены страшные болячки и младенцы в респираторах, что не вселяет оптимизма, и по десять штук уже не выпускают, так что придется брать двадцать, а значит, выкурить все, и тогда я снова подсяду: стану смолить на заднем дворе — к ужасу Тима, Крисси и их сынишки Лудо. А *это* будет пострашнее крыс!

Когда наступает утро — мы бесновались и рыдали всю ночь, — я начинаю видеть позитивные моменты: к примеру, слава богу, что Иззи осталась у Мейв (интересно, какую установку дала бы Джулз в рамках тренинга личностного роста?). И — по крайней мере, Энди искренне раскаивается.

— Думаю, мне просто польстило, что такая женщина обратила на меня внимание, — бормочет он.

Такая женщина, то есть на несколько порядков лучше его слегка расползшейся и потеющей климактерической женушки?

— Меня просто засосало, — добавляет он.

— А по-другому сказать никак нельзя?

— Прости! Прости!

Я сверлю его взглядом — нервы на пределе, силы на исходе, и одновременно в голове крутится мысль: я вообще когда-нибудь выплуюсь?

— Ты сказал, что любишь ее. Учти, я читала вашу переписку.

— Я слегка потерял голову, — говорит Энди, пытаюсь меня приобнять. Я его отталкиваю, еще недостаточно отошла для обнимашек. Сейчас странно вспоминать о том, как я мечтала о его объятиях и поцелуях, пока все не открылось.

— Я удалю ее номер, — добавляет он. — Можешь сама посмотреть.

— Делай что хочешь. Разве это имеет значение после того, что произошло?

— Еще как имеет, Вив. — Муж держит телефон так, чтобы мне было видно, как он удаляет номер. — Видишь, его больше нет. Клянусь жизнью, я больше к ней на пушечный выстрел не подойду.

Все еще воскресенье, где-то днем

После ночного безумия мне, естественно, приходится штукатурить физиономию, чтобы выглядеть прилично, когда я отправляюсь к Мейв за Иззи.

— Ты в порядке, Вив? — спрашивает Джулз, обратив внимание на мои припухшие глаза и землистый цвет лица, в то время как Иззи собирает свои вещички в комнате Мейв.

— У нас с Энди произошла разборка, — быстро говорю я. — Ничего, переживем. Я тебе потом расскажу.

В самом деле расскажу, но только не сейчас. Не уверена, что я вообще способна изъясняться связно.

— Мне неприятно тебе это говорить, но ты выглядишь измученной.

— Так и есть. Но, честное слово, я справлюсь.

Хотелось бы верить. Только, черт побери, мы в полной заднице. Четверть века вместе, почти полжизни — произвели на свет двух славных ребятишек и живем в солидном викторианском доме в зеленой зоне на юге Глазго. У нас куча друзей, как общих, так и личных, и хотя в нашем браке не все было гладко, я считала, что мы крепкая пара.

Надо же было так заблуждаться. И почему я ничего не подозревала? К примеру, прекращение интимной жизни. *Теперь-то* все понятно. Я что, была в каком-то мороке?

К счастью, Иззи ничего не замечает — не потому, что наспех наложенная шпаклевка служит мне хорошим камуфляжем, просто она переполнена впечатлениями от дня, проведенного с Мейв.

— Джулз разрешила нам приготовить ужин, — гордо докладывает она по пути домой.

— Здорово, — говорю я, мысленно прикидывая, сколько раз Энди соврал мне за последние несколько недель.

Когда недавно ездил в Эдинбург, якобы на пятидесятилетие своего однокурсника Колина? И до того, когда, помнится, прихорашивался с особой тщательностью для выступления в Национальной библиотеке?

— Мама?

— Да, Иззи?

— Я говорю, хочешь узнать, что мы приготовили?

— Конечно, хочу. — Я беру ее за руку и сжимаю крепко, а она с сияющей улыбкой смотрит на меня.

— Фаршированные помидоры.

— Да ну?! — восклицаю я. Что касается овощей, тут дочка очень привередлива. Под запретом даже горох.

— Они турки, — говорит Иззи. — Эрл — турок.

— Да, зайка, я знаю. И чем вы их фаршировали?

— Э-э, рисом, кедровыми орешками, изюмом...

Сухофруктами — уму непостижимо! На мгновение эта новость затмевает собой даже перепахон Энди с Эстелл Ланг в отеле «Краун Плаза». Каким чудом Джулз убедила детей отведать такие экзотические вкусы? Мы поворачиваем за угол, и на меня снова наваливается жуткое чувство безысходности. Уже виден наш дом — он больше не уютная гавань, он перестал быть прочным и безопасным, теперь это место источает боль и обреченность.

Иззи отпускает мою руку, мчится вперед и забегает в дом. Я захожу следом, вижу, как она бросается на шею отцу, и чувствую, что сердце вот-вот разорвется в груди.

Глава шестая

Шесть дней спустя: суббота, 23 февраля

И вот что странно: мой доселе равнодушный благоверный вдруг стал ужасно внимательным. Я уже почти привыкла к нашему сосуществованию, когда, находясь под одной крышей, мы живем врозь и взаимодействуем лишь постольку. Так было до недавнего времени. А теперь он бродит за мной по дому, как верный пес, чуть не тыкается в меня носом и, стоит мне ненадолго присесть на диван, сразу мостится рядом. Еще немного, и я стану выводить его во двор справить нужду.

Разумеется, я понимаю, почему он так себя ведет. Тем самым он надеется замять гадкую интрижку с Эстелл. Прежде он не прикасался ко мне неделями — разве что смахивал крошки с джемпера, — так что эта новая линия поведения внушает по меньшей мере беспокойство. Порой я вздрагиваю от его касаний, а однажды развернулась, готовая вцепиться если не в физиономию, то хотя бы в стоп-кран, точно меня лапают в вагоне поезда. Пришлось твердо объяснить, что не стоит целовать меня в шею, когда я отбиваю лед с дверцы морозильника.

Теперь он у нас не только Пусик-Лапусик, но к тому же Мастер-Рукастер — это что-то новенькое. Вешалка, которую я просила прибить не один десяток лет, наконец-то *висит*. Знаю, мне давно следовало, по примеру всех современных самодостаточных женщин, свести дружбу с аккумуляторной дрелью и прибить самой. Но я этого не сделала и — ура-ура! — могу больше не париться по этому поводу, потому что вот она, вешалка, на стене в прихожей (в точности там, где я просила ее прибить). Кроме того, он повесил: полки в ванной, еще одну — в спальне и зеркало в прихожей, — словом, укреплял и воздвигал все подряд по всему дому. Спасибо, что не собственный орган. Еще он стал исключительно игривым в постели — очень любопытная перемена. Естественно, мое либидо приказало долго жить, после того как раскрылся интим с Эстелл, поэтому в постельных делах у нас затишье. Нет, он ничуть не сетует на то, что его любовные

притязания получают жесткий отлуп — напротив, исключительно мил и признателен до тошноты:

Спасибо, дорогая, что выстирала рубашки!

Как, ты уже вымыла посуду? Я бы сам мог...

Вау, какое объедение...

— Это просто омлет! — рявкаю я.

«Ты солить-то соли, но не пересаливай!» — вертится у меня на языке, но я не хочу, чтобы он думал, будто мы снова на шутиливой волне. Я по-прежнему сержусь и в то же время чувствую себя хреново из-за того, что стала такой стервой. Интересно, я останусь ею навсегда?

Куда ни посмотри, обязательно наткнешься на статью о том, как «стать лучшей версией себя». А я возле Энди, твердо вставшего на путь исправления, похоже, превращаюсь в худшую версию себя — в угрюмую и бесчувственную надзирательницу.

— Да, но твои омлеты — самые лучшие, — бормочет он, глядя в тарелку с благоговением, точно готовясь ее облобызать. — Это я всегда говорил.

«Вообще-то нет, — хочется возразить мне, — ты это говоришь только потому, что твоему петушку не сидится в курятнике». Энди смотрит на меня с другого конца кухонного стола. Иззи, которая, к счастью, не догадывается, что что-то не так, лежит, укрывшись одеялом, на диване в гостиной — болеет. Я встаю со стула и иду к ней. Мне по-прежнему тяжело находиться в одной комнате с Энди.

— В чем секрет? — спрашивает он, следуя за мной по пятам.

— Секрет чего? — хмуро переспрашиваю я.

— Твоих омлетов!

— Ты вправду хочешь знать?

— Разумеется, — с обиженным видом заявляет Энди.

— Он хочет знать, — говорит Иззи, недоуменно глядя на меня, отчего у меня сразу начинает щемить сердце. — Почему ты ему не говоришь? Ты сердишься на папочку?

— Конечно, нет, — с натянутой улыбкой произношу я и выметаюсь из комнаты.

Я отсиживаюсь наверху, размышляя о том, как мы будем из этого выбираться. Мы старательно маневрируем друг перед другом,

занимаемся обычными домашними делами: готовим ужин, смотрим телевизор и, само собой, всем, что связано с Иззи. Всю неделю мы говорили про Эстелл — разумеется, когда Иззи уже крепко спала, — потому что я старалась вытянуть из него все подробности: замужем ли она (да), есть ли у нее дети (нет) и насколько она состоялась профессионально («Вполне», — с неохотой признает он, из чего следует: «В высшей степени»).

Самое сложное — смириться с тем, сколько у них все продолжалось. Это значит, что они «имели сношения» (как старомодно звучит!) на Рождество, когда я думала, что у нас все распрекрасно. А теперь я понимаю, что он резал индейку, а думал, вероятно, о ней. И она была у него на уме, когда они со Спенсером, подвыпив, играли в «Дженгу» и когда он обнимал Иззи и говорил, что ее рождественская открытка — «самая лучшая из всех, которые ему дарили».

Как он мог *так* с нами поступить?

Само собой, я нагуглила чертову тучу информации про эту особу. Поскольку я почти не сплю, то взяла себе за правило сидеть до полуночи и смотреть ее выступления на конференциях и заседания в комиссиях «очень важных докторов».

Она красива холодной, тонкой, почти прозрачно-бледной красотой: у нее небольшие веснушки, манящие зеленые глаза и прямые светлые волосы, которые достают до подбородка. Будь она продавщицей в магазине одежды, вы предпочли бы самостоятельно искать свой размер, чем обращаться к ней за помощью. И про примерку не отважились бы спросить. Решили бы, что вы, пожалуй, слишком толстая, и ушли бы ни с чем, напоследок робко пробормотав «спасибо».

Да, она стройная. Кто бы сомневался. И, наверное, высокая. У нее такой надменный вид, точно она — флагманский корабль на полном ходу, а я по сравнению с ней — баржа, дрейфующая боком. Но никакого упоминания о ее росте я нигде не нашла, а когда спросила Энди, он в ответ застонал:

— *Пожалуйста*, Вив, давай покончим с этим, — и вышел из комнаты.

Зато я выяснила, сколько ей лет. На вид она моложе меня, сорок с небольшим, не больше, но, оказывается, — вот ужас-то! — что мы с ней одного возраста. Ей пятьдесят два, а кожа, черт бы ее побрал, как

персик! И выглядит естественно — никаких явных последствий ботокса или подтяжек, точно лифтинг делали за ушами. Я не могу понять, то ли она стареет замедленными темпами, то ли я разваливаюсь с катастрофической скоростью.

— Я просто хочу, чтобы мы были счастливы, как раньше, — произносит с измученным видом Энди, когда я начинаю докапываться до него по этому вопросу. — Что я должен для этого сделать?

Проблема в том, что я не знаю.

Воскресенье, 24 февраля

А моя приятельница Пенни знает.

— Пользуйся моментом, — говорит она. — Есть хозяйственные дела? Вот, флаг ему в руки.

Сегодня мне пришлось удрать из дому — я в буквальном смысле не могу находиться рядом с Энди и обрадовалась, когда она пришла. День ясный, небо синее, и я помогаю Джулз, приглядывая за Мейв. Пока девчонки лазят по детскому городку, Пенни инструктирует меня, как припрячь мужа к работе по дому. «Куй железо, пока горячо» — суть в этом.

— Но он уже все сделал, — возражаю я. — На днях я поймала его за тем, что он рыскал по дому в поисках занятия. Все лампочки поменял. И даже без всяких просьб накачал шины моего велосипеда. *Он вымыл плитуса.* Буквально все дела переделал.

— А сад? Ты же говорила, что хочешь посадить овощи?

— Да, но...

— Пускай займется.

— Еще слишком рано, Пен, — говорю я.

— Хочешь сказать, ты еще не готова для разговора? — озадаченно спрашивает она.

— Нет, слишком рано сажать овощи.

— Да, но он может копать, готовить землю...

Мне не до смеха, но я смеюсь. Можно подумать, наша жизнь наладится благодаря пучку рукколы.

— Пенни, мне расхотелось.

— Но ты так об этом мечтала, — настаивает она. — Ты говорила...

— Да, но это было до того, как я узнала про ту женщину!

— Моя дорогая, мне так жаль, что это случилось с тобой.

Она стискивает мне руку, а я смотрю на ее доброе лицо — традиционная огненно-красная помада и спадающие на плечи пепельные кудряшки. Пенни почти на двадцать лет старше — ей семьдесят один, — но в ее отношении ко мне нет ничего материнского. Наша разница в возрасте меня даже бодрит, потому что при любом моем жизненном раскладе всегда есть большая вероятность того, что Пенни уже это испробовала и выкарабкалась, пусть не без потерь, а теперь хрипло хохочет, потягивая джин с тоником. Лично мне пока удавалось потреблять алкоголь в разумных количествах — разумных для человека обманутого и униженного.

Впервые мы с Пенни встретились именно здесь. Тогда, пять лет назад, мы с Иззи буквально жили в парке, расположенном в пяти минутах ходьбы от нашего дома, и как-то раз обратили внимание на даму в ярких нарядах, которая выгуливала черного песика. Мы стали присматриваться к ней, и дама очень обрадовалась, когда Иззи пришла в восторг от ее Бобби, помеси шнауцера с пуделем («Это шнудель», — объяснила она). Несколько недель мы просто болтали, а потом обменялись номерами, чтобы договариваться о встречах. И я стала с нетерпением их ждать.

Со своим безукоризненно правильным выговором и хриловатым смехом Пенни казалась приземленной и вместе с тем грандиозной. Вскоре я узнала, что подростком она была моделью в Лондоне, появлялась на обложках журналов и танцевала в самовязаном платье среди публики музыкальной телепрограммы «Вершина популярности». В двадцать два она стала матерью и, поскольку с модельным бизнесом пришлось завязать, она научилась кроить по лекалам и так зарабатывать на жизнь. Днем она трудилась в машбюро, а ночью шила одежду, которую продавала на рынке Портобелло-роуд — «Сейчас мои пончо — коллекционные изделия!» — гордо поведала она мне, — и в конце концов открыла в родном Глазго крохотный бутик. Благодаря таланту и обаянию ей удалось найти инвесторов и запустить новые магазины. На протяжении второй половины семидесятых годов она возглавляла популярную и чрезвычайно

влиятельную сеть бутиков под названием «Мисс Пятница» — аналог современного Topshop.

Сейчас она становится серьезной.

— А *что* ты будешь делать?

— Честно говоря, не знаю, — я смотрю на свои обшарпанные ботинки, торчащие из-под джинсов. На Пенни — красная стеганая куртка с капюшоном, отороченным мехом, юбка до лодыжек из синей блестящей ткани и желто-коричневые спортивные ботинки.

— Значит, он пообещал, что больше к ней на пушечный выстрел не подойдет?

— Да, именно так он выразился, — киваю я.

— И ты ему веришь?

— Я не знаю, чему верить. — Я смотрю на девчонок, которые сидят, прижавшись друг другу, на веревочных качелях и увлеченно болтают, а Бобби тем временем обнюхивает ближайшие кусты. — Но, наверное, придется, — добавляю я.

— Хочешь сказать, что тебе придется ему поверить или что придется остаться с ним? — Она скептически смотрит на меня.

— И то, и другое.

Я понимаю, насколько беспомощно это звучит. Судя по всему, Пенни выперла своего супруга, когда их сыну Нику не исполнилось и года, причем рассказывала об этом так, будто это было не сложнее, чем оставить мешок со старым барахлом у благотворительного секонд-хенда. «Я избавилась от всего лишнего», — как всегда емко и точно выразилась она.

— Дорогая, ты же знаешь, что с Иззи все будет в порядке, — осторожно, по-доброму, говорит подруга. — Да, когда ребенок маленький, разрыв представляется ужасным. Но, поверь мне, так будет лучше для всех.

Я киваю, хотя мне тошно при одной мысли о том, чтобы обойтись так с Иззи.

— Она умная, рассудительная девочка, — добавляет Пенни. — Она привыкнет. Дети адаптируются к разнообразным ситуациям.

— Для нее это будет страшным ударом, — бормочу я. — Она обожает отца.

— Но у нее, наверное, есть подруги, чьи родители не живут вместе, — говорит Пенни, точно это может послужить утешением.

— Да, есть такие.

— А мама и папа Мейв?...

— Нет, они очень близки и безумно счастливы. — Я вглядываюсь в оживленное, смеющееся лицо дочери и не могу даже мысли допустить о том, чтобы перевернуть ее жизнь вверх тормашками. — И потом, еще есть Спенсер.

— Но он взрослый и живет собственной независимой жизнью!

— Он все равно огорчится. Уверена, он считает, что у нас с папой все отлично.

— Да, но дело не в них, а в тебе — в том, что хочешь *ты*. И посмотри, что с тобой сделал Энди.

— Да, знаю, — не очень уверенно говорю я.

Но мы семья, хочется сказать мне, и я не уверена, что могу вычеркнуть эти двадцать пять лет. Хотя я все еще обижена и уязвлена, я пытаюсь поступить правильно. Я не знаю, как объяснить это Пенни так, чтобы не показалось, будто я не одобряю ее разрыва с отцом сына. На самом деле я думаю, что она гораздо смелее, чем я вообще могу быть. Прямо сейчас мне просто жутко.

— Пен, — говорю я, — могу я спросить, почему ты рассталась с папой Ника?

— Я тебе об этом рассказывала, — быстро отвечает она.

Вообще-то она упоминала о нем вскользь и, пожалуй, лишь то, что отец из него был никакой — «Он скорее позволил бы оттяпать себе ногу, чем сменить подгузник» — и что после их разрыва он переехал жить в Канаду. Когда я спросила, жив ли он еще, она пожала плечами: «Вроде бы».

— Ну да, немного, — говорю я. — Просто я подумала... может, произошло что-то конкретное?

— Типа последней капли? — Она поднимается со скамейки, поскольку Бобби скрывается из виду. — Ну да, был инцидент с супом...

— Что за инцидент?

Она хихикает:

— Я тебе рассказывала, что за фрукт был Брайан. Крутой архитектор, перетрававший половину офиса, окруженный цыпочками, как он их называл...

— Так он спал с другими женщинами?

— Почти стопроцентно, — небрежно бросает Пенни, пристегивая поводок к ошейнику Бобби. — Но не в этом дело. В нашем кругу это повсеместно. Проблема состояла в том, как он воспринимал меня, понимаешь?

Я киваю, хотя на самом деле не понимаю. К нам подбегают девочки и просят купить мороженое. Иззи берет поводок Бобби, мы выходим из парка и направляемся к лотку.

— В наши дни так уже не принято, — продолжает Пенни, — но тогда начальники типа Брайана хотели, чтобы жена была «на хозяйстве». Ну, ты знаешь — этакая хлопотунья в фартучке, устраивающая ужины для коллег...

— Он ждал этого от тебя? Да не может быть! — восклицаю я.

— Увы, да, — хихикает она. — Значит, не представляешь, чтобы я доливала бокалы и разносила волованы?

— Ни за что.

— Что за болваны? — оборачивается Иззи.

— Волованы — маленькие пирожки с начинкой, скажем с грибами в сливочном соусе.

— Фу! — восклицает Мейв.

— Ты их готовила? — спрашиваю я.

Пару раз мне довелось отведать «экспериментальную» стряпню Пенни: ее «свинину в манго-маринаде», представляющую собой анемичные отбивные и ломтики фруктов в чаше сидра, а также лаймовый чизкейк консистенции мела для классной доски. Обычно она питается замороженными готовыми блюдами.

— Разумеется, нет, — заявляет она, когда мы пристраиваемся в хвост небольшой очереди к лотку с мороженым. — Но однажды Брайан позвонил с работы — а я тогда с малышом крутилась как белка в колесе — и сказал: «Пен, дорогая, сегодня к нам придут на ужин Роджер с Клео. Приготовь, пожалуйста, что-нибудь вкусненькое, а?»

— И что ты сделала?

— У меня была большая банка томатного супа, и я его разогрела, — с сияющей улыбкой говорит она. — Брайан зашел на кухню в тот момент, когда я разливала его по мискам — таким симпатичным, с ручной росписью, из Марракеша, — и говорит: «И это все, на что ты способна, Пенни?» А я говорю: «Нет, дорогой, не все...», достаю из холодильника кусок чеддера и швыряю ему в

физиономию со словами: «Хотела еще тертым сыром посыпать, но хрен с ним!»

Иззи с Мейв приходят в восторг, и вся очередь как по команде разворачивается в нашу сторону, когда мы ржем в голос. Боже мой, я еще могу смеяться. Мой муж трахался на стороне — с той, что гораздо красивее и успешнее меня, а я по-прежнему могу смеяться, буквально падать от хохота.

Я так благодарна Пенни за то, что она на десять секунд отвлекла меня от мыслей об Эстелл Ланг.

Глава седьмая

Понедельник, 25 февраля

Весь день на работе я мысленно прокручиваю слова Пенни: что с детьми все будет в порядке и что иногда расстаться — лучший выход для всех.

Но я — не Пенни. Мы совершенно разные. И дело не в том, что я считаю себя лучшей мамой — просто мне не дано быть такой пофигисткой, как она. Я паникерша и вечно суечусь, считаю своей обязанностью все и всегда делать по максимуму, а если накосячу, то меня сразу отдадут под суд, а Иззи принудительно передадут в опеку.

Звучит дико, но это реальность, в которой существуем мы, современные матери. В семидесятые годы родителям жилось иначе.

Мой папа курил в машине, где находились мы с мамой, и это не считалось предосудительным. Однажды мама разбила термометр и дала мне ртуть поиграть. Я обожала ртуть, как Иззи обожает свой вязаный сэндвич! И никто не переживал из-за питания детей. Никому не приходило в голову, что им нужны какие-то «витамины» и нельзя «слишком много сахара». Пенни недавно сказала мне, что, когда Нику было пять, он *целый год* не ел ничего, кроме десерта «Райское наслаждение» со вкусом ирисок.

— И что ты сделала? — оторопело спросила я.

— А что мне оставалось? — Она пожала плечами. — Только махнуть рукой.

— Но как же здоровье? Зубы? И питательные вещества?

Я изумлена и впечатлена, но вместе с тем мне за него обидно, хотя сейчас он, судя по виду, вполне себе полноценный мужчина лет за сорок, сделавший успешную карьеру кинодокументалиста в Новой Зеландии.

— В моем ведении находилось семнадцать магазинов, Вив. Каждые две недели у нас пополнялся ассортимент. У меня не было времени выкладывать ему на тарелке смешные рожицы из овощей.

Затем был период, когда он сбрасывал с себя одежду и носился голышом по библиотеке. Очевидно, Пенни «махала рукой» и на это («Я читала, дорогая»). Она брала его на фотосессии, где «с ним возились гримеры или модели», но, когда случались большие светские мероприятия, его всегда оставляли с приятельницей или с приятельницей приятельницы. Забавно, что потенциальная нянька для Бобби всегда проходит всестороннюю проверку и подвергается самому тщательному допросу.

Еще одна черта Пенни, которая мне представляется просто поразительной, — это насколько ее не волнует тот факт, что Ник живет на другом конце света. Он развелся со своей женой-новозеландкой, но возвращаться в Великобританию не спешит. Она показала мне одну-единственную его фотографию, на которой он с бородой, — размытую и снятую, вероятно, с расстояния в полмили, — и это лишь когда я ее об этом попросила.

Мне тяжело от мысли, что Спенсер живет в трех часах езды от нас. Возможно, именно поэтому каждые два месяца я заказываю для него продуктовую доставку.

— В Ньюкасле нет продуктов? — подколола меня Пенни, узнав об этом.

Я полагаю, суть в том, что мы с ней очень разные, и ее упорные заявления, что все будет «в порядке», если мы с Энди разбежимся, никак не повлияют на мое решение. Он твердит, что сожалеет и любит меня, и мы худо-бедно, но как-то сосуществуем. Слава богу, что Иззи по-прежнему не в курсе, насколько все плохо.

Вообще я от нас балдею. Наш брак летит в тартарары, и я нет-нет да начинаю пытаться его насчет чувств к той женщине и как он так мог — завожу эти жуткие цикличные разговоры, ведущие нас в никуда. Но, вопреки всему мы старательно «держим лицо» перед дочерью и во взрослой компании.

Когда мы на людях, никогда не догадаешься, что что-то не так. Подумать только, мы способны на такое лицедейство, что вполне можем претендовать на «Оскар».

Среда, 27 февраля

Утреннее пробуждение сопряжено с двумя открытиями:

1. Сегодня мне пятьдесят три, и я добралась до этой даты, не умерев от горя и стыда.

2. Жизнь — вкусная штука: Иззи приносит мне в кровать всякие лакомства — корнские вафли, толсто намазанные маслом, порезанный банан и виноград. Еще она дарит мне очаровательный браслетик из бисера, который смастерила сама, и самодельную открытку — на ней изображена я в желто-коричневом плаще и джинсах на прогулке с Бобби.

На ее картинке льет сильный дождь, небо темное и грозное, хотя обычно Иззи рисует солнце — желтое и лучистое, но ресницы у меня, по крайней мере, покрашены и тушь не течет, когда я внимательно вглядываюсь в него. Картинка может называться «Мамина жизнь настолько паршивая, что даже в ее день рождения идет дождь», но я предпочитаю другое название — «Позитивная мама, довольная жизнью в любую погоду». И, раз такое дело, моя установка «все отлично!», должно быть, работает, и это невероятно, потому что на душе у меня скребут кошки. Я перебралась бы в бывшую комнату Спенсера, но боюсь вызвать шквал каверзных вопросов у Иззи, и потому по-прежнему сплю с Энди.

Иззи убегает переодеться для школы — что касается сборов, тут она категорически отказывается от моей помощи, — и Энди дарит мне кольцо из молочно-голубых камней на изящной серебряной цепочке. «Спасибо», — говорю я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. *Не плачь, не плачь, не плачь.* Еще есть флакон моих любимых духов с запахом инжира и хорошая подборка интересных книг.

Он действительно расстарался и точно хотел порадовать, но выходит иначе — меня охватывает такая печаль, что я едва сдерживаюсь. «С днем рождения, дорогая», — говорит он, доливая кофе мне в чашку, точно услужливый эльф. Наконец Энди отчаливает на работу, а мы с Иззи отправляемся в школу.

Хотя Спенсер никогда не удосуживается бросить открытку в почтовый ящик, он звонит в обед и клятвенно обещает скоро приехать. Нередко эти заверения оказываются впустую, и я даже надеюсь, что сегодняшнее — из этого разряда. Иззи может не замечать возникшего между нами напряжения, но сын точно уловит неладное.

— Какие планы на вечер? — интересуется он.

— Папа забронировал столик, — отвечаю я. — Не знаю, куда мы идем. Это сюрприз.

— Вау, класс! Наверное, в какое-нибудь крутое местечко?

— Надеюсь, что не в «Пицца Хат».

Сын хихикает, и, когда разговор окончен, мне приходит в голову, что дело не в том, что Энди забронировал столик, а в том, что он также позаботился о няне. Ему пришлось узнать у меня ее номер. И он обо всем договорился — *впервые*, на моей памяти.

Ресторан, как выясняется, — прелестное местечко, где подают морепродукты, что в обычной ситуации меня очень порадовало бы. Но сейчас я понимаю, что мы оба притворяемся, будто это обычный день рождения и все прекрасно, что мы счастливы и по-прежнему очень любим друг друга. Я охотно ковыряюсь всеми этими щипчиками и вилочками, притворяюсь, что ракообразные за астрономическую цену с их бледным мясом мне очень по вкусу, и замечаю, как у Энди бледнеет физиономия при виде счета.

Позже, когда уходит няня, он лезет ко мне с поцелуями и ласками и осыпает комплиментами по поводу моего тела, лица и красиво вышитой комбинации, подаренной Пенни. Трудно поверить, что до того как все это случилось, секс со мной был для него повинностью, типа уборки общественной территории (в которой мы, как сознательные граждане, всегда принимаем участие). И у меня даже складывалось впечатление, что уборка, пожалуй, ему больше по душе. Он всегда так радовался, когда организатор мистер Сингх раздавал мусоросборники, что могло показаться, будто он подумывает опробовать их в нашей интимной жизни.

Но теперь все иначе. Нынче ночью мы действительно занимались «этим» — впервые с тех пор, как вскрылось про Эстелл, причем обошлось без намеков на ишиас/люмбаго и разговоров о том, что утром ему надо рано вставать. Я чувствую себя немного странно и отчужденно, но по крайней мере мы еще на это способны, все не так ужасно, и это ободряет и вселяет надежду на то, что, возможно, у нас еще не все потеряно.

Думаю, я по-прежнему люблю его. Но вообще-то это бесит, что невозможно отключить чувства к изменившему тебе партнеру. Они все еще живы — бурлят под толщей гнева и обиды: я, как прежде, восхищаюсь его самоотверженностью в работе и тем, какой он

замечательный отец — заботливый и добрый, каким я его и представляла. Мне бы ненавидеть его, но все не так просто. Он по-прежнему тот самый мужчина, которого я полюбила много лет назад, и единственный, от кого хотела иметь детей. Кроме того, я по-прежнему, несмотря на все, считаю его привлекательным. Он совершил ошибку — ох, как же это по-взрослому звучит! — и раскаивается, и, я думаю, мы сможем это пережить. Мне не единожды хотелось проверить его телефон, но до сих пор я удерживаюсь.

То есть мне нужно поверить ему снова? Или что?

Глава восьмая

Три недели спустя: среда, 20 марта

Всю неделю лил дождь и наконец прекратился. Сегодня у меня выходной. Прием у стоматолога, а кроме того, я решила посвятить несколько часов себе.

В доме пустота и блаженная тишина, и, глядя из кухонного окна, я замечаю, насколько красив сад. Расцветают крокусы — фиолетовые и белые, с шафрановыми пестиками, а ниже бордюром идут нарциссы. Я люблю наш сад. Он слегка запущенный и диковатый, но все в нем возникает именно там, где нужно. У Иззи есть своя маленькая делянка, где она выращивает анютины глазки всевозможных цветов. Я забираю дочь после школы, и мы возимся в саду под вечерним солнцем, почти не разговаривая, но с ощущением счастья, что трудимся бок о бок.

Моя тревожность прошла не до конца, я все еще время от времени просыпаюсь по ночам с бешено колотящимся сердцем. Однако это началось задолго до того, как я узнала про Эстелл, и сейчас я понимаю, что уже почти пришла в норму. По крайней мере, состояние полной раздробленности совершенно точно позади.

Раньше я думала, что роман на стороне означает конец брака, финал истории. А теперь не уверена, что это так. Во-первых, меня пугает мысль в пятьдесят три года остаться одной. Дело не в том, что некому будет вывозить мусорный контейнер или собирать мебель. Это даже не финансовый вопрос (я уверена, что в итоге мы как-нибудь справимся). Скорее страшит сама мысль о внезапном одиночестве — у меня его не было с двадцати семи лет. Крохотная частичка меня считает, что это здорово и, может быть, я снова почувствую себя на двадцать семь — энергичной, исполненной жизни и амбиций, с гладкой кожей, упругой задницей и жаждущей приключений. Да, это звучит волнующе. Но в остальном, когда я думаю о том, что буду начинать все заново в качестве одинокой женщины, я ощущаю глубокую тоску и откровенный страх. Я знаю, это тот жизненный этап, когда надо меньше «париться», чувствовать себя увереннее и не

переживать о том, что думают окружающие. Но так ли это на самом деле? Если это естественный ход вещей, значит, произошел какой-то сбой, потому что со мной все обстоит совсем иначе.

Тем вечером, после того как Энди уходит спать, я сижу на заднем крыльце и пытаюсь удержать состояние покоя, которое ощутила раньше, когда мы с Иззи были в саду. В маленькой записной книжке я создаю список, озаглавленный «Причины, чтобы расстаться»:

Потому что я чувствую, что так надо.

Не уверена, что смогу доверять ему снова.

Чтобы наказать его.

Это все, что мне удается из себя выдавить.

Что касается «Причин, чтобы не расставаться», то их — хоть отбавляй, а именно: «Так лучше для Иззи», «Не будет потрясений» и «Если брак можно спасти, то нужно попытаться». Но это я опускаю и пишу только одно:

Потому что я по-прежнему люблю его.

Пятница, 22 марта

Во время нашего тихого и самого заурядного вечера до меня вдруг доходит, что случилось нечто из ряда вон. Иззи спит, а это значит, что мы могли бы в который раз перемалывать ситуацию с Эстелл. Но этого не происходит.

Вместо этого за ужином мы обмениваемся историями о событиях сегодняшнего дня. Энди, который никогда не вдается в подробности своей врачебной практики, рассказывает о женщине, пришедшей на консультацию с тремя детьми, и они устроили в приемной настоящий пикник — выложили сэндвичи, чипсы и шоколадные батончики. «Никто не отважился сказать им, чтобы убрали», — говорит он.

Впервые за долгое время муж делится со мной впечатлениями прошедшего дня, тогда как обычно ссылается на то, что «слишком устал» для разговоров. В результате я перестала его расспрашивать. Я, в свою очередь, рассказываю о том, что сегодня моей начальнице доставили ярко-розовый «фитнес-бол» — такой громадный пляжный мяч, на который Роуз громоздится, чтобы «стабилизироваться», когда не сидит в кресле, но регулярно сваливается (надеется тем самым

укрепить «сердцевину тела» без отрыва от китайских вопросов). Конечно, на искромётные анекдоты наши байки не тянут, но, по крайней мере, мы относительно нормально общаемся и не дергаемся в присутствии друг друга. Энди наконец-то перестал гладить меня по волосам, когда я загружаю посудомоечную машину, и не маячит за спиной, норовя клонуть в шею, когда я складываю выстиранное белье. Всплеск любовной активности — это понятно. Но то, что она пошла на спад, — тоже ведь неплохо?

Я начинаю думать, что мы действительно можем выкарабкаться и что интрижка Энди — из разряда пресловутых «конфузов». В конце концов, большинство браков в тот или иной момент сталкиваются с кризисом, и я читала, что порой они даже становится крепче.

Словом, диспозиция такая: мы — обычная пара средних лет, коротающая вечер пятницы, и мне это представляется правильным. А на призывы Пенни к тому, чтобы он «сматывал удочки», мне плевать. Это мой брак и мое решение, и мне невыносима мысль о том, чтобы все это полетело в тартарары.

Воскресенье, 24 марта

Месяц спустя после обещанного, но Спенсер все-таки собрался нас навестить. Теперь, когда худший момент кризиса под названием «Эстелл», похоже, миновал, его приезд — большая радость. Он наполняет дом своим громким раскатистым смехом и невероятными историями о концертах, на которых работал, и мне это ужасно нравится. Он приехал с Милли, своей девушкой — исключительно деятельной особой, которая способна раскопать в благотворительном магазинчике потрепанное атласное покрывало ядовито-зеленого цвета и сшить из него потрясающую юбку.

У нее точеные черты лица и грива светло-каштановых курчавых волос. Иззи потрясена до глубины души — несмотря на то, что мы уже неоднократно встречались с ней, — ходит за Милли хвостом и трещит без умолку. Вот мы впятером сидим в залитой солнцем кухне, и кажется невероятным, что чуть больше месяца назад я читала в саду те ужасные эсэмэски.

Как обычно, Спенсер не удосужился предупредить нас о том, что едет в Глазго — просто позвонил с автозаправки сказать, что уже в пути и будет где-то через час, и ни словом не обмолвился о том, что Милли с ним. Еды почти не было, и я запаниковала: я люблю устраивать к его приезду настоящий пир.

— Приготовь омлет, — сказал он.

Именно этим я сейчас занимаюсь (тем более что он его обожает).

— Как поживает экструзионный бизнес? — весело интересуется он, когда я приношу огромную миску домашних золотистых чипсов и мы садимся за стол.

— Процветает, — с улыбкой отвечаю я.

Спенсер пристально смотрит на меня. Его голубые глаза ярко блестят за стеклами очков в темной оправе, и сейчас мне начинает казаться: а вдруг он понял, что с момента нашей последней встречи *что-то* произошло.

— Тебе нужно вернуться в театр, мама, — говорит он, — и делать то, что тебе нравится. А там ты только теряешь время.

— Да, правильно, — соглашается Милли. Она работает в стиле перформанс, пробует себя в разных жанрах — в танце, устном творчестве, в поэзии — и регулярно принимает участие в Единбургском фестивале искусств. Ее целеустремленность и уверенность в себе — в двадцать-то лет — меня просто потрясают.

— Кто сказал, что мне не нравится то, что я делаю? — с улыбкой говорю я, понимая всю бессмысленность рассуждений о том, что в моем возрасте стабильный рабочий график куда ценнее того, что Спенсер называет погоней за мечтой. И когда он только происходит — этот крен в сторону разумного жизненного пути?

— Я могу показать Милли свой гардероб? — спрашивает Иззи, как только обед подходит к концу. Она обожает наряжаться.

— Ну конечно, — говорю я, а у самой сердце трепещет от радости, когда они вместе убегают.

Спенсер берет из миски еще чипсов.

— Все было замечательно, мама. Ты делаешь лучшие омлеты в мире.

— Это верно, — подает голос Энди. — Я все время говорю ей об этом.

— Сколько похвалы, — замечаю я, когда мы принимаемся убирать со стола, — она того и гляди ударит мне в голову.

— Даже по прошествии стольких лет, — с усмешкой обращается Энди к сыну, — она не хочет рассказать мне свой секрет.

— Если скажу, тебя придется убить, — говорю я.

Он хохочет и обнимает меня рукой за талию, а я замечаю на лице у Спенсера выражение облегчения, точно он думает: «Ну, значит, у них все в порядке».

Иззи прибегает на кухню в ярком наряде, который девочки придумали вместе: желтый топ, красные брючки, боа из ядовито-зеленых перьев и максимальное количество безделушек, которое может нацепить на себя семилетняя девочка.

— Значит, Милли можно помогать тебе с выбором одежды, а маме нельзя? — подтруниваю я над ней, одновременно фотографируя ее на телефон.

— Да, потому что Милли разбирается в моде, — хихикает она.

— Пенни тоже разбирается, но ты и ей не разрешаешь выбирать наряды.

Иззи лукаво усмехается.

— Пенни сказала плохое слово на букву «х», — объявляет она, а Спенсер делает вид, что глубоко шокирован.

— Да ты что? Это возмутительно! А из-за чего?

— Из-за чего, мама? — Иззи смотрит на меня. — Она не хотела посыпать суп сыром?

— Боже мой, Иззи, это было несколько недель назад...

Разумеется, дети никогда не забывают, когда взрослые делают что-то неправильное. Они складывают это на полочку, снабдив соответствующей ссылкой, а потом достают оттуда с неописуемым восторгом.

— А что, разве в суп кладут сыр? — размышляет Спенсер, когда я рассказываю ему эту историю.

— Разумеется! — восклицаю я с притворным негодованием. — Сыр в томатном супе *обязателен*.

— Это ретрорецепт, — добавляет Энди, — но все именно так. Стоит попробовать, Спенсер. Только брать нужно дешевый чеддер...

— Спасибо за подсказку, папа, — он усмехается и поворачивается ко мне: — Как поживает дражайшая Пенни?

— У нее все отлично.

— Все еще встречается с музыкантом на лодке?

Он имеет в виду Хэмиша, у которого бархатные пиджаки, галстуки, грива седых волос и особая манера «подавать голос» (то есть он всегда говорит так, точно выступает перед публикой).

— По его словам, он *композитор*, — с улыбкой говорю я, — да, встречается, но насколько это серьезно, я не знаю...

— Он ведь гораздо моложе ее? — спрашивает Энди.

Меня удивляет, что он в курсе. До истории с Эстелл мои подруги никогда его не интересовали.

— Да, думаю, ему немногим за шестьдесят.

— Совсем старенький, — выдает Иззи.

— Все относительно, — важно замечает Спенсер, похлопывая ее по руке, а потом поворачивается ко мне: — Передавай ей от меня привет.

Спенсер с Милли собираются уезжать, а я стараюсь скрыть свое разочарование из-за того, что они не остаются на ночь. Но концерт в Эдинбурге — это чертовски заманчиво, и они, со всеми распрощавшись и расцеловавшись, отчаливают.

— Славно посидели, да? — говорю я.

— Да, — кивает Энди, который вдруг как-то сдувается.

— Жаль, что они пробыли так мало.

— Мне тоже.

Он вытирает стол и оглядывает кухню, точно раздумывая, что еще надо сделать. Иззи скрывается в своей комнате.

— Но здорово, что у него своя полноценная жизнь, — замечаю я. — Я им горжусь, а ты?

Энди откашливается.

— Да, конечно, я тоже.

Его голос звучит как-то странно, точно ему особенно жаль, что Спенсер уехал, но я не могу понять почему. Да, визит был коротким, но это обычное дело. Мы привыкли к тому, что он объявляется, ставит всех на уши и исчезает, прежде чем мы успеваем понять, что он приезжал.

Энди загружает посудомоечную машину, а я иду вверх сделать ванну для Иззи и поболтать с ней, пока она будет плескаться в мыльных пузырях. Потом у нас по плану чтение — парочка глав из

«Твитов», над которыми она всегда хохочет, затем я подтыкаю ей одеяло и целую на ночь.

— Ты была рада повидаться со Спенсером и Милли? — спрашиваю я.

— Да, — радостно улыбается она. — Мне нравится Милли.

— Мне тоже, — я улыбаюсь и пожимаю ее ладошку. — Она замечательная.

— Спенсер любит ее, да?

Внутри меня что-то сжимается.

— Да, конечно. Это видно, разве нет?

— Ага, — кивает она и замолкает. — Они поженятся?

— О, моя дорогая, я не знаю. Поживем — увидим. Но пока они еще слишком молоды для этого.

Я встаю и убираю с ее бледного веснушчатого личика прядь волос.

— Жаль, что у меня нет сестры, — добавляет она.

— Ты имеешь в виду как Милли? Старшей сестры?

Она кивает.

— Но у тебя, солнышко, есть Спенсер. Так что тебе повезло.

Иzzi задумывается, и на ее личике появляется серьезное выражение.

— А у *тебя* никого нет.

— Ты хочешь сказать — ни братьев, ни сестер? — сухо смеюсь я. — Да, ты права, но я не переживаю. Я привыкла, и у меня есть вы. Вы — моя семья. Поэтому мне тоже повезло.

Я направляюсь к дверям, и тут появляется Энди, который тоже пришел пожелать Иззи спокойной ночи. Ничего необычного, размышляю я, глядя, как он обнимает ее. Просто папа пришел пожелать дочке спокойной ночи. Месяц назад я думала, что моему браку конец, но вот они мы, по-прежнему вместе, по-прежнему семья.

И то, что я только что сказала Иззи, — это правда. Мне действительно очень повезло.

Начало суток понедельника, 25 марта

Когда случается ужасное, в голову лезут странные мысли. Они не о важном, а о самом банальном, к примеру: я могла бы найти минутку и объяснить, почему у меня получаются такие хорошие омлеты. Если Энди действительно было бы интересно, я могла бы рассказать о том, как выбрать правильную сковородку (действительно хорошую, с антипригарным покрытием), что масла должно быть немного — достаточно несколько капель — и что сковороду надо раскалить, прежде чем выливать взбитые яйца.

Если Энди и в самом деле было бы интересно, я могла бы поведать о том, что, как только омлет схватится, его нужно сгрести лопаткой в центр, а потом подбрасывать и вращать сковороду, чтобы омлет приготовился как можно быстрее: скорость — вот в чем фишка. Но беда в том, что его интерес пропал.

Плевать он хотел на мои омлеты и врал как сивый мерин, клятвенно уверяя, что прекратил все контакты с Эстелл Ланг. Они виделись все это время, ему очень жаль, говорит он мне, кидая вещи в сумку, но они любят друг друга и он должен быть с ней.

И поэтому он от меня уходит.

Часть вторая
После

Глава девятая

Четыре месяца спустя: суббота, 20 июля

— Рис почти готов, — говорит мой собственный крошка-телеповар, взмахивая деревянной ложкой, — а теперь мы добавляем кедровые орешки, соль, сахар и хорошенько мешаем... — Иззи улыбается мне щербатеньким ртом. После ухода отца у нее выпал еще один зуб. — Сахар, — поясняет она точно в ответ на мое недоумение, — смягчает вкус. А теперь мы добавляем... мм... — Она берет пучок зелени и морщит лоб. — Базилик?

— Укроп, — подсказываю я.

— Мы добавляем укроп, петрушку, корицу... мм... я забыла про изюм!

Кто бы мог подумать, что моя дочь будет знать про такие экзотические ингредиенты? В этот солнечный летний денек она колдует над фаршированными помидорами по-турецки, которые впервые попробовала у Мейв несколько месяцев назад. Она пристрастилась к кулинарии и демонстрирует мне свое искусство в «шоу», проходящем у нас на кухне. Мы уже совершили уйму гастрономических «турне» и освоили на «Готовим с Иззи!» блюда тайской, карибской и даже русской кухонь. Как-то раз она изобразила острый индонезийский салат — «Он называется „Гадо-гадо!“» — объявила она, — и пусть вся кухня потом была заляпана арахисовым соусом, но результат оказался настолько восхитительным, что я даже не возражала. Благодаря ее кулинарным изыскам почти незамеченным оказался тот факт, что я так и не собралась организовать для нас в этом году летний отдых.

Солнечный свет пробивается сквозь грязноватое окно. Волосы Иззи аккуратно убраны под поварским колпаком, сделанным из белого картона, а еще на ней фартук в горошек, который Пенни махом сшила на швейной машинке. За отсутствием постановочной группы обеспечение ингредиентами лежит на мне. Я, можно так сказать, — «повар на подхвате». Никогда не думала, что в нашем доме однажды

появятся пальчатые финики и консервированные лимоны или что моя семилетняя дочь будет выдавать фразочки типа «У нас закончилась полента!». Эта новая затея истощает меня финансово, а следующая за ней уборка вполне сравнима с генеральной. Но Иззи, по крайней мере, получает удовольствие от этих безумных экзотических пиршеств.

«Готовим с Иззи!» — свежая инициатива, а в целом жизнь после отъезда ее отца изменилась мало. Когда мы объявили ей о расставании, она была явно потрясена и огорчена. («Мы с мамой по-прежнему хорошие друзья», — сказал Энди, сидя сгорбившись на диване и стискивая руки.) Было пролито много слез, и какое-то время она приходила ночью в мою комнату и залезала ко мне в кровать. Но потом она, похоже, смирилась со случившимся и сейчас, когда летние каникулы в разгаре — школа закончилась в конце июня, — снова стала собой, счастливой и веселой, точно все нормально.

И в целом все именно так. Родители и брат по-прежнему любят ее. Зубная фея, как и раньше, оставляет под подушкой один фунт. Иззи регулярно видится с папой (хотя, по его словам, он еще «не совсем готов» принять ее у себя в новой квартире — что бы *это* ни означало), и ей по-прежнему нравится рисовать за кухонным столом. В ее мире новый набор маркеров способен решить практически любую проблему.

Спенсер тоже поначалу пришел в ужас от нашей новости, но воспринял ее стоически. Хотя он утверждал, что это *совершенно* лишнее, что он абсолютно В ПОРЯДКЕ, мы с Энди съездили (порознь) в Ньюкасл, чтобы поговорить с ним. Хотя нам до сих пор удавалось общаться вполне по-дружески — по крайней мере, перед Иззи, — мысль о том, чтобы провести с ним в машине в общей сложности шесть часов, была невыносима.

Сын был невероятно мил и сердечен.

— Главное, чтобы тебе было хорошо, мама, — сказал он с неподдельным участием, в то время как я с трудом сдерживала слезы над миской лапши, к которой даже притронуться не могла. Через пару недель он приехал в Глазго проверить, действительно ли у меня все хорошо, и это просто растопило мое сердце. Порой я изумляюсь тому, как он вырос таким внимательным и заботливым, учитывая, что пятьдесят процентов своего генетического кода он унаследовал от лживого подлеца-папаши.

К тому времени Спенсер уже выяснил у отца, что у того другая женщина. И в конце концов Иззи спросила «в лоб»: «У папы новая подружка?» Пришлось признаться, что да, у него «подружка». Ни она, ни Спенсер пока ее не видели, хотя я думаю, что в какой-то момент это случится. Остается надеяться, что они сообщат мне о ней что-нибудь неприглядное, типа, что от нее мерзко пахнет или что у нее визгливый голос, от которого грудные дети ударяются в такой рев, что их надо срочно эвакуировать из комнаты.

Учитывая несомненную привязанность Энди к Той Особе, я понимаю, что это очень маловероятно. Но у нас все в порядке, упорно говорю я себе. И мы хорошо питаемся.

— А папе оставим? — спрашивает Иззи, когда мы садимся за стол.

— Конечно, солнышко, — говорю я.

— Я ведь завтра с ним встречаюсь?

— Да, он заберет тебя на весь день.

— Ура! — счастливо улыбается она. — И что мы будем делать?

— Я не знаю точно, какие у него планы, но уверена, что будет весело.

У нас пока нет четких договоренностей о том, когда они встречаются — мы движемся «на ощупь», ступаем осторожно, вежливо решая этот вопрос. Они с Иззи обычно ходят в кино, гуляют по магазинам или едят пиццу — что-то в таком духе. Я знаю, что он снимает жилье в Вест-Энде, но хотя мне удалось сузить район поисков до квартала, точное название улицы он не сообщает, причем упорно твердит, что его новая пассия там не живет, однако иных причин для подобной скрытности я не вижу. Что еще прикажете мне думать?

Я смотрю на Иззи, сидящую напротив. Ей нравится встречаться с отцом. Могу поручиться, она думает о нем и о том, что он для нее приготовил.

Она поднимает на меня глаза и спрашивает с полным ртом:

— А что ты будешь завтра делать?

— О, у меня дел невпроворот, — говорю я, подразумевая: *Я буду сама энергичность, не стану слоняться по дому, чувствуя себя покинутой и вялой, думая о том, что следует помыть в туалете, но я этого делать не буду, и что нужно разобрать ящик с банными*

игрушками, потому что на них уже появилась гадкая слизь, но и этого я тоже делать не стану.

— Папа сказал, что купит мне новые кроссовки, — радостно говорит она, вскакивая со стула.

Воскресенье, 21 июля

Иззи с Энди ушли, и я остаюсь одна. Ни планов, ни обязательств, и впереди — целый день. Надо распорядиться им с умом.

Можно почистить вытяжку и пропылесосить под кроватями. Можно начать заниматься бегом и попытаться сбросить климактерический живот, который выглядит так, точно у меня на поясе привязана подушка. Или увидеться с Джулз и договориться насчет тренингов по личностному росту (она интересуется, когда я хочу начать, но я все время откладываю). Есть *уйма* дел, которыми может заняться брошенка средних лет, чтобы наладить свою жизнь. Вместо этого я гроблю день на то, чтобы пялиться на фотографии Вездесущей Докторши Ланг — их, как назло, в интернете пруд пруди, — и плачу.

— Дорогуша, тебе нужно другое хобби, — по-доброму увещевает Пенни, появляясь со спасительной миссией.

— Вязать крючком, что ли? — блею я.

— Вязать полезно для здоровья.

— У меня слишком толстые пальцы, — рычу я.

Пенни обнимает меня, становясь серьезной. Сегодня она выглядит особенно по-летнему, в цельнокроеном платье в «шахматную» розово-желтую клетку, как торт «Баттерберг», и с объемными бусами из разноцветных камешков.

— Я просто считаю, что тебе хватит смотреть эти фотки, — твердо говорит она. — От них один вред.

— Да я чуточку, — вру я. — Смотри, если задать поиск, то вываливает целая тонна...

Пенни наклоняется и хмуро смотрит в монитор, где Эстелл Ланг с безупречным макияжем стоит на трибуне и с авторитетным видом произносит программный доклад на очередном долбаном симпозиуме. Вот снова она, на официальном портрете — в белоснежной блузке и синем жакете с красным шарфом (вероятно, шелковым?), изящно

повязанном на тонкой шее. Классический элегантный образ, до которого мне всегда было как до Луны.

— Почему ты так с собой обращаешься? — спрашивает Пенни.

Я пожимаю плечами:

— Может, у меня тяга к членовредительству?

Она задумывается.

— Типа упасть совсем низко, в бездну печали?

— Да, типа этого, — мрачно говорю я.

— А потом, — радуется Пенни, — когда достигнешь скалистого дна, начнешь создавать себя заново?

Я вымучиваю улыбку признательности за то, что она сейчас здесь и зашла сама, когда я не стала открывать дверь. Эта ее манера всегда бесила Энди:

— С чего она решила, что можно вот так вламываться? Мы могли быть заняты!

— Чем именно? — обычно возражала я. — Чем именно мы могли быть заняты?

— Дело не в этом! Просто это чертовски беспардонно.

— Надеюсь, ты права, — говорю я сейчас.

— Разумеется, я права. Я всегда права! А теперь давай закрывай ноутбук.

— Одну минуту, — бормочу я. — Я тебе кое-что покажу. Если задать другой поиск, просто для сравнения, получим вот что...

И вот оно — единственное мое изображение, попавшее в Сеть. У меня нет ни глянцевого официального портрета, ни фотографий с симпозиумов, где я — воплощение авторитета и гламура. На снимке с прошлогоднего школьного потешного забега — толстая тетка в рубашке с пятнами от пота, в порванной балетной пачке и с заляпанной грязью кроличьими ушками.

— Боже правый, что *это*?! — восклицает Пенни.

Я опускаю крышку ноутбука.

— Да так. Ничего. Ладно, Пен, ты права. С этим действительно пора кончать. Пойдем прогуляемся.

Мы садимся на метро в сторону центра, и мир сразу становится красочнее. Один из многих позитивных моментов дружбы с Пенни

заключается в том, что она сама не киснет и другим не дает. Именно это требуется сегодня — чтобы меня взяли за руку и увели из дома.

Есть и другие преимущества общения с женщиной постарше — она может заверить, что климакс в итоге заканчивается, ты оказываешься на другой стороне, и все будет тип-топ. Тревожность уменьшается. Потливость исчезает. Углеводный жор прекращается, и появляется спокойная, уверенная в себе женщина, свободная от месячных, перепадов настроения и страхов забеременеть.

— Тебе будет на все начхать, — в который раз говорит мне Пенни. — Что хочешь, то и делай.

Возможно, это объясняет, почему по прибытии в наше любимое книжное кафе я выбираю маленький брауни (в окружении такого количества книг он представляется вариантом с наименьшим риском), а Пенни берет огромную трубочку с кремом (потенциально опасную, сказала бы я на месте профессионального оценщика рисков).

— Пен, скажи честно, — говорю я, кляня брауни, — тебя когда-нибудь заикливало на ком-нибудь? Я имею в виду, как я гуглю про Эстелл Ланг.

— Тогда, слава богу, интернета не было, — говорит она.

— Разумеется, нет, но тебя когда-нибудь клинило так, что ты, ну, я не знаю, совершала какую-нибудь дичь? Что-нибудь глупое? — Я смотрю на нее через стол, ожидая, что она скажет «да».

Пенни задумывается.

— Ну, — неуверенно произносит она, — однажды я напилась в хлам и бросала яйца в машину...

— Ты бросала яйца в машину? — восторженно переспрашиваю я. — И чья это была машина?

— Да так, — отмахивается она, поворачивая трубочку другим концом, откуда опасно свисает крем. Прямо перед ней на столе — огромный фолиант под названием «В объективе: иконы стиля 70-х». Я не знаю, зачем Пенни вообще приволокла его сюда — она даже не заглянула в него.

— И что потом? Тебя поймали? — интересуюсь я.

— Конечно, нет, — говорит она.

— Но тебе полегчало?

— Пожалуй, да...

— Возможно, именно поэтому Энди держит свое местопребывание в секрете, — переключаюсь на другую тему я. — И не пускает к себе Иззи — на случай, вдруг она расскажет мне. Возможно, он считает, что я объявлюсь и испорчу ему машину или имущество...

Пенни снимает бирюзовый кардиган и накидывает себе на плечи поверх платья в розово-желтую клетку. В компании с ней я всегда чувствую себя жуткой занудой в своих базовых топах и джинсах. В молодости я увлекалась модой и искала вдохновения в женских журналах. Стены моей комнаты были оклеены вырезками из «глянца», а не постерами с изображением поп-звезд. В студенчестве я обожала секонд-хенды и комбинировала яркие забавные разностильные наряды.

Став мамой, я придерживалась правила «помаду — подальше от карапуза», старалась выглядеть прилично и, пожалуй, гордилась собой. И только несколько лет назад перешла на самый простой и разумный стиль, подходящий для дома и офиса. Мой приоритет — это практичность, и в результате в моем гардеробе скопилась уйма базовых вещей черного, серого и синего цвета — с редкими исключениями.

— Пенни носит веселую одежду, — заметила Иззи вскоре после нашего с ней знакомства. Надеюсь, моя одежда не вопит: «Я в депрессии!»

— Ты уверена, что та особа не переехала к нему? — спрашивает Пенни, слизывая крем с губ. — Извини, но это более вероятно.

— Он говорит, что нет, — я пожимаю плечами, — и я не понимаю, зачем ему мне лгать на данном этапе.

— Ну, возможно, ему неловко, что Иззи увидит его жилье? — выдвигает предположение она.

— А почему бы?

— Может, рядом стрип-клуб? — усмехается Пенни.

Я едва не давлюсь пирожным.

— Хорошо бы, но очень маловероятно.

— Или улица дерьмовая?

— Он никогда бы не поселился в убогом квартале, — качаю головой я. — Тебе известно, какой он чистоплюй. Мы как-то снимали квартиру в Париже через Airbnb. Все было безупречно — просто очаровательно. Но Энди вбил себе в голову, что в холодильнике

застарелый запах сыра. Он ныл и ныл, открывал и закрывал дверцу и беспрестанно принюхивался. Довел меня до белого каления, притом что я ничего не чувствовала. Но у него очень тонкое обоняние, гиперчувствительный нос...

— Разве это не помеха для врача? — ухмыляется Пенни.

— Вообще-то нет. Он ведь эндокринолог, ты забыла? Гормональные сбои, заболевания щитовидной железы и все в таком духе. Он не имеет дело с *выделениями*...

— А как же анализы? Разве он не берет пробы, пункции и тому подобное?

— Нет, у него для этого есть другие люди.

— Это как-то неправильно, — заявляет она, и я улыбаюсь.

Пенни нравятся не заморачивающиеся мужчины — художники или субъекты, перебивающиеся случайными заработками, которые ютятся в скверных квартирках, где постоянно шляются кошки, или, как в случае с Хэмишем, композиторы, живущие на канальной лодке.

— Значит, он никогда не рассказывал тебе никакой чернухи?

— Никогда. Вот что значит жить с врачом. Ты рассчитываешь на всякие смачные байки, а слышишь одно нытье про то, что в столовой больше не продают булочки с маслом, и поэтому приходится покупать булочку и крохотную упаковку масла в фольге, которое плохо намазывается. Одному богу известно, сколько он ныл на эту тему...

— Возмутительно, — фыркает Пенни, — врач его уровня вынужден сам намазывать масло...

— И это далеко не все, — продолжаю я. — Когда внедрили новую систему парковки, места для персонала оказались дальше от входа в больницу, чем прежде. Ей-богу, могло показаться, что мир перевернулся.

— Какая глупость.

Я киваю, радуясь, что могу высказаться и облегчить душу. Звучит банально, но воспоминания о «пунктиках» Энди всегда немного примиряют меня с моей нынешней ситуацией.

— Затем разразился Кризис Качества Туалетной Бумаги 2017 года, а следом за ним — исполненная драматизма замена пластиковых стаканчиков для кулера на картонные рожки...

— Он и на это жаловался?

— Да! Можно подумать, что ему близка идея отказаться от одноразового пластика, но нет...

— Знаешь что, Вив, — заявляет она, — ты правильно сделала, что избавилась от этого типа...

И как будто в порыве чувств она вцепляется зубами в трубочку, и крем, точно газ из ракетного сопла, вырывается наружу с другого ее конца.

— Пенни! — восклицаю я, откидываясь назад, но несколько капель все же достигают цели.

— О господи, извини, пожалуйста, ну надо же! — Она хватает бумажную салфетку и принимается возить ею по моей груди.

— Перестань! — шиплю я, указывая на заляпанную кремом книгу стоимостью пятьдесят пять фунтов, которая лежит на столе. — Ты сюда посмотри!

Пенни смотрит на нее с таким выражением, точно впервые видит, и принимается оттирать салфеткой. Пары аккуратных движений было бы достаточно, но она трет со всей силой и протирает глянцевую пленку.

— О господи, стало только хуже, — бормочет она. — Так, делаем ноги.

— Мы не можем просто взять и уйти!

Она вскакивает со стула и хватается меня за руку.

— А что еще остается? Заново припрессовать пленку?

— Ну, возможно, нам следует за нее заплатить...

— Не говори ерунды, — шипит она. — Двигай давай!

Меня не радует тот факт, что мы свалили из кафе. Мне нравится это место, и приятно, что оно процветает, когда так много заведений закрывается. А если все будут приходить сюда и пачкать кремом? И вдруг это попало на камеры видеонаблюдения?

Возможно, я слишком бурно реагирую и никому нет дела до испорченной книги. Но я — невротик по натуре и хотела бы быть пофигисткой, как Пенни, только сделана из другого теста. Я переживаю из-за того, что могу кого-то огорчить или обидеть. Переживаю из-за Спенсера, хотя он совсем взрослый, имеет водительские права и гоняет на своей вонючей «Шкоде», заваленной пакетиками чипсов, банками колы и остатками фастфуда (садясь в его машину, я всегда жалею, что на мне нет защитного комбинезона —

типа тех, что используют при работе с асбестом). И, конечно же, меня волнует его рацион и сбалансированность питания.

Я переживаю из-за Иззи — действительно ли она смирилась с нашим разрывом или просто делает вид. Переживаю из-за своего будущего — останусь ли я до конца своих дней личным помощником в «Флаксико», неужели у нас в саду водятся крысы, и если так, то вдруг они проберутся в дом и ночью укусят Иззи.

— Пошевеливайся! — рявкает, оглядываясь на меня, Пенни, в то время как я семеню за ней, точно служанка за госпожой. И вот мы у выхода из кафе. Она выбегает первой, и мы устремляемся вниз по пешеходной улице и благополучно сворачиваем за угол.

Она останавливается и переводит дух. День теплый и довольно душный, и у меня волосы прилипли ко лбу.

— Ну, угораздило же нас, — заявляет она.

— Черт возьми, Пенни, — восклицаю я, — ты хоть понимаешь, что теперь мы туда ни ногой?

— Это еще почему? Нас никто не видел.

— Мы все обляпали и вляпались!

Она мотает головой, берет меня под руку, и мы движемся в сторону метро.

— Ты слишком много переживаешь.

— Я в курсе.

— И мне действительно жаль твой топик.

— Не важно, он старый.

Я ловлю ее взгляд — подруга улыбается, и меня разбирает смех. И снова ей удалось отвлечь меня от пагубных мыслей про новую пассию моего благоверного.

— Знаешь, что я думаю? — спрашивает она.

— Что? — Я предвкушаю очередной мудрый совет.

— Я думаю, — заявляет она, когда мы спускаемся в метро, — если они не хотят, чтобы посетители ели пирожные, то зачем они их продают?

Глава десятая

Среда, 24 июля

До того как это случилось со мной, я считала, что после ухода мужа больно первые недели, а затем мало-помалу жизнь налаживается. После бури, так сказать, наступает затишье. И по большей части это действительно так: довольно цивилизованно и вполне по-деловому. Я стараюсь держаться максимально достойно, когда Энди приезжает за Иззи или за своими вещами. Я даже предлагаю ему чаю (причем не плюю в чашку) и помогаю отнести к машине сумки с книгами и медицинскими журналами.

Но в другие дни я чувствую себя так, точно мое сердце разбито снова, и закипаю от ярости и обиды. Я безутешно рыдаю в отделе молочных продуктов супермаркета. Съезжаю на обочину по дороге домой и сижу в машине, обливаясь слезами и понимая, что буду выглядеть кошмарно, когда приеду за Иззи в городской лагерь или к подруге домой, но не могу взять себя в руки. Плаваю в бассейне и представляю себе, как Энди занимается *этим* с ней, и мои слезы смешиваются с хлорированной водой. Я звоню ему с намерением выплеснуть гнев, но только всхлипываю и нажимаю «отбой». Это происходит какими-то припадками, а затем следует пара недель, когда слез нет вообще.

Порой мне хочется не плакать, а орать, крушить все подряд и избить его. В такие мгновения я сделала брешь в плетеной мусорной корзинке, расколотила его любимую кружку и шариковой ручкой продырявила его старый садовый свитер. К счастью, Иззи этого не видела. Мысль о том, что я ей нужна, — это просто спасение.

Сейчас она в постели — только что пробило девять, — и Энди здесь, все копается с бумажными коробками, которыми завален шкаф на верхней площадке.

Он мог бы загрузить их в машину и свалить с глаз долой, но нет — ему нужно перенести все в гостиную и, не считаясь с моими

чувствами, долго и мучительно перебирать бумаги. Я слоняюсь туда-сюда, что-то прибираю, поправляю и жду, когда он уедет.

— А дома это сделать никак нельзя? — отрывисто спрашиваю я.

— Да, конечно, — бормочет он. — Еще немного. — И продолжает просматривать документы.

Воскресный день в обществе Пенни был замечателен хотя бы тем, что разжег во мне очередную искру гнева. В конце концов, когда ее сердце было разбито, она не упивалась жалостью к себе, а напилась и забросала машину яйцами.

Подруга трескала трубочку с кремом в книжном кафе, потому что ей так хотелось. И пусть это плохо кончилось, но суть в том, что ей наплевать на последствия. *Надо брать пример с Пенни*, решаю я.

— А я не хочу, чтобы ты занимался этим здесь, — рявкаю я.

— Да? — Энди удивлен и принимается собирать свое барахло.

— И еще хочу спросить, — продолжаю я с колотящимся сердцем, — у тебя есть причины не пускать Иззи к себе на квартиру?

— Э-э, вообще-то нет, — он недоуменно моргает.

— Потому что если они есть, то лучше тебе сказать об этом, а не вешать мне лапшу на уши.

— Хорошо. О господи, — Энди качает головой так, точно я веду себя неадекватно, — просто там мало места.

— Да ну?

— Ну да! — Он хватает набитую бумагами коробку и направляется к двери.

Я чувствую, что на подходе приступ гормональной ярости, который мне неподконтролен, и принимаюсь медленно и глубоко дышать, чтобы успокоиться.

— Я не собираюсь отпускать ее к тебе с ночевкой, — говорю я. — Просто погостить, чтобы она могла увидеть, где ты живешь. Думаю, ей будет полезно.

— Почему? — Он хмурит лоб, и это выглядит почти комично.

— Это удовлетворит ее любопытство, разумеется. Так она будет знать, что ты живешь в хорошем месте и ей там рады.

— Так-то оно так, только там действительно тесновато, — говорит он, укладывая назад аккуратно подстриженные волосы, в которых просвечивает седина.

— Она еще маленькая, как-нибудь влезет, — отрывисто говорю я, и тут в комнату заходит Иззи. — Солнышко, ты должна быть в постели, — начинаю я, но дочь пропускает мои слова мимо ушей.

— Мы проходим сантиметры в школе, — объявляет она. — Во мне один метр и двадцать два сантиметра — точь-в-точь как у Мейв.

— Да что ты? — шумно изумляется Энди, вставая. — Вау! Я понятия не имел, что ты такая высокая...

Она упирает руку в бедро.

— Почему я не могу прийти к тебе домой, папочка?

— Ох... — Муж бросает в мою сторону взгляд, в котором читается: «Спасибо большое, что втягиваешь дочь в наши разборки». Можно подумать, что это моя вина. — Мне просто нужно кое-что разобрать и навести порядок к твоему приходу, зайныка.

— По мне, и так сойдет, — хмурится она.

— Нет, не сойдет, — у него краснеют щеки и в каждом движении чувствуется сильное желание убраться вместе с барахлом отсюда подальше.

Я выхожу за ним к машине.

— Энди?

— Я не в настроении, — пыхтит он, захлопывая крышку багажника.

— Не в настроении для чего?

— Для допроса...

Я смотрю на него — это человек, который поднял целую бучу из-за булочек без масла, и это притом, что в мире столько голодных, которые обрадовались бы простой печенюшке из больничной столовой, а еще он месяцы напролет мне врал как сивый мерин. И как меня угораздило влюбиться в него? Я что, белены объелась?

— К тебе дочка просится, — рявкаю я, — а не, блин, герцогиня Кентская... — Я разворачиваюсь на каблуках идвигаю назад к дому.

— Вив! — кричит он мне в спину.

— Что? — я оборачиваюсь и гневно смотрю на него.

— Пожалуйста, не надо так бурно реагировать. Мы можем поговорить минутку?

— Я ухожу. Иззи нужно быть в кровати.

— Всего одну минутку.

Я тяжело вздыхаю и плетусь обратно к машине.

— Слушай... — Он замолкает. — Извини, пожалуйста. Я ее приглашу к себе, но только не сейчас, хорошо?

— Как угодно, — уже спокойнее буркаю я.

— Но, м-м... Я действительно хотел тебя кое о чем попросить. — Он снова замолкает. — Ты не против, если я увезу ее на недельку?...

— На недельку?! — восклицаю я. — То есть на *целую* неделю?

— Э-э... да, — кивает Энди. — Само собой, я пока не говорил ей об этом. Хотел сначала с тобой обсудить.

— Ясно, — я чувствую внутри пустоту. Значит, теперь у нас так — мы возим дочку отдыхать по отдельности. Ну, разумеется. А что еще я хотела? — Да, конечно. И куда ты думаешь поехать?

— К Льюису с Ниной. Там затевается общий сбор.

— На целую *неделю*?

Льюис — самый младший брат Энди. Они с женой владеют известным рестораном на берегу Лох-Файн. Нередко считается, что Северо-Шотландское нагорье — это рыба с картофелем фри и пироги на ужин — словом, углеводы с кетчупом и уксусом, но «Гнездо» — очень стильное заведение, где бородатые официанты хипстерского вида подают ритм и разные съедобные цветочки. За годы совместной жизни мы неоднократно там бывали, провели немало счастливых дней в их симпатичном беленом коттедже и плавали на лодке по озеру.

Я стараюсь не думать о том блаженном времени, а Энди между тем продолжает:

— Помнишь, они строили шале? Правильнее было бы сказать, экотуристические домики...

— Смутно. — Должна признать, в последнее время у меня были другие темы для раздумий.

— Так вот, их наконец доделали. Замысел в том, что все останутся на неделю, а под конец в ресторане будет большой праздник.

— Все? — У меня екает в груди.

— Ага. Мама с папой и вся орава...

После всего случившегося до меня еще толком не дошло, что мои отношения с его родителями также радикально изменятся. Я очень к ним привязана и знаю, что они ко мне тоже. А что будет теперь?

— Судя по всему, Нина приложила массу усилий к их обустройству, — продолжает он. — Сшила на заказ килты, а еще там

дровяные печи и коврики из овчины...

— Звучит потрясающе, — сухо говорю я.

— В любом случае это лучше кемпинга, — тараторит он. — Сама знаешь, какие там мошки...

— Энди? — перебиваю я.

— Да?

Черт, думаю я, сейчас я точно вляпаюсь.

— *Она* не едет с тобой, да? Я имею в виду, на общий сбор?

— Что?

— Ты знаешь, о ком я. Ты не берешь ее с собой на семейный праздник вместе с Иззи?

— Господи, нет! — в ужасе восклицает он. — Нет, Вив, я тебе обещаю...

— Если да, то я должна знать.

— Разумеется, я еду без нее, — твердо говорит он. — Мы же договорились, что я скажу тебе, когда — *если* я пойму, что они могут познакомиться. Но в любом случае это произойдет не скоро.

А почему? — хочу поинтересоваться я, чувствуя, как внушенная Пенни бравада стремительно идет на спад. Неужели где-то глубоко внутри ты задаешься вопросом: а не совершил ли ты ошибку? Чем она привлекает тебя? Помимо явной красоты, ума, замечательной карьеры и безупречного вкуса в одежде — что побудило тебя предпочесть ее своей невротичной, вечно переживающей жене, которая работает в «мозговом центре» по производству экструдированных пищевых гранул?

Но я не задаю этих вопросов. Я вообще ни о чем не спрашиваю.

— Отлично. Я про поездку, — это все, что я буркаю, и, потеряв ладонью разгоряченное лицо и поморгав, разворачиваюсь и двигаю обратно к дому.

Глава одиннадцатая

Четверг, 25 июля

Ну, я была молодцом, говорю я себе, отвозя Иззи в городской лагерь, а затем отправляясь на работу. Я действительно вчера держалась великолепно, когда на улице осадила Энди, в то время как Кресси, жена Тима, такая красивая и безмятежная в своей беременности, выглянула из соседней двери, копошась с жалюзи и делая вид, что не замечает нас.

Но, бог ты мой, он увозит Иззи, и она будет чудесно проводить время в компании его родственников! Они живут по всей стране и собираются вместе крайне редко. А вдруг ей захочется поехать снова? Там будет так весело — возможно, она захочет навсегда остаться с отцом. Знаю, это безумие и маловероятно, хотя бы потому, что он ни за что не купит ей гранатовый сироп. Но все равно при мысли о том, что он увезет ее на целую неделю, мне становится не по себе.

Наша семья и прежде, до ухода Энди, была довольно несбалансированной. У него есть мама и папа (в свои семьдесят с гаком — очень бодрые живчики), плюс два брата и три сестры. По последним данным, Флины произвели на свет четырнадцать отпрысков, включая наших. У Энди огромный клан, в котором все вечно собачатся, но обожают друг друга. Возможно, мне слегка завидно, что у них там постоянная *движуха*.

А с моей стороны все, мягко говоря, гораздо тише. Я — единственный ребенок, и мои родители скончались тринадцать лет назад, когда Спенсеру исполнилось девять, а Иззи и в помине не было. Папа умер из-за осложнений диабета, а через несколько месяцев от рака пищевода скончалась мама. Обоим было чуть за шестьдесят, и для меня это стало жутким ударом.

Мне тяжело думать об этом сейчас, но тогда Энди проявил себя самым лучшим образом. За неимением близких, я со всей силы оперлась на него, и он постоянно находился рядом, помогал с

формальностями, с похоронами, с вывозом вещей и продажей их скромного дома ленточной застройке на юге Глазго.

Теперь я понимаю, как много я опиралась на него. Возможно, я считала само собой разумеющимся, что он всегда будет сильным и готовым прийти на помощь, что бы ни случилось.

Его родители тоже были очень внимательны.

— У тебя, как и прежде, есть мы, — сказала моя свекровь Кэти, обнимая меня после похорон мамы, и эта фраза тронула меня своей чуткостью. А несколько дней спустя она застала меня в слезах в нашем садике.

— Что с тобой, Вив? — участливо спросила она.

— Я мало их ценила, — ответила я.

— Всем так кажется. Это нормально, моя дорогая.

— Да, но я никогда не думала, что они уйдут так скоро.

Мы сидели за столом в саду, и я рассказала ей о том, как на шестнадцатилетие мама оплатила мне поход в косметологический кабинет при универмаге, которого давно в помине нет. Будь это что-то стильное и молодежное, я была бы воодушевлена, но мама, будучи не в курсе модных тенденций, выбрала местечко, где кучковались степенные дамы преклонных лет. Я не хотела обидеть ее отказом и пошла.

— Ты выглядишь очаровательно, — сказала она с неподдельным восторгом, когда зашла за мной чуть позже. Мы отправились на встречу с папой в старомодный ресторан (семейные выходы у нас бывали примерно дважды в год), где десерты привозили на тележке, и я сидела, густо намазанная тональным кремом, с матовыми голубыми тенями на веках и с перламутровой розовой помадой на губах. Неподалеку обедала одна из моих учительниц, которая, заметив меня, помахала рукой, и я чуть не умерла от стыда.

— Мне было так неловко, — рассказывала я Кэти. — Меня взбесило, когда родители решили напоследок выпить кофе с птифурами, а мне хотелось бежать со всех ног домой и умыться. — Кэти кивала и держала меня за руку. — А теперь я отдала бы что угодно за возможность выпить с ними кофе, — добавила я. — Согласилась бы и на перламутровые тени на веках. Пусть даже мне все лицо измажут помадой, только бы снова увидеть маму.

Казалось, Кэти все понимала. Будучи мамой трех дочерей, она отлично знала, какой ужас испытывает девочка-подросток при мысли о том, что она «выделяется». Мы даже посмеялись над историей про то, как она сшила для старшей дочери комбинезон из портьерной ткани, ожидая, что та наденет его на школьную дискотеку («Позже я выяснила, что бедняжка переодевалась в телефонной будке! И о чем только я думала?»). Сейчас, конечно, все будет иначе, и когда Иззи говорит «наша семья», она фактически имеет в виду семью отца, которая сейчас существует отдельно от меня. Отныне будет так, твердо напоминаю я себе, въезжая на офисную парковку.

Я пытаюсь убедить себя в том, что переживать из-за отъезда Иззи — глупо и эгоистично. В конце концов, ей будет полезно побеситься на природе с двоюродными братьями и сестрами. Она их всех любит, и они всегда замечательно проводят время вместе. А пока ее не будет, мне нужно с умом распорядиться временем и назначить у Джулз первый тренинг личностного роста. До ухода Энди я считала, что она могла бы помочь мне с определением жизненного вектора, к примеру, куда мне, личному помощнику в «Флаксико», двигаться дальше. На данном этапе смена работы — это последнее, о чем я думаю (хватит с меня кардинальных перемен в последнее время). Но Джулз настаивает, что тренинг все-таки должен быть «целеполагающим», поэтому я готова согласиться.

Я останавливаюсь перед главным входом в офисное здание и достаю из сумки телефон, чтобы отправить ей эсэмэс. И сразу обнаруживаю три сообщения от своей начальницы:

Видела Twitter и пр.? На этой неделе большая работа по ограничению ущерба.

Следом: Уже на всех новостных порталах. Срочно общее собрание, и не опаздывай, пожалуйста!

Следом: Треклятая Кирсти Митчем ждет не дождется подставить нам подножку. Вот дерьмо... КУДА ТЫ ЗАПРОПАСТИЛАСЬ?!

Я захожу в здание с колотящимся сердцем. Хотя я *не* опаздываю, ясно, что Роуз считает, что мне уже следует быть на месте и в курсе разворачивающейся драмы. В ожидании лифта я просматриваю на телефоне новостные порталы. Первые впечатления не из приятных:

Всемирная компания по производству продуктов питания скармливает деткам КРОЛИЧИЙ КОРМ...

Что хорошо для кроличьего пуза... то будет по вкусу и вашему карапузу!

Большая засада: ЛЮДЕЙ кормят едой для ЗООСАДА...

Твою же мать. Это, должно быть, «утка» — фейковая новость, потому что некоторые журналисты, понятное дело, с подозрением относятся к нашей продукции. Я и сама к ней отношусь с подозрением. Да, она совершенно безопасна для потребителя — все строго контролируется, но, когда наблюдаешь весь процесс, гигантские дробилки и тысячи галлонов бежевой жижи, которую качают насосами, а потом из нее получают кукурузные снеки, это... слегка обескураживает.

Мне не нравится, что Иззи любит снеки, которые изготавливают из нашего сырья. В основном я стараюсь об этом не думать. В любом случае конечный продукт мало похож на то, что производим мы. Но я знаю, что такая акула пера, как Кирсти Митчем, много размышляет на эту тему. Она ее раскопала, проявляет живейший интерес к пищевой промышленности и, как выразилась Роуз, «ждет не дождется подставить нам подножку».

Возможно, она раздобыла инсайдерскую инфу и пришла к выводу, что ингредиенты кроличьего корма и снеков, предназначенных для людей, очень похожи. Не исключено, что в нашем заготхозхозяйстве завелась крыса и нас всех будут допрашивать. Пусть это не корпоративно, но перспектива довольно увлекательная. В любом случае увлекательнее повседневной текучки, включающей бронирование поездок и написание имейлов для Роуз, а также покупку подарков ко дню рождения дочери ее уборщицы, поиски мойщика для ее патио и прочую белиберду, никак не связанную с моими прямыми служебными обязанностями.

Поднимаясь на лифте, я прихожу к выводу, что налицо сценарий с аналогичными ингредиентами, а это не страшнее, чем, скажем, если бы Иззи использовала начинку для помидоров по-турецки, чтобы фаршировать цукини. Но когда я пересекаю огромное открытое пространство и вижу в дальнем его конце Роуз, мрачно попивающую кофе в своем прозрачном офисе, до меня доходит, что все гораздо серьезнее.

— Заходи, Вив, — говорит она, делая мне знак рукой. — Закрой дверь. Садись.

Роуз указывает на стул напротив, и я плюхаюсь на него. «Стабилизирующий» мяч отправлен в угол, поверх него лежит пиджак.

— Видела заголовки, — начинаю я. — Что происходит? Я хочу сказать — это правда?

— Да, «Кайтс» попала не та поставка. Такие вот дела, — кривится она. — Что я могу сказать? Партия прошла весь производственный цикл, поступила к оптовикам и теперь продается как продукт, предназначенный для людей.

Я мысленно перевариваю услышанное.

— Господи, ужас-то какой!

— Вот именно. Черт знает что. Смотри сюда! — Она запускает руку в коричневую кожаную сумку и бросает на стол пачку газет. В глаза бросается заголовок:

«КРОМЕ КРОЛИКОВ: как корм для ушастых попал к людям?»

— О какой продукции идет речь? — спрашиваю я.

— Мы считаем, что это только «Хрустяшки»...

— Моя дочка их ест!

— Да все с ними в порядке, — отмахивается она. — Не надо переживать.

У меня начинает сосать под ложечкой.

— И все-таки что в них?

Ей хватает наглости принять раздраженный вид.

— Тебе огласить перечень прямо сейчас?

— Да, пожалуйста, — твердо говорю я.

Роуз вздыхает и стучит по клавиатуре.

— О'кей. Пшеница, отруби, растительный белок, растительное масло, витамин С, минеральная добавка...

Хм, не идеально, конечно, но ничего *слишком* страшного...

— Известняк, — продолжает она.

— Известняк?

— И, э-э, противогрибковый репеллент. Вот, собственно, и...

— Противогрибковый репеллент!

Разумеется, нет никакого смысла в том, чтобы повторять за ней состав, но я не на шутку взволнована. И почему только я поддаюсь уговорам Иззи и покупаю ей эти жуткие снеки? Джулз готовит для

Мейв чипсы из своей свеклы и сладкого картофеля. Я всегда считала, что это страшная морока, но, уж во всяком случае, лучше, чем кормить ребенка *известняком и противогрибковым репеллентом*. И что я, в самом деле, за мать?

— Это опасно? — рявкаю я. — Пожалуйста, скажите честно.

Лицо Роуз смягчается. Она сегодня без укладки. Волосы висят тусклыми прядями, кожа бледная.

— Слушай, я знаю, звучит не очень, но, честное слово, они совершенно безопасны. Вопрос не в этом. Наша первостепенная задача — понять, как это случилось и что делать дальше. Согласно информации от «Кайтс», а они, само собой, отчаянно стараются свалить вину на нас, партия успешно прошла выборочную проверку, и вот, мы приплыли. — Она поджимает губы.

— Ясно. — Я делаю паузу. — Полагаю, продукцию сняли с продажи?

— Разумеется. — Роуз поворачивается к ноутбуку и смотрит на него, пытаюсь сосредоточиться. — Как я уже сказала, первостепенная задача — ограничение ущерба. Необходимо принести извинения и успокоить потребителя. В одиннадцать часов на нижнем уровне — общее собрание. Сделай, пожалуйста, массовую рассылку с пометкой «срочно», а затем отправляйся в бункер и подготовь конференц-зал.

— Хорошо, — говорю я, по-прежнему думая: *«Известняк и противогрибковый репеллент, с ума можно сойти»*. Я знаю, что ни в чем не виновата, я всего лишь личный помощник, но тем не менее ощущаю свою причастность.

— Нас осаждают журналюги, — добавляет она. — Не соединяй меня ни с кем.

— Конечно, нет.

— И мне нужно, чтобы ты вела протокол собрания.

— Хорошо, без проблем.

— Спасибо, Вив. — Еще один взмах рукой, и я могу идти на все четыре стороны.

Я полагала, что за пять лет в «Флакسيко» научилась неплохо разбираться в том, что происходит в компании. Однако в последующие часы большие руководящие дяди несут такое количество пурги, что может показаться, будто я нахожусь в кабинете у Энди.

— Что мы имеем? — вопрошает невысокий коренастый субъект с розовыми щеками. — Мы имеем ситуацию, в которой «Кайтс» была поставлена продукция, предназначенная не для людей, а для животных, и с юридической точки зрения это очевидный случай договорного чего-то там, не говоря уже о нарушении чего-то там еще и кроличьего корма в придачу, в соответствии с базовыми критериями маркировки, бла-бла-бла...

И что? — хочется крикнуть мне. Нет чтобы дать четкую формулировку, так он что-то бормочет себе под нос, явно испытывая неловкость оттого, что толкает речь. Я этого Румяного впервые вижу. Возможно, его только что выпустили на свободу из тайной комнаты. Но суть нашей позиции, похоже, сводится к тому, что «это они виноваты, а не мы», хотя я не могу взять в толк, как так получается. В конце концов, это мы произвели и продали «Кайтс» базовый продукт. В одном из новостных сообщений я наткнулась на фразу рассерженной матери: «Если бы я хотела накормить своего сынишку известняком, я бы свозила его на карьер». Очень верная мысль. Никаких снеков, производимых из нашей продукции, Иззи больше не увидит.

Мы переключаемся на формат «вопросы и ответы», отчего Румяный приходит в еще большее замешательство и начинает изъясняться настолько пространно, что вскоре все вокруг уже нетерпеливо переглядываются и откровенно зевают. У меня есть компания коллег-приятелей, с которыми мы обычно встречаемся на ланче в нашей унылой столовке. Сейчас мы перемигиваемся с выражением «Что за байда?», а самые отвязные перебрались на задние ряды и оттуда корчат идиотские физиономии. Я замечаю, что на маркерной доске кто-то нарисовал кролика Багза Банни, но решаю, что в протоколе это можно не отражать.

Ясно, что на ланч нас сегодня не отпустят, потому что другая личная помощница организовала доставку сэндвичей и маффинов. В бункере нет ни окон, ни вентиляции, и очень скоро становится душно, поэтому есть никому не хочется. У меня уже случился один полномасштабный прилив и, судя по ощущениям, другой на подходе. Рубашка прилипает к спине. *К твоему сведению, Вив, у рептилий сухая кожа.*

Объявляют короткий перерыв, во время которого все сбиваются в стайки и признаются, что ни хрена не понимают. Затем все начинается

по новой, опять возникает Румяный и столько раз повторяет «в таком соотношении» и «на основании нижеизложенного», что у меня улетучиваются жалкие крохи эстрогенов.

Но это еще не все. Когда он замолкает, чтобы выпить воды, я с ужасом понимаю, что кожа теряет остатки эластина. Я физически ощущаю, как лицо обезвоживается, и начинаю подозревать, что выйду отсюда сушеным фиником. А затем, боже правый, происходит еще кое-что, но уже не с лицом, а... там. Я не из тех, кому приходится все перепроверять перед выходом из дома, и точно знаю, что несколько часов назад с моей промежностью все было в порядке. Однако в какой-то момент нечленораздельного бормотания Румяного дело начинает принимать ужасный оборот, и единственное правильное слово — она *задыхается*. Разумеется, сама я этого не вижу и не осмелилась бы заниматься обследованием при всем собрании, но я прямо чувствую, как краешки высыхают, точно у сэндвичей со вкусом сыра, которые никто не хочет. За вычетом гарнира из кресс-салата и сервировки на тарелочке из нержавеющей стали, моя промежность — точная копия нашего непопулярного «шведского стола».

Естественно, о протоколировании не может быть речи. Потом я как-нибудь смонтирую обрывки и заполню пробелы, а пока нужно сосредоточиться и убедить себя в том, что все в порядке и оснований для паники нет. Несколько месяцев назад, до того как я узнала про грязные делишки Энди, мне безудержно хотелось секса, когда становилось тепло. А теперь я даже об этом не думаю. Возможно, это способ оптимизации, заложенный самой природой, — расхламление, если можно так выразиться. Если влагалище не «играет», значит, пускай впадает в спячку.

Я откашливаюсь и откидываю волосы с разгоряченного лица. Собрание наконец-то закончилось. Я собираю листы и спешу к выходу, но тут меня окликают Роуз.

— Вив, на минутку!

— Да? — Я оборачиваюсь и изображаю самую безмятежную улыбку.

Она кивает на «шведский стол».

— Сэндвичи почти не тронули, а ты, похоже, не успела перекусить. Хочешь забрать их наверх?

— Спасибо, я поела утром, — говорю я, выдавая еще одну широкую улыбку, и выбегаю из бункера.

Пятница, 26 июля

Еще один безумный рабочий день — я держу глухую оборону, потому что Роуз со всех сторон осаждают с требованиями об интервью. Мы выступили с заявлением, суть которого в следующем: *Упс, что-то пошло не так. Хотя треклятая партия товара совсем безвредна, нам очень жаль, и мы примем меры, чтобы этого больше не повторилось.*

Если ваш малыш схомячил пакетик кроличьего корма, не думаю, что это вас утешит. Тем временем начинают множиться слухи, что — *тссс!* — подобные вещи случаются постоянно и никто об этом не знает. В конце концов, корма для животных производятся из ингредиентов более низкого качества, чем наши продукты, и не тестируются столь же тщательно. По слухам, иногда в продукцию, предназначенную для людей, гм, «что-то» *подмешивают*.

— Но я тебе ничего не говорила, — шепчет Джин, проницательная особа лет шестидесяти, которая «сидит» на платежных ведомостях года этак с 1982-го и знает все про все. Мы кучкуемся в дамском туалете, моем руки. С тех пор как все обнаружилось, народ только и делает, что шляется по туалетам. Похоже, толком никто не работает.

— Странно, что только теперь вскрылось, — бормочу я.

— Но сейчас, конечно, все прекратится, — добавляет она. — Планируется мощная реструктуризация с огромными инвестициями в PR, имидж и тому подобное.

— В самом деле? Думаешь, до этого дойдет?

Джин кивает:

— Тебе, с твоим опытом, это может быть на руку.

— Джин, я была помощником режиссера, — напоминаю я. — Не думаю, что это как-то связано.

— Никогда не знаешь, как оно обернется, — она выразительно смотрит на меня. — Поговаривают, что компании придется нажать на все педали, чтобы выглядеть современной и преуспевающей. — Джин

замолкает. — Так что таким, как ты, этот «кроликгейтский скандал» может сослужить хорошую службу.

— Ты действительно так думаешь?

— Ты знаешь Роуз, — говорит она. — Очень скоро она перестанет рассматривать его как вселенскую катастрофу и разглядит в нем грандиозную перспективу.

Ох, я очень надеюсь, что она права. Это место мне никогда не нравилось, и я никогда не предполагала, что они пустятся во все тяжкие, чтобы увеличить свои доходы. Сейчас у меня такое мерзкое ощущение, еще более мерзкое, чем когда я как ненормальная гуглила фотографии Эстелл Ланг. Ну почему у меня нет достойной работы, как у Энди? Что бы я о нем ни думала, он, по крайней мере, помогает людям. Пусть не мне, но своим пациентам. В этом ему не откажешь.

Дома я застаю Иззи в мрачном состоянии духа и думаю, не связано ли это с нежеланием ехать с отцом к родственникам.

— Там будет весело, — говорю я, убирая со стола после ужина. — Тебе же всегда там нравилось, правда?

— Ну да, — отвечает она, накручивая на палец прядь волос.

Несмотря на расспросы, я не могу дознаться, в чем дело. Возможно, она считает, что ей не следует слишком радоваться перспективе отъезда из дома? Мне бы не хотелось, чтобы Иззи так думала, и я активно стараюсь ее воодушевить.

Килты, сшитые на заказ! Печки с настоящими дровами!

— Просто потрясающе! — заявляю я своим самым позитивным голосом.

Конечно, для нее это первые каникулы после нашего расставания. Ей, наверное, не по себе, что меня не будет, и я ума не приложу, как это исправить.

Позднее звонит Энди и предлагает, чтобы я тоже «устроила себе отдых», потому что мне он, «вероятно, нужен». Я напоминаю ему, что уже брала отгулы, что у меня ответственная работа — конечно, я не спасаю больных от гормонального коллапса, но в отпуск могу уйти только по согласованию. И потом — *да-да!* — я не нуждаюсь в его советах насчет того, когда именно мне отдыхать, *большое тебе спасибо!*

Из позитивного: должно быть, вчерашняя паника насчет задыхания и/или высыхания моих нижних отделов связана со стрессом

на фоне протоколирования. Внизу все в порядке, но поскольку я не планирую впредь заниматься «этим», то по барабану, что там и как.

Глава двенадцатая

Воскресенье, 28 июля

Пенни категорически не согласна. Она придерживается теории, что я «готова» встретить кого-нибудь нового, что сейчас самое «время».

— Меня это не интересует, — говорю я ей во время прогулки по парку, когда Иззи и Мейв убегают вперед с Бобби. Мы с Джулз выручаем друг друга с детьми, за что я особенно признательна с тех пор, как осталась одна. У них с Эрлом свидание в городе.

— Речь не идет о чем-то серьезном, — заявляет Пенни. — Я имею в виду мимолетное увлечение для поддержания тонуса.

— Я и так в тонусе, — фыркаю я, — и в полном порядке.

— Ладно тебе, Вив, — она закатывает глаза. — Мы можем найти тебе какого-нибудь славного мужчину, просто для удовольствия.

— Хорошо, — хихикаю я, решая подыграть ей. — И кто у тебя на примете?

Она морщит лоб — судя по всему, перебирает возможные варианты. Сегодня на ней синее платье с белыми маргаритками, которое привлекает взгляды и вызывает одобрительные возгласы гуляющих.

— Когда снова в школу? — спрашивает Пенни.

— В середине августа. А что?

— Мне всегда казалось, что регулировщик, проживающий в конце твоей улицы, очень интересный мужчина...

— Что?! — фыркаю я.

— Разве нет? — скалится она.

— Пен, я не буду встречаться с регулировщиком. Ему, должно быть, хорошо за семьдесят!

— Не будь такой привередой, — подкалывает подруга. — Он в отличной форме, такой дружелюбный и внимательный...

— Дружелюбный и внимательный, — я делаю вид, что размышляю. — Это те качества, которые мне следует искать в

бойфренде?

Пенни вскидывает бровь.

— Ну, он кажется услужливым...

— На тот случай, если мне понадобится перейти через дорогу? — ухмыляюсь я и поворачиваюсь к девочкам: — Как насчет мороженого?

— Ура! — вопят они и несутся к нам.

Мы идем к лотку, а потом, вооружившись рожками с ванильным мороженым, бредем дальше к озеру. День выдался теплым, с легкой дымкой, и на огромном, покрытом травой пространстве тут и там виднеются семьи и парочки, развалились подростки и гуляют собачники — все, привлеченные в парк чудесной погодой. Народ устраивает пикники и играет в «летающие тарелочки». Девочки садятся на корточки у края воды и наблюдают за утками.

— Ладно. А как насчет Ника? — спрашивает Пенни.

— Ника? — недоуменно моргаю я.

Она улыбается и облизывает рожок.

— Ага, я думаю, он тебе идеально подходит.

— Ты о *своем* Нике? — спрашиваю я, чуть не поперхнувшись. — Конечно. Если выбирать между ним и регулировщиком...

— Вообще-то я не шучу, — с серьезным видом заявляет она. — Я считаю, что он тебе понравится и ты ему тоже.

Я смотрю на нее во все глаза и понимаю, что она не прикалывается.

— Но... он живет в Новой Зеландии, — начинаю я.

— Да, но скоро приедет погостить, — улыбается Пенни.

— Здорово. Замечательно! Но дело не в этом. Просто это как-то странно...

— Почему? — Она искренне удивляется. — Он отличный парень и, насколько мне известно, сейчас свободен...

— Пенни, это безумная затея! — восклицаю я.

— Не вижу проблемы...

— Он — твой сын!

Пенни, похоже, обижена.

— Да, я в курсе. И мне казалось, что ты расценишь это как плюс, а не как причину дать ему от ворот поворот.

— Я не это имела в виду, — быстро говорю я. — Уверена, что он замечательный. Просто... — Я замолкаю, пытаюсь найти нужные слова. — Просто это будет *неправильно*.

— А почему? — недоумевает она.

— Потому что... ты моя подруга. Потому что тебе известно, в каком я эмоциональном раздрае, и тебе вряд ли понравилось бы, если бы он связался с кем-то вроде меня...

— Я была бы *в восторге*, — протестует она.

— И потому что мне известно, что он целый год не ел ничего, кроме десерта «Райское наслаждение» со вкусом ирисок и носился голышом по библиотеке.

Она хмурится и выглядит при этом почти комично.

— Он с этим завязал.

— Надеюсь на это. Сколько ему — сорок восемь?

— Сорок девять, — поправляет она, точно это сильно меняет дело.

— В любом случае это не важно. А важно то...

Есть столько всего важного, что я даже не знаю, с чего начать.

— Слушай, как я уже сказала, он скоро приезжает, — говорит она.

— Когда? — осторожно спрашиваю я.

— В конце следующего месяца, на несколько недель. Он будет снимать документальный фильм в Йоркшире, кажется, про паровозы... — Пенни пожимает плечами, явно не разделяя его интереса к этой теме. — А когда закончит, — радостно продолжает она, — приедет ко мне. Так что вы скоро встретитесь!

— Отличная новость, — говорю я и действительно испытываю любопытство. В его предыдущие визиты я всегда куда-нибудь уезжала — то в отпуск, то к родственникам мужа на Рождество. — Ты очень по нему соскучилась, да? Ждешь не дождешься, когда он приедет?

— Ну, конечно, — отрывисто говорит она, — только, видишь ли, я привыкла потакать себе и жить вольготно, а он так суетится вокруг меня...

— А ты выключи свет и спрячься за диваном, будто тебя нет, — подтруниваю над ней я.

— Еще его можно отправить к тебе, с глаз долой, — хихикает она.

— Точно! На этот случай я запасусь десертом «Райское наслаждение» со вкусом ирисок, если его еще производят...

— Мама! — вопит Иззи, спеша в нашу сторону вместе с Мейв. — Мама, у меня к тебе вопрос.

— Какой?

Она широко улыбается, явно с трудом сдерживаясь.

— Можно я поеду в автопутешествие вместе с Мейв?

Я впервые про это слышу и не знаю, как реагировать. Я только-только свыклась с мыслью, что она поедет с Энди без меня. — Извини, солнышко, но напрашиваться в путешествие не принято.

— Я не напрашивалась, — твердо говорит она. — Меня Мейв пригласила.

— Можно она поедет? — спрашивает Мейв. — Ну, пожалуйста, Вив!

— Посмотрим, зайнька, — выдыхаю я. — Это нужно обсудить с твоими родителями. Возможно, когда-нибудь...

— Она может поехать в *этот* раз, — радостно заявляет Мейв. — Мама согласна.

Я поворачиваюсь к Иззи:

— Не думаю. Ты же уезжаешь с папой, разве забыла?

Она смотрит на подругу и хмурится, и тут до меня доходит, почему Иззи так сдержанно отнеслась к идее поехать на Лох-Файн. Девчонки вынашивали альтернативный план.

Джулз извиняется, когда я привожу Мейв домой.

— Прости, если это вызывает сложности, — говорит она. — Девчонки спросили меня на днях, можно ли Иззи поехать с нами, и я ответила, что конечно, только сначала нужно согласовать с тобой. Мне следовало сказать тебе об этом...

Я перевожу взгляд на дочь.

— Солнышко, почему ты не сказала раньше?

— Я думала, это огорчит папу, — мнетя она.

Так и будет, размышляю я. Но если *она* огорчится из-за того, что ее принудили поехать к его родственникам, то я точно знаю, чьи чувства мне дороже.

— Когда вы планируете ехать? — спрашиваю я у Джулз.

— В пятницу, примерно на неделю.

Я выдыхаю.

— Иззи, ты уверена, что хочешь именно этого? Ты не увидишься со своими братьями и сестрами. Подумай, какие там построили

замечательные шале.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Мне не хочется туда, мамочка. Я хочу поехать с Мейв.

— Ладно, ладно, — бормочу я. — Если ты абсолютно уверена... — Я поворачиваюсь к Джулз: — Вы с Эрлом действительно не против?

— Мы будем только рады, — улыбается она.

— Тогда договорились. Мне только нужно сообщить ее папе.

Девчонки шумно радуются и обнимаются, и всю дорогу домой Иззи щебечет о том, как будет здорово и как они все втайне планировали.

Позднее я звоню Энди — он явно расстроен моим известием, но держится стоически.

— Она показалась мне немного кислой, — говорит он, — но я подумал, это из-за того, ну, ты знаешь... что тебя не будет.

— Хм. Так вот, причина не в этом, — сухо говорю я.

— Ее никак не переубедить?

— Не думаю. Похоже, она твердо настроилась ехать с Мейв. Подозреваю, они давно это планировали. И она не хотела тебя обидеть, переживала, как ты отреагируешь...

— В самом деле? — он вздыхает. — Все расстроятся, если ее не будет.

— Ну, не в последний же раз, — говорю я.

— Да, конечно. Передай ей, что все в порядке.

Уже, думаю я, но вслух не говорю. И на этом мы прощаемся, не сказав друг другу ни единой колкости за целых восемь минут телефонного разговора. Прошло чуть больше четырех месяцев с тех пор, как он ушел, а мы можем разумно уладить довольно сложную ситуацию, что явно положительный сдвиг и несомненный шаг вперед для нас обоих.

Но все равно, чтоб тебе было пусто, чертов кобель.

Понедельник, 29 июля

На работе всю разгорается «кроликгейтский скандал» — пресса лютует по поводу наличия в нашей продукции известняка. Им плевать, что речь идет о «следовых количествах». Если учесть, что он используется для производства бетона и заполнителей для дорожных покрытий, то *любое* его количество должно вызывать беспокойство.

Но Роуз твердо намерена осуществить план, который позволит не только спасти подмоченную репутацию компании, но и, как она выражается, «шагнуть в светлое будущее современным, клиентоориентированным брендом». Так что, возможно, это действительно сулит нам всем новые перспективы, и бухгалтерша Джин права.

Непривычные для персонала слова типа «питательный» и даже «свежий» вдруг становятся у всех на слуху. С фантастической скоростью Роуз сколачивает команду крутых технологов-пищевиков, которые держатся шумно и непринужденно, точно «Флакико» уже превратилась в одну из тех развеселых компаний, где сотрудники только и делают, что играют в настольный теннис и валяются на креслах-мешках со своими собаками. Неужели такие места действительно существуют?

Сегодня у нас мозговой штурм в «бункере». Присутствуют все, даже долговязый тип с сизым носом, который обязан следить за исправностью осветительных приборов, — потому что теперь мы работаем по-новому. *Все включены.*

Показательно, что на этот раз обходится без менопаузных сэндвичей и унылого шведского стола, навевающего мысли о кишечной палочке и преждевременной кончине. Вместо этого нам предлагают богатый ассортимент аппетитных салатов, пикантных канапе и огромное блюдо экзотических фруктов. Должно быть, тружеников нашего общепита заперли в подсобке, когда в «бункер» спускали эти яства.

— Ущипни меня! Я не сплю? — говорит моя приятельница кадровичка Белинда, когда мы делимся на команды. Роуз предлагает подумать над идеями новой продукции — не только в гранулированной форме, но и в виде конечной продуктовой линейки, съедобной на вид и на вкус.

— Вы имеете в виду *настоящую* еду? — хрипло интересуется кто-то.

— Да, — сухо говорит она, — настоящую еду. За работу, народ! Свободный полет мыслей, и никаких ограничений. Мы открываем путь в новое дерзновенное будущее.

— Это прямо космический рывок, — шепчу я Белинде, мысленно прикидывая, каким образом компания намерена перейти от экструдированных гранул к подобию гороховой каши с мятой и пирогу с маслинами и сыром фета. Сомневаюсь, что хоть одна маслина когда-нибудь была замечена в стенах этого здания. В противном случае ее тут же вышвырнули бы вон и сообщили об этом в ежемесячном информационном бюллетене. Однако Роуз настаивает на том, чтобы мы «мыслили нескованно», и делится планами привлечь к сотрудничеству молодежь — не только выпускников-пищевиков, но также из сферы маркетинга, средств массовой информации и дизайна.

Она прямо светится от воодушевления, когда призывает нас снова занять свои места и устраивает презентацию.

— Я понимаю, что наша компания, возможно, не входит в топ-лист желанных рабочих мест для молодых специалистов. Нам надо понять, как молодежь питается и чем определяются вкусовые предпочтения сегодняшних подростков. Поэтому я планирую организовать инновационные платформы...

Она замолкает, чтобы метнуть взгляд на экран. Одному богу известно, как ей удалось все это состряпать так быстро. Искусные графики маскируют тот факт, что этот якобы новый курс порожден паникой в ответ на шквал негативной информации в прессе. Должно быть, она трудилась над презентацией весь уик-энд.

— Во главе каждой платформы будет стоять не только менеджер старой школы, но также *ментор*, — объясняет Роуз, посылая нам лучезарную улыбку, в то время как мы, сидя на пластиковых стульях, заинтересованно внимаем. — Мы переходим к новой корпоративной культуре, где каждый будет сознавать свою значимость и иметь широкие возможности для карьерного и личностного роста.

— Что, по-твоему, это означает в нашем случае? — шепчу я сидящей рядом Белинде.

— Ни малейшего понятия, — бормочет в ответ она. — Я впервые об этом слышу. Думаешь, тебе по-прежнему придется разруливать для нее казусы с лобковыми волосками?

— Может, этим будет заниматься одна из новоиспеченных инновационных платформ? — ухмыляюсь я.

Роуз интересуется, у кого есть вопросы, и мы снова поворачиваемся лицом к ней. Белинда вскидывает руку. Она — особа активная и энергичная, которая отлично бы подошла на роль нападающего в нетболе.

— Да, Белинда? — говорит Роуз.

— В связи с курсом на прием только молодых людей непременно возникнут вопросы.

— Э-э, да, конечно, — Роуз коротко кивает.

— Мы не можем допустить, чтобы нас обвинили в дискриминации, — добавляет Белинда.

— Разумеется, нет. — Роуз посылает в зал очередную лучезарную улыбку, очевидно, призванную замаскировать панику («Об этом-то я не подумала!») и побыстрее свернуть тему.

— Вы планируете запустить программу найма выпускников высших учебных заведений? — спрашивает Белинда.

— Не настолько формально, — весело говорит Роуз. — Я просто ищу способы привлечь молодые креативные умы, чтобы встряхнуть компанию.

— О'кей. Но будет ли кадровая служба заниматься организацией...

— Все будет сделано очень деликатно, — с ноткой нетерпения говорит она, что явно означает «Отвали, кадровая служба!».

— Но что, если люди постарше, которые уже работают здесь, захотят принять участие? — упорствует Белинда.

— Как я уже сказала, — перебивает Роуз, улыбка которой становится натянутой, а тон голоса — жестким, — мы стремимся создать свежую молодую команду, а это будет во благо всем.

Белинда бросает на меня разочарованный взгляд, а Роуз быстро переходит к следующим вопросам.

— Итак, что я планирую делать дальше, — заключает она с сияющими глазами, сцепив руки перед собой, — это побеседовать с каждым из вас на тему о том, каким может быть ваш вклад в новое светлое будущее «Флакско». Спасибо вам всем за уделенное время. Надеюсь, сегодняшняя встреча была полезной и конструктивной.

Когда мы выходим из конференц-зала, Белинда снова быстро смотрит на меня. Сотрудники, встревоженно переговариваясь, разбредаются по своим отделам. Я прикидываю, уж не это ли *на самом деле* имела в виду Роуз: «А главное — мне нужно принять решение, будете ли вы трудиться здесь дальше или нет». Хотя мы с ней отлично ладим, порой она увольняет сотрудников по самым хлипким поводам, совершенно игнорируя обязательную процедуру устного и письменного оповещения. Я надеюсь, она понимает, что я добросовестный работник, и что бы ни случилось, а без личного помощника ей не обойтись, но каким боком я могу вписаться в новый режим, этого я не знаю. И никак не могу остаться без работы в текущей ситуации.

Ранние часы вторника, 30 июля

Хотя мне неприятно это признавать, но в одном Энди был прав: это *действительно* как просыпаться в болоте. 3.27 утра. Я лежу в кровати, потная насквозь, а сердце отчаянно колотится из-за переживаний о том, что будет на работе, и, в частности, как я теперь, пробудившись в неурочный час, снова усну.

Пора бы мне привыкнуть к тому, что просыпаюсь мокрая, как мышь, и будит меня именно гиперактивность потовых желез, а не автосигнализация или собачий лай. Такое безумное потоотделение — просто дефект конструкции: оно не потому, что я истязую себя в спортивном зале, а потому что *спокойно себе лежу*.

По крайней мере, так бывает с теми из нас, кому не суждено преодолеть климакс «на всех парах». У женщин он проходит по-разному. Мне кажется, что Эстелл Ланг вообще не потеет. У нее, вероятно, даже пор нет — и это довольно несправедливо, потому что мои хорошо просматриваются из открытого космоса, как огромные кратеры. В последний раз, когда я подступила к продавцу-консультанту косметики в торговом центре, она оптимистично посоветовала «заштукатурить» их, как дырки в стене.

Незадолго до четырех утра я встаю, переодеваюсь в сухую пижаму и разглядываю в зеркале в ванной свою мертвенно-бледную физиономию. На подбородке вылез очередной волос. Я уже привыкла

к ним и встречаю почти как добрых приятелей, но этот, по крайней мере, еще в зачаточном состоянии. Меня достают эти мерзкие гадины, которые раскачиваются на ветру черт знает сколько времени, и ни одной собаке не приходит в голову мне об этом сказать.

Потом я забираюсь обратно в постель и растягиваюсь на уцелевшем сухом участке. В этом, пожалуй, плюс быть брошенной ради другой женщины.

По крайней мере, в кровати есть где развернуться.

Глава тринадцатая

Среда, 31 июля

Роуз пропадает на совещаниях почти все утро, а затем снова появляется у нас на этаже и, цокая каблуками, летит в мою сторону.

— Пока не могу сказать ничего определенного, — шипит она, — но я хотела бы улучшить минутку и переговорить насчет новой перспективы, связанной с тобой...

— В самом деле? — тотчас воодушевляюсь я. — И что за перспектива?

— Сначала нужно все согласовать, а потом мы обсудим, — она заговорщицки улыбается. — Извини, я почти все время в бегах на этой неделе. Столько всего навалилось, как ты сама видишь.

— Да, разумеется. Я понимаю.

— Так что ты думаешь насчет нововведений, которые мы предлагаем? Знаю, все происходит очень быстро.

— Звучит достаточно позитивно, — отвечаю я.

Она лучезарно улыбается, точно ребенок на детском утреннике.

— Я так рада это слышать, потому что действительно считаю, что ты могла бы сыграть ключевую роль. У меня есть предложение, которое, на мой взгляд, *идеально* тебе подходит.

Вообще-то с ее стороны не очень честно раздражить меня и не намекнуть, о чем идет речь. А что я могу? Надо выполнять свою работу, а там видно будет. И всякий раз, когда Роуз проносится мимо, пожалуй, не стоит улыбаться с выражением «Ну, скажи, скажи!».

Дома у меня нет никакой возможности обмозговать ситуацию, потому что Иззи намерена сегодня вечером устроить кулинарное телешоу. Я несколько устало соглашаюсь с тем, что она устроит нам полномасштабное мексиканское застолье. Компонентов такое количество, что, когда мы садимся есть, на часах уже 20.40 и я начинаю метать все подряд, как не в себя. Возможно, программа «Готовим с Иззи!» губительна для моей талии, но, черт возьми, пережаренные бобы со сметаной — это просто язык проглотишь.

Пятница, 2 августа

Хотя никакой дальнейшей информации не поступало, сама мысль о том, что идет движуха и происходит что-то новое и позитивное, благодаря чему я смогу вырваться из рутины, очень возбуждает. Я лишилась дела, которое любила всей душой, с которым забывала обо всем и хорошо справлялась. Я хочу приносить пользу, занимаясь чем-то более важным, чем заказывать для Роуз такси из разных аэропортов по всему земному шару. Я понимаю, что у меня стабильная и к тому же не очень пыльная работа, и в этом смысле мне повезло. Просто иногда я ощущаю... *пустоту*. Однако обещание перемен держит меня в тонусе весь день и помогает пережить тот факт, что этим утром Иззи отправилась в поездку с Джулз, Эрлом и Мейв. Я знаю, ей предстоят потрясающие каникулы. Когда она радостно прыгнула к ним в машину, у меня лишь *самую малость* защемило сердце.

Дома пусто, я отмокаю в ванне и мысленно намечаю за выходные «причесать» резюме на тот случай, если Роуз пригласит меня на формальное собеседование. Как я всегда повторяла Спенсеру перед экзаменами, «подготовки много не бывает».

— Да что ты? — обычно отвечал он с бесячей усмешкой. — А я думал не париться и идти как есть, типа, сымпровизировать.

Суббота, 3 августа

Итак, целую неделю я буду предоставлена самой себе. Все будет *замечательно*, решаю я, потягивая кофе и пытаюсь отогнать подальше унылые мысли. Конечно, я буду скучать по Иззи, но временем надо распорядиться с умом. У меня есть чем заняться.

Во-первых, нужно провести генеральную уборку на кухне, и хватит любоваться на диковинные ингредиенты: острое масло с перцем чили, белые грибы, копченую паприку и семена черного кардамона, приобретенные для будущих выпусков «Готовим с Иззи!». Я несколько раз переставляю содержимое наших кухонных шкафчиков, а потом возвращаю все на исходные позиции.

Затем нужно разобраться со стиркой, включая крохотные носочки, которые обитают в бельевой корзине с тех пор, как Иззи было три, и

налезут разве что на куклу (хотя Иззи никогда не проявляла ни малейшего интереса к куклам). Попутно на дне обнаруживаются прокисшие боксеры Энди. Будь у меня его адрес, я всерьез подумала бы над идеей сложить их в конверт и отправить по почте на *ее* имя. Разрывает она упаковку, а там вонючие трусы — привет от любовника-докторишки! Жаль, что он по-прежнему скрывает свое местонахождение — такой шанс пропадает. Порезать их на кусочки — бессмысленно и только плодить заразу на кухне. Я осторожно вынимаю их за поясную резинку и швыряю в мусорное ведро.

Впервые в текущем столетии бельевая корзина пуста. Я разрешаю себе полюбоваться ею несколько мгновений, потом делаю еще одну чашку крепкого кофе и сажусь у кухонного окна, размышляя, чем бы заняться дальше. Я предпочла бы греться снаружи на солнышке, но Тим-крысоболец из соседнего дома пасется у себя в саду вместе с Крисси и сынишкой Лудо. Они с Иззи одногодки и должны бы быть приятелями, но нет.

Тим обрезает, прореживает, мотыжит и таскает огромные кули с ветками. Глубоко беременная Крисси отдает команды из патио, предназначенные, судя по всему, только для Тима, потому что никого не волнует, что Лудо лупит молотком по их кирпичному сараю. Даже со своего наблюдательного поста я вижу, как летят обломки, но ни мать, ни отец, похоже, не пытаются его остановить. Так они представляют себе «родительские обязанности»: позволять малолетнему вандалу делать что душа желает.

Должно быть, они полагают, что, разрушая сарай, пацан «набирается опыта».

За несколько недель до того как интрижка с Эстелл Ланг выплыла наружу и когда жизнь казалась относительно нормальной, мы с Энди копались в саду и увидели, что он швыряет камнями в кота на стене.

— Лудо, так нельзя! — крикнул мой муж совершенно спокойным тоном.

Крисси, должно быть, услышала, потому что тотчас нарисовалась и сделала нам выговор:

— Мы не говорим «нельзя».

А теперь я с возрастающим волнением наблюдаю за тем, как ребенок крушит сарай, пусть совсем не мой, и дохожу до той стадии,

когда вынуждена отойти от окна и попытаться найти себе другое занятие.

Я могла бы позвонить подруге, однако вспоминаю, что у Пенни запланирована поездка на лодке со своим бойфрендом Хэмишем (Иззи всегда хохочет, когда я называю его бойфрендом, но Пенни это словечко очень нравится, так что как прикажете его называть?). Я могла бы звякнуть старым подругам, Шелли и Айле, — мы знакомы еще с начальной школы — но сваливаться на них в уик-энд как снег на голову будет довольно бесцеремонно.

Я знаю, что к концу рабочей недели Шелли основательно выматывается, и они с Лоренсом, ее партнером, любят проводить выходные скромно, в компании своих собак. Айла, мать-одиночка с тремя подростками, которые по-прежнему живут с ней, работает куратором в третьем разрядном музее естествознания и все свободное время щучит своих отпрысков и за всеми приглядывает. Мне нравится встречаться с подругами, но я понимаю, что любое мое сегодняшнее послание будет воспринято как «Караул! Ума не приложу, куда себя девать!». А я твердо намерена этого не допустить и не вести себя как женщина, которая не в состоянии пережить несколько часов в одиночестве. Зато я могу позвонить Спенсеру — он, безусловно, обрадуется мне в субботний день.

— Привет, дорогой, — чирикаю я. — Звоню узнать, как ты.

— Привет, мамуля! — В его голосе слышится удивление, оно и понятно, потому что обычно, когда есть что обсудить, мы отправляем эсэмэски. — Все в порядке?

— Да, спасибо, отлично.

Я начинаю издали спрашивать про здоровье и работу, с какими группами он сейчас сотрудничает и как поживают его соседи — словом, мощу дорогу к заманчивому предложению прыгнуть в машину и рвануть к нему в Ньюкасл прямо сейчас. Он же оценит, когда мама вот так стихийно возникнет на его пороге?

— Ты не дома? — спрашиваю я, вдруг уловив шум голосов и приглушенную музыку. Но сейчас время ланча, а он обычно работает в пятницу вечером, поэтому я предположила, что он только что встал.

— Да, мы тут сидим компанией в чудесном пивном саду, — говорит он. — Решили пропустить по кружке.

Значит, я тут полы драю, а он там пиво пьет днем?

— Звучит заманчиво, — говорю я.

— Так и есть. — «А теперь мне пора», — явно подразумевает он. — У Милли сегодня день рождения.

— Да что ты? Поздравь ее от меня, дорогой. Я просто хотела узнать, как ты. Я по тебе скучаю.

— Я тоже по тебе скучаю, мамуля. И спасибо за поздравление, я передам. Ну, до скорого!

Погоди! Может, я приеду к вам прямо сейчас и приглашу вас поужинать, то есть подмажу, чтобы вы провели со мной время?

— Да, милый, до встречи, — бормочу я. — Пока.

Разговор окончен, и я принимаюсь гадать, что делать дальше, понимая, что неумение занять себя — явный симптом дисфункционального расстройства. С тех пор как мы с Энди расстались, я осознала, что прежде почти не оставалась одна. Я была на работе, или с друзьями, или, чаще всего, с Иззи. Если она уходила с отцом, то всего на несколько часов.

А сейчас она уехала в путешествие без меня, Спенсер празднует день рождения своей подружки, а Энди вообще занят бог знает чем со своей пассией. Я уже слегка привыкла к тому, что наш брак лопнул по швам — ну, по крайней мере, больше не просыпаюсь в шоке от этой мысли и, открывая глаза, не ожидаю увидеть обожающий взгляд Энди с соседней подушки (вообще-то этого не было года этак с 1916-го, но тем не менее). Однако ярость по-прежнему кипит во мне, и порой так хочется забить на все приличия, позвонить ему и заорать, что это нечестно и каким похотливым идиотом надо быть, чтобы променять нашу совместную жизнь — нашу семью — на возможность залезть в трусы к другой телке?

Я стараюсь не поддаваться соблазну и твердой рукой запикиваю низменные порывы в глухие уголки мозга. Остаток моей сиротской субботы посвящен генеральной уборке в ванной, где я с особой тщательностью оттираю напольную плитку складной зубной щеткой Энди, которую он любил брать в поездки, надеясь, что это даст чувство удовлетворения от хорошо сделанной работы (фиг!).

Потом я тру ею внутренний ободок унитаза. А покончив с этим, перебираю картофель в овощном контейнере.

Воскресенье, 4 августа

Я знаю, чем заняться — садом! Края участка требуют внимания, а мне нравится копаться на свежем воздухе. Это одна из многих причин, почему я надеюсь остаться в этом доме, когда мы с Энди официально расстанемся (а главная — что для Иззи это единственный дом). Хотя мне тяжело признавать его заслуги, но по отношению к детям, надо отдать ему должное, Энди всегда вел себя образцово-показательно. Он сразу дал понять, что и впредь будет заниматься домом без всяких проблем, но кто знает, как оно обернется. Мне трудно смириться с мыслью о том, что в какой-то момент мы можем продать дом и поделить деньги, а я куплю себе квартиру, которая, само собой, будет *замечательной*, — но тем больше причин заняться садом сейчас.

Я принимаюсь полоть, и настроение улучшается. *Так* гораздо лучше. Однообразная успокаивающая работа полезна для души — Джулз сказала бы именно это. По прошествии чуть больше часа на смену тусклому утру приходит яркий день. Небо пронзительно голубеет, местами плывут белые облака. Посмотрите на меня, думаю я, одинокая женщина, предоставленная самой себе целую неделю, наконец-то нашла способ довольствоваться собственной компанией. Возможно, такой я стану с годами — не дикой кошкой, наподобие Пенни, которая недавно заметила, что «заниматься этим на лодке вдвое уменьшает качку», а степенной дамой в соломенной шляпе, увлекающейся садоводством.

Надо купить соломенную шляпу, решаю я, выпрямляюсь и поднимаю руки высоко над головой, как делает Джулз, разминаясь перед сеансом йоги. А затем я думаю, к черту, а сделаю-ка я несколько приветствий солнцу. В конце концов, день солнечный, никто не видит, а несколько базовых поз она мне показала.

И я начинаю делать упражнения, стараясь не обращать внимание на звучный треск, который, кажется, идет из всех моих суставов и сочленений. Поднять руки к небу, наклон вниз, руки свисают свободно. Ступня отведена назад, затем другая; опуститься на пол в позе собаки мордой вверх. Теперь «собака» мордой вниз — зрелище, безусловно, способное встревожить случайного наблюдателя, но мне плевать. Теперь я — йог и стою кверху задницей, благословляя движение солнца по золотой орбите.

— Тебе не должно быть больно, — наставляла Джулз, но на самом деле мне *очень* больно, так что, возможно, я выполняю неправильно,

но это лучше той боли, которую я испытывала, таращась на фотографии любовницы своего мужа. Та боль — просто ментальная мука. А эта — хорошая, бодрящая мозг. Она... — ой!

Что-то ударяет мне в спину, и я падаю на землю. Затем с трудом поднимаюсь и возмущенно смотрю по сторонам. Меня что, птица в попу клюнула? Я нагибаюсь, чтобы отряхнуть траву с коленей, и тут что-то со свистом проносится в воздухе, чудом не задевая мне щеку.

Из соседнего сада доносится пронзительное хихиканье.

— А, привет, Лудо, — скажусь я на него.

— Привет, Вив, — злобно ухмыляется он.

— Это ты, что ли, бросил?

Памятуя про отношение его родителей к слову «нельзя», я стараюсь выразить свои мысли в позитивной, безобидной форме.

— Не-а, — с возмутительной наглостью заявляет он, хотя валяющийся рядом комок земли доказывает обратное. — А где Иззи?

— Она уехала, — отвечаю я.

— А куда?

— В Озерный край вместе с Мейв и ее родителями.

Он насупливается и трясет курчавыми светлыми волосами.

— Мне не нравится Мейв.

— Вот как? Она очень славная, Лудо. — *В отличие от тебя, малолетний истязатель кошек.*

— Она никогда не принимает меня в игру.

— Какая жалость.

— А Энди где? — он смотрит на меня холодным взглядом.

Вопрос похож на короткий и сильный удар. Энди съехал почти пять месяцев назад, и не сказать, чтобы прежде эти двое были особенно дружны. Как раз наоборот. «Мелкий психопат» — так обычно называл его Энди при своих.

— Он тут больше не живет, — весело говорю я.

— А почему?

Я пристально смотрю на маленького человечка, понимая, что ответ «потому что у него случился секс на стороне» не совсем уместен.

— Иногда так бывает, — говорю я, надеясь на этом закрыть тему. И любой нормальный ребенок понял бы намек, потому что в процессе воспитания усваивает такие старомодные концепции, как манеры и вежливость.

— А где он теперь живет? — гнет свое Лудо.

Спроси что полегче!

— В своей квартире.

— А где...

— А ты, наверное, ждешь не дождешься, когда у тебя появится братик или сестричка? — Задаю я встречный вопрос, желая сбить его с курса.

Цель достигнута. Лудо ковыряет землю носком кроссовки и молчит.

— Как будет здорово, когда в доме появится малыш, — чирикаю я. *Будет орать по ночам, требовать всеобщего внимания, доводить до изнеможения мамочку и папочку.*

— Да, наверное, — бурчит он.

— А как вы его назовете?

Он бормочет что-то нечленораздельное.

— Как ты сказал?

— Чулан, — рявкает он.

— Чулан? — *Ты что, собираешься упрятать его туда, когда родится?* — Ты имеешь в виду — Дункан?

Лудо мрачно кивает и отчаливает, утратив интерес к беседе, съехавшей с темы моего семейного положения. Я направляюсь обратно к дому, пытаюсь нащупать в кармане телефон. Его там нет. Возможно, я обронила его, когда изображала собаку мордой вниз.

Я возвращаюсь назад и осматриваю лужайку. Пора доставать газонокосилку. Ею всегда занимался Энди, а отныне, судя по всему, это моя работа. Теперь все моя работа.

— *Вы разводитесь?* — вопит с заднего крыльца Лудо.

Боже ж ты мой, куда запропастились его родители? Тут чудесным образом слышится треньканье телефона, извещающая меня о его местонахождении на лужайке.

Я хватаю его и отвечаю на звонок.

— Как тебе дышится воздухом свободы? — интересуется Пенни, и я сразу понимаю, что она слегка подшофе.

— Отлично, — говорю я. — Сейчас в саду, болтаю с Лудо.

— С этим маленьким негодяем? — хихикает подруга. — Он такой же гадкий, как всегда?

Лудо внимательно смотрит на меня с заднего крыльца, сунув руки в карманы шортов.

— Да, тут все по-старому.

— Хм. Он думает, я не заметила, как он в тот раз дернул Бобби за хвост. Пес у меня не кусается, ты знаешь, но иногда я об этом жалею. Будем надеяться, что новый малыш окажется лучше первого. Ну, тебе там, наверное, хорошо одной, так что я не буду тебя беспокоить...

— Ты меня не беспокоишь, — быстро говорю я, заметив выходящую из дома Крисси, которая нежно улыбается дьявольскому отродью и начинает развешивать белье. Класс! Теперь он может упражняться в меткости, швыряя землю в папашины белые трусы *Calvin Klein*. — Но я думала, ты уехала с Хэмишем?

— Не срослось, — объясняет Пенни. — Судя по всему, забарахлил мотор, и Хэмиш сейчас по локоть в машинном масле. А день такой чудесный, что грех сидеть в вонючей лодке, которая стоит на месте...

— Это правильная мысль, — соглашаюсь я, двигаясь назад к дому.

— Идеальный день для бокала холодного белого вина.

Я улыбаюсь. На часах чуть больше двух, так что идея не самая отстойная.

— Звучит заманчиво.

— Тогда подтягивайся к нам!

— К нам? А с кем ты?

— С твоими подругами. — До меня доносится смех. — Я столкнулась с Шейлой и Айлой в музее «Келвингроув», а сейчас мы ждем тебя. Но поспеши, дорогуша, тебе придется нагонять упущенное.

Глава четырнадцатая

Сорок пять минут спустя

Не сказать, чтобы я позарез нуждалась в компании. Однако я приняла душ, оделась, подкрасилась за рекордное время и выскочила за дверь, а когда добралась до паба, мои приятельницы болтали вовсю, как добрые подруги, за уличным столиком на самом солнцепеке.

Несмотря на то что Пенни виделась с Шелли и Айлой всего пару раз, она подкатила к ним и уговорила выпить вина. Бутылка торчит из ведерка со льдом, а Бобби с довольным видом лежит у ног Пенни. Оказывается, пока я коротала время в одиночестве, Шелли тоже вырвалась на волю, потому что ее партнер Лоренс поехал к родителям, а Шелли отказалась — свекровь, по ее словам, может болтать без передышки семнадцать часов кряду. А Айле «пришлось уйти» из дому, потому что жить с тремя подростками — это настоящее испытание. Так почему же ни одна из них не позвонила *мне*?

— Мы подумали, тебе нравится проводить время в одиночестве, — заявляет Шелли.

— Мы не хотели прерывать твои грезы, — подтрунивает надо мной Айла.

— Какие там грезы, — парирую я. — Пацан из соседнего дома бросал в меня землей, пока я изображала собаку мордой вверх.

— Тот, чьи родители позволяют ему играть со спичками и растительным маслом? — спрашивает Шелли.

— Он самый. Его мамаша считает, что все это — «полезный опыт».

— Когда пожарная команда будет их вытаскивать из дома, это будет очень познавательно, — фыркает Пенни.

Айла наклоняется вперед:

— Пенни, а что ты думаешь об изнеженном молодом поколении? Сегодняшних детей так сильно балуют. Ты, должно быть, считаешь, что мы все сошли с ума.

Пенни улыбается и встряхивает крашеными кудряшками, явно довольная, что ее мнение на подобную тему вызывает интерес.

— По-моему, детей баловали всегда — не всех, конечно. Но разница в том, что такого понятия, как «родительство», раньше не было. Я имею в виду, что это не было делом всей жизни. Родители заботились о том, чтобы дети, — она щелкает пальцами в поисках нужного слова, — не съели чего-нибудь ядовитого и легли спать в положенный час, чтобы у вас оставалось время для себя.

— Хотела бы я так, — заявляет Айла, которая сохранила очень хорошие отношения со своим бывшим. — Мой старшенький желает, чтобы я писала за него эссе по английской литературе. В пятьдесят два года радостей мало, и корпеть над символизмом в «Макбете» — явно не из их числа.

— Ты просто чудо, — говорю я, нимало не кривя душой. — Они уверены, что ты способна все *сделать* и уладить, и полагаются на тебя во всем.

— Но почему я всегда даю себя запрячь? — Она откидывает назад свою короткую белокурую гриву. — Я по-прежнему пытаюсь заставить их есть овощи. Это смешно. Моему старшему восемнадцать. — Айла поворачивается к Пенни: — Ты когда-нибудь так заморачивалась? Тебе случалось измельчать в блендере стручковый горох для соуса к спагетти?

— Нет, — смеется Пенни, — потому что я была в здравом уме.

И затем, разумеется, я уговариваю ее рассказать им про «Райское наслаждение» и пробежки голышом по библиотеке, что вызывает гомерический хохот.

— Ты просто отрада для души, — говорит Айла, вытирая глаза. — В наше дни люди настолько серьезно относятся к родительским обязанностям. Мы не просто воспитываем детей и надеемся на лучшее. Мы растим их в атмосфере такой опеки и внимания к деталям, точно будущее человечества зависит от того, насколько хорошо мы с этим справимся.

— А чем сейчас занимается Ник? — спрашивает Шелли.

— Снимает документальное кино, — отвечает Пенни.

— Ого, и о чем?

— Обо всем, что его волнует. Он обосновался в Окленде — женился на новозеландке, но их брак продолжался недолго. Он скоро

приезжает... — Пенни бросает на меня искоса взгляд, который я предпочитаю игнорировать.

— И как он пришел к этому? — спрашивает Айла.

— Он научился снимать кино сам, — с редкой для нее ноткой гордости говорит Пенни. — Одолжил аппаратуру у приятелей, еще давно. Ник очень целеустремленный и отличный профессионал.

— Он учился в университете? — интересуется Шелли.

— Возможно, — она пожимает плечами.

— Пенни! — восклицаю я, понимая, что она нас разводит, когда со смехом принимается доливать вино в бокалы. Ей отлично известно, как меня бесит ее подход к материнству («благотворное невмешательство», как она выражается).

— Девочки, а давайте-ка поедим, — предлагает она. — Мне срочно требуется закусить, а не то дело примет дурной оборот. Чем они тут кормят?

Ясно, что в наши годы чипсы с орешками — не вариант, но мы с облегчением обнаруживаем, что здесь подают тапас, и скоро весь столик уставлен тарелками с аппетитной едой.

— Разве Энди живет не здесь? — спрашивает Шелли, когда мы принимаемся налегать.

— Угу, вроде бы. У меня все еще нет его адреса. Он страшно скрытничает на эту тему.

— Почему? — хмурится Айла.

— Честное слово, без понятия.

— Ты должна разузнать, — поворачивается ко мне Пенни. — Позвони ему под каким-нибудь предлогом. Мы можем завалиться к нему всем скопом, — она злорадно ухмыляется.

— Думаю, он сейчас на пути к Лох-Файн или уже приехал. А там очень плохо ловит.

— А ты попробуй, — настаивает Пенни. — Скажи, что тебе требуется его адрес, пока он в отъезде.

Я смеюсь и отпиваю вина. До меня вдруг доходит, какая я счастливая — сижу себе с подругами в такой чудесный день, домой мчаться не надо и отчитываться мне не перед кем. Иззи прекрасно проводит время — мы болтали по телефону и Джулз уже отправила фотографии, где девочки играют на берегу озера. Хотя на работе царит неясность — Роуз до сих пор не озвучила, что она припасла для

меня, — мне не о чем переживать. Я взяла себе за правило ценить то, что имею, и гнать поганой метлой из головы мыслишки про Энди и его новую пассию.

— Я знаю, — вдруг заявляет Шелли. — Скажи ему, что тебе надо переслать ему важные письма. Скажи, что иначе ты боишься их потерять.

Я морщу лоб и задумываюсь.

— Звучит не очень убедительно.

— А ты рискни, — уговаривает она. — Ну, откажется он, и что с того?

И я отправляю ему бестолковое сообщение, которое, судя по мгновенному ответу, приводит его в замешательство: «Это может подождать? Только приехал. Привет от всех».

— Сколько времени набирать адрес? — интересуется Шелли.

— Он просто от тебя отмахивается, — замечает Пенни. Она хватает со стола телефон и принимается жамкать на кнопки.

— Пенни! Что ты делаешь?

Она с сияющим видом возвращает мне телефон. Надо отдать ей должное, ее метод оказывается более действенным, чем мой, потому что в ответ на требовательное «ДАЙ СВОЙ АДРЕС!» послушно приходит: «ул. Киннертон, 19, кв. 1/2».

— Ну что? — ухмыляется Пенни, когда мы расплачиваемся по счету. — Мы в двух шагах, так что было бы глупо не зайти. Погнали?

Могу лишь предположить, что вино и жара ударили нам в голову, потому что уже через несколько минут наша разудалая компания, оживленно хихикая, оказывается в нужном месте. Я редко бываю в этом районе города и не подозревала, что эта улица, в частности, настолько очаровательна. Расположенная в стороне от основной магистрали, она представляет собой смесь хорошо сохранившихся многоквартирных домов из красного песчаника, парочки традиционных пабов и ряда весело раскрашенных магазинчиков. Среди них обнаруживается булочная, элитный винный магазин с дегустационным залом, бакалейная лавка, старомодная чайная и специализированный магазин сыров, от которого разит за квартал.

— Смачное местечко, а? — замечает Айла. — Я, конечно, люблю сыр, но тут его слишком много. Представляю, каково здесь работать.

Мы переходим через дорогу, и я сверяюсь с нумерацией домов.

— Квартира Энди — прямо над ним! — объявляю я.

— Он живет над магазином сыров? — поворачивается ко мне Пенни.

— Да! Сама посмотри — это номер девятнадцать, — я улыбаюсь ей во весь рот, а ее серо-голубые глаза сияют от восторга.

— А помнишь, ты рассказывала, что, когда вы были в Париже, ему упорно мерещился запах сыра из холодильника?

— Конечно, помню.

— Я тоже! — восклицает Айла. — Он тогда тебе весь мозг проел. А это точно его адрес?

— Абсолютно.

— Но почему он решил жить здесь, — хмурится Пенни, — с его-то гиперчувствительностью к сильным запахам?

— Ума не приложу, — говорю я, когда мы заходим в магазин.

Это прелестное местечко, похожее на старомодный дневник, с зеркальными стенами и изразцами ручной работы, и с огромным количеством сыров, от которых в буквальном смысле захватывает дух.

— Чем могу помочь? — спрашивает, улыбаясь из-за прилавка, молодая продавщица.

— Мы просто на запах зашли, — говорю я, глубоко вдыхая. — Тут у вас потрясающие ароматы.

— Если вы любите сыр, то да, — соглашается она. — И в данный момент они особенно сильные.

— Из-за погоды? — спрашивает Шелли, стараясь сохранять невозмутимый вид.

— Скорее из-за текущего ассортимента, — объясняет продавщица. — Есть несколько сортов, которые претендуют на звание самого вонючего сыра в мире, и мне приятно сказать, что у нас представлены все.

— И какие именно? — оживляется Пенни.

Продавщица указывает головки, красиво расставленные в витрине.

— Вот «Бри-де-Мо», а это — «Вьё Булонь», пожалуй, с самым специфическим запахом. «Зловонный епископ» тоже довольно ядреный. Хотите попробовать?

— Да, пожалуйста, — нетерпеливо откликаюсь я.

Она отрезает тоненькие ломтики и предлагает нам вина, на что Шелли, точно после долгих уговоров, выдает: «Эх, была не была!», а меня начинает разбирать истерический хохот при мысли о том, что мужчина, с которым я прожила четверть века, теперь обитает над гигантской смердящей головкой сыра «Стилтон». Если бы не это обстоятельство — или мое подпитое состояние, — возможно, я с трудом восприняла бы неоспоримое доказательство того, что Энди действительно живет где-то вдали от нас с Иззи, а не порхает в безвоздушном пространстве, как блудливый призрак. А сейчас мое уныло начавшееся воскресенье проходит настолько оживленно, что я даже вообразить себе не могла.

— А вам известно, что наверху есть квартиры? — отваживаюсь спросить я, когда продавщица наливает нам вина.

— Да. А что?

— Наверное, до них долетает запах из магазина, как вы считаете?

Она усмехается и поводит руками по сторонам.

— Полагаю, да. Возможно, в верхних пахнет не так сильно, но в той, что над нами, — очень. Вообще-то она много лет пустовала, но несколько месяцев назад кто-то туда въехал, — она улыбается и предлагает еще ломтики. — Могу лишь предположить, что они *обожают* сыр.

— Должно быть, так, — соглашаюсь я.

Мы заканчиваем дегустацию, и я, естественно, чувствую себя обязанной раскошелиться на кусок «Бри-де-Мо», который мне обходится в несколько фунтов. Но каждый его ломтик я буду смаковать, решаю я, когда мы с Пенни направляемся домой на такси.

— Поднимешься? — спрашивает она, когда мы останавливаемся у ее дома. — Можем догнаться джином с тоником. У меня даже лимоны есть. И лед!

Обычно мне нравится коротать вечерок в ее захламленной квартирке со шторами из бисера и люстрой в висюльках, где полки завалены безделушками и кругом валяются вязаные покрывала. Но сегодняшняя попойка меня вконец умотала, поэтому я благодарю Пенни за приглашение и решаю, что лучше отправиться домой и принять ванну.

Я валяюсь в ванне, вдыхая мандариновый запах моего любимого масла, и думаю: а по душе ли Эстелл Ланг встречаться в зловонном

гнездышке? Может, это добавляет пикантности в их интимную жизнь? Он божится, что они по-прежнему не живут вместе, так что, возможно, у нее есть своя квартира в городе или она все еще обитает в Эдинбурге. Он молчит как рыба, а я даже не подумаю спрашивать, чтобы не вообразал, будто мне есть дело до их отношений. Но вот что интересно: пахнет ли от него сыром, когда он приходит к ней на свидания?

Я вытираюсь полотенцем, надеваю мягкую хлопчатобумажную пижаму, залезаю в постель, а сама все думаю об этом, и на душе так хорошо. Я представляю, как Энди задыхается от миазмов «Камамбера», и проваливаюсь в блаженный пьяный сон.

Глава пятнадцатая

Среда, 7 августа

Половина рабочей недели позади, а от Роуз по-прежнему ни намек на то, какую новую роль она мне придумала. Хотя, надо признать, в последнее время она страшно занята и почти не бывает в офисе из-за всех этих заседаний, интервью и прочего.

Сейчас я начинаю думать, может, она решила прикомандировать меня в каком-нибудь качестве к новым молодежным командам? Не в качестве *ментора*, ответственного за «инновационные платформы», как она их называет, но как старшего и более зрелого (ха-ха!) сотрудника, чтобы держать все под контролем? Должны же быть какие-то бонусы взамен ушедшей молодости, скажем, *накапливается жизненный опыт. И развивается (относительная) невозмутимость, когда все идет наперекосяк*. Возможно, Роуз видит во мне мудрую наставницу, способную вдохновить молодых на создание новых продуктовых линеек и вместе с тем удерживать их от склок и анархии?

По-моему, я умею находить подход к молодым людям. В конце концов, еще не столь давно Спенсер жил с нами, и мне приходилось терпеть его подростковые выходки. Мы неплохо ладили, за исключением короткого периода от тринадцати до восемнадцати лет, который, как я сейчас понимаю, *не* был таким коротким. Спенсер казался форменной занозой в заднице — сжигал в саду тетради по французскому языку и с высокомерным видом втолковывал мне про ситуацию в Палестине, точно у меня клиническая картина слабоумия, но в итоге мы все пережили. Кроме того, на протяжении многих лет я работала с молодежью в театре и твердо усвоила, пожалуй, одно: в общем и целом молодые люди замечательные и находиться среди них — большое удовольствие, только если ты не их мама.

В любом случае мои перспективы выглядят по меньшей мере обнадеживающими, тогда как Айлу только что огорошили известием о том, что музей, в котором она работает пятнадцать лет, в начале следующего года может закрыться, если посещаемость не увеличится.

Она кажется очень расстроенной, поэтому я уговариваю ее на несколько часов оставить детей на попечении электронных устройств и вечером прийти ко мне.

Она выглядит усталой и вымотанной. Я готовлю нам пасту и наливаю ей бокал вина.

— Впечатление такое, что руководство не заинтересовано в том, чтобы что-то менять, — говорит Айла, накручивая на вилку тальятелле. — Они не способны мыслить шире. Мы понимаем, что не можем конкурировать с большими временными выставками, на которые народ валом валит, типа Коко Шанель, Фриды Кало или Тиранозавра Рекса, и работаем ни шатко ни валко, по старинке. Не думаю, что это изменится.

— Понимаю. Господи, Айла, мне так жаль.

Я вспоминаю подведомственный ей отдел природы, в котором по большей части представлены чучела викторианской поры. Да, он старомодный, но славный — это как оказаться в ушедшей эпохе с ее благоговейной атмосферой и зрителями в красивой униформе. Спенсеру нравилось там бывать, и Иззи тоже, хотя маленькой она пугалась чучел.

— Ну да, таксидермия несексуальна, — говорит Айла. — В наши дни она даже раздражает. Мы пытаемся объяснить, что все животные умерли от естественных причин и представляют историческую ценность, но зачастую людей не переубедить.

Моя славная добрая подруга кажется сильно на взводе, а я бессильна ей помочь.

— Может, устроить какой-нибудь модный показ? — предлагаю я. — Пусть отдел исторического костюма что-нибудь такое придумает, и о вас заговорят.

— Я уже это предлагала, — говорит она. — Проблема в том, что реальной популярностью пользуются экспонаты начиная с середины пятидесятых годов, а у нас таких почти нет. Коллекция в основном относится к Эдвардианской и Викторианской эпохам, и у них тоже есть ценители, но массового интереса она не представляет.

— Возможно, Пенни могла бы помочь? У нее, конечно, уже не так много — кое-что она продала или растеряла за годы, но знаний и опыта ей не занимать. И, я уверена, она будет рада, по крайней мере, поговорить...

— Я побеседую с руководством, — немного оживляется Айла. — Мода — это идея. Нам нужно мероприятие, способное привлечь молодых. — Она улыбается. — Скажем прямо, таксидермия — это отчасти проблема имиджа. Ископаемый бобер с побитыми молью ушами, жмущийся к трухлявому пню, — то еще зрелище.

— Неужели грызун настолько плох?

— Просто это немного не то, что люди ожидают от выходного дня, — смеется она. — Приходя в музей естественной истории, они надеются увидеть биосферы и модели вулканических извержений. А если увлекаются историей, то хотят перенестись в поселение пиктов с аутентичными запахами допотопных сортиров. — Она делает большой глоток из бокала.

— Звучит грандиозно. На такое даже Спенсер захотел бы взглянуть. Помнишь, я водила его в тот музей в Эдинбурге и он увидел маринованный половой член в банке?

— О да!

— После этого он еще года три о нем говорил. Мне даже стало казаться, что это член семьи, и я предложила посылать ему рождественские открытки.

— Вот-вот, — хихикает Айла, — это *именно* то, что нам нужно. Отрезанный член, способный привлечь толпу... — Она улыбается мне, и мы одновременно вскидываем средний палец — это телепатия, которая бывает только при близкой дружбе.

— Где бы им разжиться? — прикидываю я, вставая, чтобы ответить на звонок, и показываю Айле имя на экране: Энди. Она фыркает.

— Привет, — говорит он, — удобно разговаривать?

— Вообще-то у меня Айла.

— Ну, я всего минутку.

— Мы как раз говорили про отрезанные члены. Писюны. Не знаешь, где их можно взять?

— Что? — шумно выдыхает он. — Я хотел поговорить с Иззи, но она, похоже, еще не приехала?

— В субботу вернется, — отвечаю я, а сама думаю: «Я тебе точно об этом говорила».

— Ну и как у нее дела? — со вздохом спрашивает он. — Ты с ней разговаривала?

— Конечно. Она замечательно проводит время.

— Это хорошо. — Энди делает паузу. — Значит, ей там весело?

Да, я же сказала.

— Похоже на то. Ей нравится путешествовать в трейлере.

— Это хорошо. Правда, я по ней скучаю.

— Я тоже по ней скучаю, — быстро говорю я, желая закончить разговор. Меня всегда бесит, когда Энди переходит на дружеский тон, который в последнее время становится нормой.

— Я надеюсь скоро приехать и увидеться со Спенсером, — добавляет Энди, — правда, он вечно занят...

— Я знаю. — *Только не надо давить мне на чувства, паскудник.* — А вы как там, на озере? Родители здоровы?

Я знаю, что ему там всегда в кайф. Бодрящие прогулки вдоль озера — его тема.

— Да, все в полном порядке. — Он умолкает. — Но размещение оказалось не таким, как я ожидал.

— В каком смысле? — оживляюсь я.

— Ну, ты знаешь, что тут новые домики и нас с Иззи поселили в один из них?

— Ага.

Килты на заказ, печки с дровами и все такое.

— Так вот, тут случилась путаница с номерами, и, когда выяснилось, что я один, без Иззи, меня поселили в палатке в саду, а какие здесь мошки, ты знаешь.

— Ох. — Мои губы кривятся в усмешке. — Значит, тебя покусали?

— Заживо съели, — голосит он. — Я всю ночь чесался. Представляешь, я приехал в одних шортах! Глупо, конечно. Я перепробовал все лосьоны, но ты знаешь, какая у меня реакция. Один укус — и сразу шишки, волдыри...

Какая жалость, что Эстелл там нет — посмотрела бы она, как любовничек чешется в палатке, точно шелудивый кот.

— Может, тебе раньше уехать, если все настолько плохо?

— Завтра праздничный вечер. Для них это большое событие, и я обещал помочь с барбекю.

Ну, разумеется. Он обожает выпендриваться у мангала, сражаться с сосисками один на один.

— Понятно. Ну, как я уже сказала, Иззи нет, так что пока.

— Ладно, но, может, мы могли бы поговорить еще минутку...

— О чем?

— Просто мне так плохо, и я подумал, может...

— Извини, но я не поеду к тебе на Лох-Файн с лосьоном «Каламин», — перебиваю я. — Одолжи у кого-нибудь штаны или завернись в пищевую пленку. Мошки ее прокусывают?

— Не уверен, — бормочет он. — Но, Вив, я просто хотел тебе сказать...

— Пока, Энди, — быстро говорю я. — Всего хорошего.

Пятница, 9 августа

Я дома и совершенно разбита после рабочей недели. Большой соблазн засесть за ноутбук, налакаться вина и весь вечер гуглить про Эстелл Ланг. Но я не поддаюсь. Вместо этого я завариваю целебный чай с мятой и гуглю: «Прокусывают ли мошки пищевую пленку?»

И вот обнадеживающий ответ: «Да, если она не очень толстая».

Понедельник, 12 августа

Иззи возвращается из Озерного края бронзовая от загара и полная впечатлений о «самом отвратительном трейлере в мире», который, судя по всему, можно назвать «кусочком рая на Озерах». К сожалению, ей сегодня в школу, поэтому у меня не было возможности полноценно пообщаться с ней, правда, накануне вечером я руководила коротким выпуском «Готовим с Иззи!», потому что ей очень хотелось поделиться рецептом домашней пиццы на дрожжевом тесте, который она узнала от Джулз. Пока я сметаю муку, она рассказывает мне о друзьях, с которыми познакомились на стоянке, и как они были потрясены, узнав, что в Шотландии дети возвращаются в школу на месяц раньше своих английских сверстников. Разумеется, у нас занятия начинаются на месяц раньше, но это нимало не умерило ее негодование на следующее утро.

— Это несправедливо, — бубнила она всю дорогу до школы. Несмотря на призывы Пенни взглянуть на регулировщика «под другим углом», сегодня я могла глядеть на него только под косым углом, — это определено иной угол зрения, только едва ли тот, который имела в виду она. Интересно, смогу ли когда-нибудь снова глядеть на него нейтрально?

И о работе. Роуз вечно пропадает на заседаниях, и я по-прежнему не знаю, что она припасла для меня. Может, забыла о своем обещании? Или передумала?

— Вы, кажется, хотели со мной поговорить? — отваживаюсь спросить я, когда она мимолетно появляется в кабинете и я приношу ей кофе.

— Да, — кивает она, — и мы непременно выкроим для этого время, обещаю.

Что, судя по всему, вряд ли произойдет в ближайшем будущем. Так что мой первоначальный оптимизм слегка сдувается.

Я стараюсь держаться бодрячком, но небо — цвета половой тряпки, летние каникулы позади, мы с Иззи никуда не съездили, и на работе, похоже, никаких просветов. В довершение всего слезливое настроение, кажется, опять на подходе. Оно по-прежнему периодически накатывает, порой без видимых причин, хотя сегодня, как я отлично знаю, день рождения моей свекрови Кэти (у жен такие даты намертво врезаются в память). И хотя я отправила открытку от нас с детьми — и где отсутствует имя Энди, — обычно я ей звоню.

С самого начала, когда Энди впервые повез меня в Инвернесс для знакомства, его родители относились ко мне с теплотой и радушием. Кэти суежилась вокруг меня и успокоилась только тогда, когда я попробовала ее лимонный кекс и булочки с корицей, а его папа в шутку называл меня «Виват» («Это ведь полная форма от „Вив“?»).

У них всегда было весело, вино лилось рекой, все говорили возбужденно, перебивая друг друга. «Какие они тут все шумные», — испуганно пробормотала моя мама, когда наши родители только познакомились.

Кэти, надо отдать ей должное, несколько раз звонила мне после того, как Энди ушел, и я тоже старалась не пропадать. Мы обе усиленно делали вид, что нет никакой неловкости, и формулировки были самые тактичные («Мы очень надеемся, Вив, что ты в порядке.

Нам действительно очень жаль...»). Кэти говорила, что не понимает, почему Эдни «сделал то, что сделал» (она даже не могла заставить себя назвать вещи своими именами), что обожает всех своих шестерых детей и, разумеется, не вправе их судить. Сейчас я всякий раз чувствую, что она испытывает облегчение, когда я передаю телефон Иззи, чтобы она могла спокойно поговорить с внучкой.

В столовой на работе я беру отсыревший яблочный пирожок и принимаюсь искать в телефоне номер Кэти. Тут мне приходит в голову, вспомнил ли Энди про ее день рождения и удалось ли ему сориентироваться в *Marks amp; Spencer*, чтобы выбрать для нее блузку. И вообще, знает ли он ее размер? И в курсе ли, что она не носит пастельные цвета и короткий рукав? Может ли он под страхом смерти сказать, какие у нее любимые духи (*J'Adore Dior*)? Вряд ли, потому что за годы совместной жизни я покупала почти 98 % подарков для его семьи. Однажды, когда на носу была рождественская постановка, я взбунтовалась, тогда он мужественно принял удар на себя и простодушно решил подарить родителям общий подарок — коробку печенья с картинкой Деда Мороза на крышке. «Я думал, им понравится», — обиженно сказал он.

— Если ты когда-нибудь подаришь мне печенье, между нами все будет кончено, — предупредила я его, на что он язвительно ответил:

— Даже шоколадные нельзя?

Я отмахиваюсь от нежеланных воспоминаний и нажимаю на звонок. Кэти отвечает — голос у нее довольный, но слегка удивленный.

— Привет, Вив. Как дела?

— Спасибо, Кэти, хорошо. Просто хотела поздравить вас с днем рождения.

— Очень приятно, что ты помнишь.

Разумеется помню. Я двадцать с лишним лет помню!

Я откашливаюсь.

— И как у вас проходит праздник?

— Отлично, спасибо. Вот собрались сходить пообедать.

— Тогда я не буду вас отвлекать...

— Нет, все в порядке, — быстро говорит Кэти.

И тут до меня со всей силой доходит, что неловкость, возникшая между нами, — это не просто временное явление и непосредственный

отголосок разрыва. Разумеется, все изменилось, и с моей стороны было бы наивным думать, что мы по-прежнему будем болтать, как в прежние дни, когда она казалась мне почти второй матерью («Прежние дни»). Значит, вот как они сейчас называются? Знай я об этом раньше, больше ценила бы их!). Я едва могу представить, что плакала в ее объятиях, когда тринадцать лет назад скончалась моя мама. Но ведь и для нее эта ситуация тоже новая и, несомненно, сложная — из шестерых ее детей брак распался только у Энди. Остальные, судя по всему, блаженно счастливы.

— Как вы съездили на Лох-Файн? — спрашиваю я, чтобы заполнить паузу.

— Замечательно, — говорит Кэти. — Но мы скучали по Иззи. Все. Какая жалость, что ей не удалось приехать... — Она, похоже, спохватывается и умолкает. Я пальцем катаю по тарелке крошки пирожка.

— Знаю, и мне очень жаль. Но ей ужасно хотелось отправиться в путешествие с подругой.

— Понимаю, — говорит она, и снова повисает пауза. *А по мне вы тоже скучали?* — хочу спросить я, точно недолюбленный ребенок.

— Она сейчас рядом? — радостно спрашивает Кэти. — Я бы хотела с ней поздороваться...

— Кто — Иззи? Нет, она в школе...

— Ну да, разумеется. Глупый вопрос. Каникулы пролетают так быстро, верно?

— Это точно!

Отсюда понятно, в каком ключе мы общаемся после разрыва: с грехом пополам преодолеваем необходимые формальности, после чего я передаю телефон Иззи, и все вздыхают с облегчением. Какой черт меня дернул позвонить ей с работы?

— Спасибо за чудесный браслет, — добавляет Кэти, и это звучит как еще одна оплеуха.

— Браслет?

— Ох, — я чувствую, как она хмурится. — Просто ты так любишь бирюзовый цвет, что я подумала, это ты выбирала.

Пять месяцев назад, когда мы с Энди еще были вместе? Или она считает, что я выбираю для него подарки за отдельную плату?

— Извините, должно быть, это Энди выбирал.

— Но он в любом случае прелестный, — восхищается Кэти и с явным облегчением заканчивает разговор, когда я объясняю, что на работе и мне пора бежать.

Вероятно, Энди наведалься в ювелирный салон, заключаю я, возвращаясь на свой этаж. Или теперь Эстелл занимается подарками для Кэти и трескает булочки с корицей у его родителей?

Глава шестнадцатая

Вторник, 13 августа

— Что ты решила насчет тренингов? — спрашивает Джулз, когда мы забираем девочку с продленки после школы.

Я смотрю на подругу — всегда такую бодрую и свежую, кипящую энергией. А у меня после вчерашнего разговора со свекровью на душе погано, и я никак не могу избавиться от этого ощущения.

— А ты действительно хочешь со мной заниматься? — спрашиваю я.

— Ну, разумеется! — Она бросает на меня взгляд, когда мы вместе выходим из школы. — Перед первым сеансом всегда легкий мандраж, но все будет отлично, я тебе обещаю, — она ободрительно улыбается. — У тебя такой потенциал, Вив. Может, начнем в субботу? Просто раскрепостись и настройся на разговор. В одиннадцать тебя устроит?

Я задумываюсь. Иззи, вероятно, уйдет на прогулку с Энди. А если у него другие планы, то пусть поменяет их и в кои-то веки подстроится под меня.

— Ладно, — неуверенно говорю я. — Я должна как-то подготовиться, что-нибудь сделать...

— Просто *будь*, — говорит она, снова ослепляя меня улыбкой, и к тому времени, когда мы с Иззи добираемся до дома, я уже начинаю чувствовать признательность к Джулз за такую настойчивость. Хотя в целом я определенно держусь лучше, периодически у меня еще случаются приступы жалости к себе и эмоциональные всплески по самым нелепым поводам.

По логике, я уже должна была выплакать все слезы, однако вечером, когда я смотрю видеоклип, в котором спасают чайку, запутавшуюся в электропроводах на здании, мои глаза снова на мокром месте. А потом опять, когда вижу, как жених и невеста, которых я даже не знаю, фотографируются на фоне церкви (Вопрос:

«Как понять, что у вас климакс?» Ответ: «Вы принимаетесь рыдать при виде молодоженов»).

Я точно не знаю, чем обусловлена сегодняшняя плаксивость: вчерашним днем рождения Кэти и тем, что меня избавили от необходимости носиться за подарками, или общим гормональным катаклизмом, которому нет ни конца ни края. Если первое, тогда надо радоваться тому, что о родительских презентях кто-то заботится. Мне неприятна мысль, что про день рождения свекрови могли забыть или что от нее отделались печеньем, пусть даже в красивой банке. Но вот что любопытно: если Энди такой мастер-виртуоз шопинга, то почему я двадцать с лишним лет рыскала, вся в мыле, по городу в поисках подарков для всех его сородичей, их чад и домочадцев и вдобавок вязала красивые бантики?!

— Мама, — вклинивается в мои мысли Иззи. Она только что приняла ванну и теперь надевает пижаму, а я собираю ее грязное белье.

— Да, солнышко?

Она смотрит на меня, нахмурив брови.

— Почему у тебя слезы на глазах?

— Это пот, солнышко. Мне жарко...

— У тебя *глаза* потеют?

— Странно, да? — натужно смеюсь я.

Я вытираю глаза, быстро подтыкаю ей одеяло и целую, чувствуя облегчение от того, что допрос окончен. Спускаясь по лестнице, я вдруг понимаю, сколько всего потеряла за годы жизни с Энди: душевный настрой, а в последнее время еще и чувство собственного достоинства, не говоря уже о времени, потраченном на беготню в роли правильной жены. Если бы мне пришла фантазия тоже закрутить роман, у меня просто не было бы возможности. Я была слишком занята, выбирая тапочки из овечьей шерсти для его папы и мобильный телефон с Винни-Пухом для его племянницы.

Среда, 14 августа

Иззи пригласили на чай к подруге, поэтому после работы у меня есть немного времени, и по пути домой я, движимая смутным

желанием промотать кучу денег на всякую белиберду, делаю крюк в сторону огромного торгового центра.

Я не большая охотница до шопинга и редко сюда заглядываю. Но иногда у меня возникает стихийная потребность оказаться в таком ослепительно-искусственном месте, где играет ненавязчивая музыка, и стоит лишь переступить порог бутика, как молодая продавщица устремляется к тебе, предлагая попробовать духи.

В здешнем магазине косметики совсем иная атмосфера, чем в отделе универмага с деревянными панелями, где меня шпаклевали на шестнадцатилетие. Это «лаборатория по уходу за кожей», а не бытовка маляров-штукатуров. Шопинг-терапия не входит в мои планы, но здесь все так сияет, настолько красиво и божественно пахнет, что у меня сразу начинает подниматься настроение.

У стенда с элитной косметикой я вручаю свою судьбу консультанту — к счастью, женщине в возрасте, а не юной пигалице, — и она принимается колдовать надо мной. У нее одно из тех славных лиц, к которым сразу проникаешься симпатией, а свежий цвет лица может служить рекламой достойного увлажняющего средства.

— У вас прекрасная кожа, — уверяет она. Я жду продолжения типа «для ваших лет» или даже «для женщины, которую не очень заботит ее внешность», однако оно не следует. Она просто принимается за работу и демонстрирует омолаживающие свойства сывороток, кремов для глаз, увлажняющих средств, масок и штучки под названием «Светотеневой корректор», от которой я начинаю сиять, как галогеновая лампочка.

— Что скажете? — спрашивает она, протягивая мне зеркало и радостно улыбаясь. Я гляжу на свое отражение, люблюсь посвежевшей кожей и вдруг — о, черт! — замечаю треклятый черный волосок, торчащий из левой щеки, и сразу хочу его выдернуть.

— Погодите-ка, — женщина достает и вручает мне крохотные ножницы.

— Спасибо, — я отрезаю волосок. — Неловко-то как.

— Пустяки, — она небрежно машет рукой.

— Честное слово, я его не видела.

— Здесь такое освещение, — говорит она, точно оно — причина ускоренного роста волос, как фитолампы, которые покупал папа в

надежде на быстрый урожай помидор в теплице.

— Скорее дело в возрасте, — улыбаюсь я.

— Знаю не понаслышке, — отвечает она.

Я поворачиваюсь и смотрю на ее безупречное с виду лицо.

— У вас они тоже бывают?

— Постоянно, — хихикает она. — Щиплю себя, как курочку, перед каждым выходом из дома. — Женщина делает паузу. — Но ведь не все так плохо в среднем возрасте, верно? Я обожаю списывать свои заскоки на гормональный сбой.

Меня так восхищает ее позитивный настрой, что я невольно перехожу в режим «идеального покупателя», когда она принимается рекомендовать мне бьюти-средства.

— Капсулы с повышенным содержанием витамина С оказывают поразительный эффект...

— Да, я возьму.

— А гиалуроновые микросферы заметно повышают...

Заметно повышают: для задницы явно лишнее, но на физиономию сгодится.

— Как насчет мягкого пилинга для очистки эпидермиса? Я называю его «отпуском во флаконе».

— Я как раз в этом году не была в отпуске. Берем!

— А о руках вы подумали? — далее спрашивает она.

— О руках? — повторяю я и принимаюсь их разглядывать. Когтей, как у старой карги, конечно, нет, но позаботиться о них не мешает.

— Грандиозная новинка — это интенсивно питательная крем-сыворотка, — объясняет женщина.

Дальше все идет в том же духе — корзина стремительно наполняется тониками, тканевыми масками и «ампулами красоты», вгоняя меня в подобие сексуальной дрожи, когда я представляю себе рожу Энди. Не потому, что мне когда-нибудь снова захочется заняться с ним этим — дудки, будь даже он последним мужчиной на планете и умоляй меня за миллион фунтов наличкой в холщовой наволочке. Нет, меня греет мысль о том, как бы он ужаснулся, увидев меня сейчас, спускающей месячный продуктовый бюджет на свою проквашенную физиономию!

Выплывая из магазина с белым бумажным пакетом, я вдруг думаю, что, возможно, румянец на щеках продавщицы связан с предвкушением больших процентов, а отнюдь не с особо тщательным уходом за кожей. Но какого черта, она их заслужила — я воспрянула духом, причем в такой степени, что уже решила устроить завтра вечером небольшой междусобойчик.

Пусть я сейчас на мели — ну и что? Если бы мне пришлось оправдываться за свое транжирство — а мне уже никогда не придется, — я сказала бы, что во всем виноваты гормоны, только и всего.

Четверг, 15 августа

В этот теплый летний вечер мы ужинаем с Айлой, Пенни и Хэмишем, ее живущим на лодке бойфрендом. Замысел заключался в том, чтобы прозондировать почву насчет готовности Пенни стать консультантом по моде и, возможно, помочь с организацией мероприятий в музее. Дела там настолько плохи, что необходим срочный план действий.

Иzzi польстило предложение порезать овощи для огромной лазаньи с козьим сыром, и мы расположились за садовым столом. К счастью, горизонт чист, в том смысле, что Лудо нет в помине, и Иззи чувствует себя ужасно взрослой оттого, что ей позволили засидеться дольше обычного, причем перед школой.

План, разумеется, в том, чтобы убедить Пенни сходить на встречу с руководством музея.

— Они очень обрадовались, — говорит ей Айла, когда я, уложив в постель расстроенную Иззи, возвращаюсь к столу. — Сразу ясно, что ты была большой фигурой в модной индустрии 70-х, и связь с Глазго — это тоже немаловажно. Они считают, что в нашем случае показ мод реально работает, и, возможно, бренд «Мисс Пятница» будет его частью. Одежда из твоих магазинов осталась?

— Что ты, ее давно нет, — говорит Пенни.

— В самом деле? — Я смотрю на нее. — Вообще никаких подлинных изделий не сохранилось?

Она качает головой:

— Это было очень-очень давно. Сама подумай, сорок лет прошло.

Я, слегка опешив, киваю. А мне казалось, она хоть что-то сберегла из базовых моделей — в конце концов, бизнес играл огромную роль в ее жизни.

— А что, — басит Хэмиш, — это может снова спровоцировать интерес к твоей персоне, Пен. По-моему, это отличный шанс!

— Шанс для чего? — спрашивает она.

— Вернуться в строй, разумеется, — он чуть заметно закатывает глаза.

— Мне не нужно *возвращаться в строй*, — едко говорит она. — У меня и без того все в жизни построено.

— Но речь идет только о встрече, — быстро вклиниваюсь я, понимая, что разговор уходит в неверном направлении. — Ты могла бы здорово помочь. Ты просто кладезь информации...

— Ну, не знаю. — Она поджимает губы, и я решаю не настаивать. Мы с Айлой убираем со стола, и вся компания перебирается в дом.

— Почему ты так против, Пенни? — небрежно спрашивает Айла. — Возможно, это слишком самонадеянно, но нам с Вив казалось, что ты будешь рада принять участие.

Она бросает на меня быстрый взгляд и сухо смеется.

— Я очень сильно сомневаюсь, моя дорогая, что способна повлиять на судьбу твоего музея. Вот и все.

В гостиной я наливаю всем выпить, чувствуя невольное разочарование. Пенни, в красной блузке и золотистой плиссированной юбке, выглядит сегодня чрезвычайно гламурно. Для меня ее реакция — полная загадка. Возможно, ей просто нравится возиться с Бобби, и она не видит смысла связываться с дышащим на ладан учреждением.

Хэмиш сияет улыбками, включает обаяние — дескать, а я еще мужчина ого-го! — мерцает карими глазами и демонстрирует волевой подбородок, который вызывает в памяти рекламу лосьона после бритья 1970-х годов. Вообще Хэмиш для меня — темная лошадка, хотя Пенни он действительно обожает. За время нашего знакомства, длящегося чуть больше года, я много слышала о его чрезвычайно успешной карьере как сочинителя мелодий для телевизионных заставок, при этом он неизменно сыплет анекдотами из своих путешествий и хвастается связями.

Мое сомнение в его успешности как композитора обусловлено не тем фактом, что он живет в лодке, — просто она держится на плаву на честном слове и на скотче, а еще я не нашла никаких упоминаний о нем в Сети. И потом, если он был в свое время настолько популярным, то почему он сейчас не сочиняет? С Пенни я об этом не говорила, это не мое дело, а она, похоже, воспринимает его таким, как есть (а я, как недавно обнаружилось, не очень-то хорошо разбираюсь в людях).

— Но, может быть, ты все-таки придешь поговорить? — упорствует Айла. — Их действительно интересует мода семидесятых. Это период не столь отдаленный и у многих в памяти, и вместе с тем он достаточно ретро, чтобы быть винтажным. Люди твоего возраста — и старше — вспомнят стиль того времени, а будущие модельеры по достоинству оценят...

— Безусловно, — перебивает она. — Думаю, это отличная идея. Только я не понимаю, что могу привнести...

— Пенни, — восклицает Хэмиш, — ты была иконой семидесятых! В авангарде! Ты — фантастический кладезь...

— Я — не кладезь, — говорит она, ее терпение явно иссякает. — И я — это не только семидесятые.

— Ну, началось, — поддразнивает ее Хэмиш, — шарманка в духе «Роллинг Стоунз».

— А при чем тут «Роллинг Стоунз»? — вопросительно смотрит на него Айла.

— А при том, — он скалится во весь рот. — Вы приходите на концерт, а они настаивают, что будут играть новые вещи — весь последний альбом, а все хотят только одного — старые хиты, которые знают все.

Пенни смотрит на него в ужасе, а мы все на мгновение умолкаем. Разумеется, он куда-то клонит. Очевидно, после краха «Мисс Пятницы» она пыталась запустить другие проекты. Но ее разнообразные попытки реализовать себя на ниве моды в качестве художника-иллюстратора, гравера и дизайнера интерьеров закончились неудачей. «Мисс Пятница» была ее золотым веком, и это потрясает меня тем больше, что в то время Пенни была матерью-одиночкой с маленьким сыном. «Мы не знаем, как ей это удастся» — гласил заголовок журнального интервью той поры, где была помещена ее фотография в изумительной широкополой шляпе.

Ну, я тоже не знаю. Но ее не переубедить, и, когда все собираются уходить, я понимаю, что настаивать бесполезно. Если Пенни решила, то все.

Позже, надевая пижаму, я вдруг понимаю, что ее категорическое нежелание, возможно, связано с возрастом. Морщины и мимические линии, эти неизменные спутники старения, на борьбу с которыми я вчера извела чертову тучу косметики, вроде бы не волнуют Пенни. Но в глубине души она, похоже, волнуется, и это болезненная тема. В конце концов, она была моделью в подростковом возрасте, затем стала модным дизайнером, а обе эти профессии связаны с внешним видом. И, возможно, согласившись на роль эксперта по моде семидесятых, она почувствует себя... *старой?*

Звучит очень правдоподобно, но я предпочитаю не размышлять над такой возможностью. Потому что если Пенни переживает насчет возраста, то что остается всем нам?

Я наношу еще один слой нового ночного крема и ложусь спать.

Глава семнадцатая

Суббота, 17 августа

— Итак, — говорит Джулз, — начнем с того, где ты сейчас.

Мы сидим у нас на диване с кофе и только что начали мой первый в жизни тренинг личностного роста. Разумеется, вопрос не о том, где я нахожусь физически. Она имеет в виду умственно, эмоционально — всю эту внутреннюю хрень.

Иззи ушла с отцом на весь день, и я надеялась, что Джулз придет и с ходу даст мне обширный перечень инструкций на тему о том, как наладить жизнь. Теперь я понимаю, что так это не работает. Она объяснила, что роль коуча в том, чтобы определить, где ты сейчас находишься, что происходит вокруг и где ты хотел бы быть. Мне кажется, это отчасти напоминает попытку сориентироваться в незнакомом городе, когда прохожего останавливают вопросом: «Извините, где вокзал?» Он задумывается и говорит: «Может, там. А может, тут. А *по-вашему*, где?» А на фига мне думать, где — я же на поезд опоздаю.

— Вообще-то я не знаю, с чего начать, — признаюсь я.

— Ну, мы можем поговорить о том, как ты себя ощущаешь в целом. — Она держится расслабленно и в своем джинсовом комбинезончике и белоснежной футболке выглядит лет на двадцать пять. — И будем отталкиваться от этого.

Я откашливаюсь и стараюсь принять более свободную позу.

— Как ты знаешь, за последние несколько месяцев в моей жизни много чего произошло, — начинаю я. — Ушел Энди. Иззи, похоже, успешно с этим справилась, за что я признательна, но, честно говоря, меня это очень удивило, — я умолкаю, и Джулз одобрительно кивает. — О работе тоже рассказывать?

— Да, если хочешь. Говори обо всем, что приходит тебе в голову.

— Ну, там грядут большие перемены. После скандала с кроличьим кормом в компании идет большая реструктуризация. Думаю, это способ спасти репутацию. И Роуз пообещала, что у нее

есть что-то для меня, что-то новое и интересное, но что именно, она пока не говорит, — я делаю паузу и отпиваю кофе. Хотя мы подруги, но, возможно, именно по этой причине разговор дается мне нелегко.

— И как ты к этому относишься? — спрашивает она.

— Очень обрадовалась, — говорю я. — Я готова двигаться дальше. Я чувствую, что толку воду в ступе, но как быть, честное слово, не знаю.

— Учитывая то, что недавно произошло в твоей личной жизни, это неудивительно. Можно сказать, что в последнее время этот вопрос стал для тебя приоритетным?

— Да, определенно, — отвечаю я.

— Ладно, — говорит она. — Если сильно не задумываться, то могла бы ты несколькими словами описать, какой *хотела* бы быть в данный момент в идеальном мире?

— Не такой толстой, — без долгих размышлений отвечаю я.

Губы Джулз трогает легкая улыбка.

— Это правильный ответ? — спрашиваю я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Это так глупо, что мне перед ней стыдно. Уверена, она слышала желания и похлеще.

— Здесь нет правильных или неправильных ответов, — мягко говорит Джулз. — Значимо все, что тебе хочется высказать. А мы можем остановиться на этом немного подробнее?

— Ну... — начинаю я и замечаю на кресле пустой пакет из-под чипсов (объемом «для всей семьи»), которые я, должно быть, схомячила вчера вечером, когда Иззи отправилась спать. Но ведь надо же — уговорила целую упаковку, и убей не помню, как я это делала. — Пожалуй, — говорю я, переходя на дурацкий шутливый тон, — просто я чувствую себя не в своей тарелке.

— Хм. Ну, это понятно.

— Вообще-то я в основном чувствую себя дерьмово, — добавляю я, и Джулз кивает. К счастью, она не записывает бред, который я несу. — В четверг, — продолжаю я, — мне пришла фантазия прогуляться по магазинам, и я просадила двести фунтов на разные мазилки для лица.

Она хлопает ресницами. Я точно знаю, что Джулз пользуется одним средством, которое покупает в супермаркете по цене около четырех фунтов.

— В заботе о себе нет ничего плохого, — говорит она.

— Я знаю, только это работает, когда ты можешь это позволить себе, а я не могу. Да и думать, что вот я этим намажусь, буду выглядеть лучше, и тогда, возможно, моя жизнь наладится, тоже не очень-то правильно. Разве это не похоже на... жест отчаяния?

— Надо сказать, Вив, что ты, пожалуй, слишком строга к себе, — перебивает Джулз и мгновение смотрит на меня. — Предлагаю сосредоточиться на тех сторонах твоей жизни, которые, на твой взгляд, тебе удаются.

Я откашливаюсь и пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Ну, я считаю, что у меня получается держаться на плаву. Я имею в виду основные вещи. С Иззи все в порядке, по крайней мере, органы опеки не отобрали ее у меня. Кажется, я не наделала никаких катастрофических ошибок, пока...

— Иными словами, во время разрыва ты замечательно справлялась с материнскими и рабочими обязанностями, — замечает она.

— Насчет «замечательно» — не уверена, — я пожимаю плечами, — но если смотреть со стороны, полагаю, мы успешно функционируем, — я начинаю понемногу расслабляться. У Джулз удивительный талант располагать к себе и такой успокаивающий голос, что ей записывать бы аудиокниги для прослушивания перед сном.

— Я рада, что ты признаешь это в себе, — говорит Джулз. — А ты можешь вспомнить какое-нибудь свое конкретное недавнее достижение, которым гордишься?

— Горжусь? — я нахмуриваюсь. — Это, пожалуй, сильно сказано.

— А что в последнее время доставило тебе удовольствие? Положительные перемены, которые произошли в твоей жизни?

Я задумываюсь.

— А, знаю — Иззи страшно увлеклась кулинарией. — И это все из-за тебя!

— У нее талант, верно? — смеется Джулз.

— Это так. Ей жутко нравится изображать телеповара у нас на кухне. «Готовим с Иззи!» стало нашим регулярным шоу. Это действительно забавно. Прежде она была помешана на простых углеводах — паста, лапша, рис, а теперь ей подавай мед «Манука» и

розовую гималайскую соль. Очевидно, ее сверхзадача — наш финансовый коллапс... — Я умолкаю. Неужели я способна только на то, чтобы подвигнуть дочь разнообразить свое питание? Я вспоминаю про Пенни, ее сына Ника и «Райское наслаждение» («Да все с ним в порядке! Какие проблемы?»).

— И ты это поощряла и всемерно этому содействовала.

Обычно она никогда не употребляет это словосочетание — «всемерно содействовать». По непонятной причине мне хочется смеяться.

— Да, полагаю, так.

— Давай вернемся к достижениям, — предлагает Джулз. — Еще что-нибудь можешь припомнить?

— Не думаю, — говорю я.

— Речь не идет о чем-то огромном. Маленькие достижения тоже важны. И важно признавать их, потому что зачастую мы даже не замечаем своих свершений в жизни. Считается, что они — часть роли женщины, матери и так далее. Мы не ставим себе в заслугу то, что должны бы поставить.

Я выдыхаю, стараясь припомнить еще что-нибудь.

— Не торопись, — говорит она.

И вот я сижу в своей залитой солнцем гостиной и размышляю над задачей просто потому, что Джулз попросила меня об этом. Я никогда не была мятежной натурой и всегда чувствовала себя счастливее, действуя по инструкции. Грандиозные деяния — это не про меня: я не спасаю жизни и не выступаю на конференциях. Сиять улыбками с трибуны и уверенно вещать в микрофон — это о других. В школе я не блистала по научным дисциплинам — сдала экзамены благодаря каторжному труду, желая порадовать родителей и учителей, а также из чувства собственной правильности.

Математика мне не давалась. С биологией обстояло полегче, но физика с химией — это был просто вынос мозга. Мама огорчалась, потому что сама преподавала естествознание. Папа, у которого был салон свадебной фотосъемки, относился к школьным делам снисходительнее. Я обожала театр, и мне гораздо больше нравилось писать тексты и заниматься школьными постановками, чем играть на сцене. В колледже я специализировалась на театральных дисциплинах и, как мне казалось, сделала прекрасную карьеру, но, подобно многим

женщинам, позволила ей прерваться, а потом совсем сойти на нет. Возможно, мне следовало проявить больше упорства, когда я искала возможности вернуться в театр после рождения Иззи. Временное трудоустройство в «Флакско» тогда показалось более легким вариантом. Сейчас я могу только локти кусать, что не проявила характера в поисках работы своей мечты.

Но Джулз предлагает подумать про достижения, и тут главный позитивный момент, что я *держусь*. Несмотря на большой внутренний раздрай, не все в моей жизни пошло кувырком после краха брака. Можно было подловить Энди в его вонючей квартирке и наkostenить как следует, но я этого не сделала. Я не опустила физически и не напиваюсь до скотского состояния (по крайней мере, не так часто). Напротив, я играю с Иззи, помогаю ей с домашними заданиями и читаю книжки перед сном. Я прополосала границы сада, сама очистила от мха дворик (без мойщика!), приготовила огромное количество ужинов, а на работе держу оборону от бесконечного натиска журналистов.

Да, достижений, похоже, кот наплакал. Но Джулз утверждает, что они все важны, и само их перечисление — пусть с чувством некоторой неловкости — по меньшей мере доказывает, что последние несколько месяцев я не просто маялась из угла в угол.

Все эти мелочи будто бы говорят: *Я выживаю. Пусть я просадила 49 фунтов на крошечный флакончик «микросфер», но я также позаботилась о важном моменте и живу дальше.*

Перед уходом Джулз хочет нарушить собственное правило и дать мне небольшую рекомендацию.

— Может, тебе поговорить в понедельник с Роуз и выяснить, какие у нее на тебя планы?

— Я все время спрашиваю, но ей вечно не до разговоров.

— Может, попросишь ее назначить тебе время? — говорит она с иронической усмешкой.

— Да, конечно, — киваю я. — И как я сама не додумалась?

— И в следующий раз, — продолжает Джулз, — мы можем поговорить о том, как все прошло. Потому что я считаю, что ей с тобой очень повезло.

— Правда?! — восклицаю я, глядя на нее во все глаза.

— Ну конечно, — она обнимает меня на прощание. От этого меня пробивает на слезу еще быстрее, чем от видео спасенной чайки.

Глава восемнадцатая

Понедельник, 19 августа

Выясняется, что мне не придется спрашивать Роуз о планах на мой счет, потому что, как только я устраиваюсь за столом, она появляется и спрашивает, найдется ли у меня сегодня время для разговора.

Сегодня, прямо вот так.

— Да, конечно.

— Как насчет ланча? — спрашивает она.

— Отличная идея, — отвечаю я, стараясь скрыть удивление. — Спустимся вместе или я встречу вас там?

— Нет, только не в столовой, — быстро говорит она. — Давай пойдем в какое-нибудь приличное место, подальше от этого дурдома. Я закажу.

Настоящий ланч, не в здании, — там, куда ходят нормальные люди! И Роуз даже не просит меня забронировать столик. Я уже представляю себе, как буду рассказывать об этом Джулз на следующем сеансе: как мы пошли в одно потрясающее местечко, где Роуз поделилась планами относительно моего блистательного будущего.

С точки зрения «достижений» это явный шаг вперед по сравнению с тем, чтобы «не накостылять Энди как следует».

Ее выбор ресторана меня удивляет, но я решаю, что это хороший знак. Это формат «шефского стола», в котором столики находятся либо в кабинках, либо расположены полукругом вокруг кухонной зоны, где шеф-повар с важным видом режет овощи. На мой взгляд, это больше похоже на выпендрейж. Он подкидывает в воздух морковь, хватая ее на лету и шмякает о разделочную доску. Роуз, наверное, думала, что это будет «весело», из чего я заключаю, что она в хорошем настроении. Мы сидим прямо напротив шефа в огромном полупустом зале, и он, судя по всему, решает «подпустить огоньку».

Подобно цирковому жонглеру, он начинает подкидывать лук-порей, словно это факелы. Мы принужденно улыбаемся ему, а сами

тем временем пытаемся ознакомиться с меню, что весьма затруднительно, потому что теперь шеф метает ломтики жареного картофеля с раскаленной сковороды.

— Что вы делаете? — вскрикивает Роуз, когда один пролетает прямо у нее над ухом.

— Приколно же, — скалится шеф, очевидно, считая, что нас увлекает перспектива быть забросанными шкворчащим сортовым картофелем, потому что еще несколько ломтиков отправляются в нашу сторону.

— Какого хрена! — ругается себе под нос Роуз.

— Может, нам следует ловить их ртом? — говорю я, стараясь не смеяться.

— Замечательно, но нельзя ли это прекратить? — Она внимательно смотрит на меня, явно предлагая это сделать мне. Если это своего рода испытание, имеющее целью выяснить, как я буду действовать в стрессовой ситуации, то ей пора бы неплохо меня знать. Или это просто недоразумение и она настолько не привыкла сама бронировать рестораны, что действительно не представляла, куда мы идем?

— Давайте пересядем, — быстро соображаю я и подзываю официанта, который перемещает нас в кабинку.

Мы делаем заказ, и Роуз с кривой усмешкой смотрит на меня с другого конца стола.

— Я понятия не имела, что это за место. Посмотри-ка, — она указывает на жирное пятно, оставленное жареным картофелем на ее голубой шелковой блузке. — Я им отправлю счет из химчистки. Кому вообще такое может нравиться?

— Влюбленным подросткам? — высказываю предположение я. — Честное слово, не знаю.

— Может, переодеть блузку, как только вернемся в офис? — хмурится она. — У меня в кабинете есть запасная. Не затруднит?

Она имеет в виду, не затруднит ли меня решить вопрос с химчисткой.

— Конечно, нет.

Роуз стоически улыбается.

— Ну, как бы то ни было, прошу прощения, что мы так долго не могли поговорить...

— В последнее время дел невпроворот, я знаю, — говорю я.

— Есть немного, — она печально улыбается. Несмотря на стремление привлекать меня к решению всех своих проблем, Роуз мне нравится и вызывает искреннее восхищение. Она лет на десять младше меня — пожалуй, ей едва сорок, хотя она усиленно скрывает это, но отчего-то кажется, что у нее нет возраста. Я могу представить, как она решительно «строила» товарищей по играм, когда ей было девять.

— Итак, дел уйма, — говорит она, когда нам приносят миски с неприятной лапшой. Очевидно, упор здесь делается на зрелищность, а не на саму еду. — И меня особенно радуют инновационные платформы, — добавляет она.

Я киваю и поддеваю скользкую лапшу.

— По-моему, эта идея привнесет новую жизнь в компанию. Да, мы занимаемся исследованиями потребительского спроса, но участие молодых людей во всем процессе, начиная с концепции и заканчивая дизайном и упаковкой, — это совсем иное дело.

Я умолкаю, впечатленная собственным красноречием. Впрочем, я искренне верю в то, что привлечение к работе молодых — это благо для компании. «Флакико» — старая и скрипучая, и своей громоздкостью и неуклюжестью давно напоминает обшарпанный океанский лайнер.

— Совершенно согласна, — энергично поддерживает Роуз. — Но чтобы добиться оптимальных результатов, они нуждаются в умелом руководстве. Мы не можем просто привлечь компанию молодых ребят, а сами сидеть сложа руки.

— Думаю, в этом случае процесс выйдет из-под контроля, — говорю я, вспоминая, как спустила дело на тормозах, позволив шестнадцатилетнему Спенсеру и его приятелям заниматься барбекю у нас в саду. Они притащили пятнадцать видов мяса и рыбы — подозреваю, что опустошили родительские холодильники, — и итоговый продукт получился разной степени готовности, начиная от частично размороженного до угольно-черного. Мальчишки накачались пивом (незаконно), и один из них облевал весь дворик. Я слышала, как ругался один из коллег Энди:

— За ними никто не следил, что ли?

И это ценный опыт, как я сейчас понимаю, если моя догадка верна и Роуз намерена предложить мне выступить в роли наставницы. А иначе зачем мы здесь беседуем о молодежных командах, которые она планирует сформировать?

— Ты ведь до нас работала в театре? — спрашивает она.

— Да, верно.

— А чем именно ты занималась?

Она впервые проявляет интерес к моей биографии. Официального собеседования на должность личного помощника у меня не было — когда открылась вакансия, Роуз просто предложила мне ее занять после недолгого разговора.

— Была помощником режиссера, — отвечаю я, — а это означает практически все, кроме актерства, поскольку в большинстве случаев труппы очень маленькие.

— Значит, оказывать поддержку и оценивать потребности других тебе не в новинку?

А чем, спрашивается, я занимаюсь, работая на нее последние пять лет?

— Да, безусловно.

Она еще немного распространяется о новых продуктовых линейках, которые надеется запустить, и заверяет меня, что последствия «кроликгейтского скандала» уже практически позади. И тут я задумываюсь: если мне предстоит возглавить группу молодых сотрудников, тогда мне явно не хватает теоретической базы. Необходимо подковаться по части пищевых технологий, составления бюджета и всех стадий производства. Для меня это будет огромная интеллектуальная нагрузка, но я справлюсь. «Ей с тобой очень повезло», — сказала Джулз. И поскольку Роуз, само собой, пригласила меня сюда не ради еды, я решаю, что это мой шанс себя продать.

— По-моему, я идеально подхожу для этой работы, — говорю я, когда официант уносит грязные миски.

— Правда? — Она выглядит довольной, но вместе с тем удивленной.

— Да. Знаете, сегодня все жалуется на молодежь, что у них отсутствует мотивация, какие они изнеженные и непроходимые тупицы...

Роуз понимающе улыбается. Хотя у нее нет детей, иногда она упоминает про племянниц, причем так, точно они экзотические птички, которые ее восхищают, но постоянно ставят в тупик.

— Надо сказать, что мне встречались те, кто подпадает под это описание.

— Но в основном ребята не такие, — продолжаю я. — Мой сын и его приятели усердно работают. Они думают о своем будущем и об окружающем мире и строят свою жизнь, — я перевожу дух. — Они просто немного отличаются от нас.

— В каком смысле? — Роуз кажется искренне заинтересованной.

— Ну, у них большие ожидания. Речь идет не о личном успехе, а о том, чтобы все было по правилам. К примеру, подруга моего сына изготавливает украшения и продает их на *Etsy*. Она знает, что ее покупателям, как и ей самой, получить браслет в бумажном пакетике — этого недостаточно. Они хотят, чтобы к нему прилагалась записка, написанная перьевой ручкой... — Роуз хихикает. — Их волнует этическая сторона и долговечность.

— Да что ты?! — Она выглядит изумленной.

— Да! Они переживают за экологию и бойкотируют крупные концерны, уваливающие от уплаты налогов. Только представьте, в двадцать лет они думают о налогах!

— Это впечатляет, — задумчиво говорит она.

— Так что, если вы предлагаете мне работать с молодежью, хочу сказать, что я буду только счастлива...

— О, я совсем не это имела в виду, — она натянуто улыбается и недоуменно смотрит на меня.

— Понятно, — я чувствую, как кровь приливает к шее.

— Э-э... *не совсем* это... — Ее челюсть напрягается, когда Роуз обводит взглядом зал. Единственные посетители, которые явно наслаждаются картофельным шоу, это две почти одинаково одетые девчушки с иссиня-черными волосами, сидящие прямо напротив линии огня. — Мне бы хотелось видеть тебя в более... знаковой роли, — добавляет она.

— Хорошо, — киваю я. — Это будет здорово. Я готова к новым задачам.

— Да, я вижу. Но речь идет не о работе с молодыми людьми, — она отпивает воды.

— А о чем? — Я стараюсь казаться позитивной и открытой для любых возможностей.

— Мне представляется так, что ты будешь работать с... — С чем, не томи же! — С людьми постарше, — говорит она. — Я имею в виду женщин... *твоего* возраста.

Я гляжу на нее во все глаза поверх пластикового подноса, на котором стоят бутылочки с соусами и лакированный горшочек с палочками для еды в бумажных упаковках.

— Моего возраста?

— Да, — говорит она, снова сияя. — Мне представляется так, что отныне всеохватность — наша первостепенная задача. У нас будут молодые динамичные команды,двигающие нас вперед своими передовыми идеями и кипящие энергией, — я киваю, чувствуя, как внутри все сжимается. — Но, как компания, мы также должны... — ее слегка передергивает, это почти незаметно, но я вижу, — мы не вправе допустить дискриминацию, — заканчивает она.

— Конечно, нет.

— И нам надо признать тот факт, что у нас всегда будут работать люди старшего возраста.

— Полагаю, да.

Боже правый, неужели она собирается переоборудовать «бункер» в клинику эвтаназии?

— Вот я и думаю, — продолжает она, — что нам нужен человек для решения вопросов, с которыми ежедневно сталкиваются женщины.

Должно быть, у меня ошарашенный вид, потому что до Роуз, похоже, доходит, что она изъясняется слишком туманно.

— Я хочу сказать, что нам нужна Посланница Менопаузы.

Поначалу мне кажется, что я ослышалась.

— Посланница Менопаузы?

— Да, чтобы один на один беседовать с теми, кто достиг этого жизненного этапа, выяснять их потребности, и тогда мы могли бы оказывать полноценную поддержку.

— И каким образом?

— Ну, мы могли бы понять, насколько им комфортно на рабочем месте, какой температурный режим... вот тебе, Вив, явно жарко, уж извини. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, отлично, — говорю я, пытаюсь стать олицетворением комфорта и эффективной теплорегуляции.

— Им нужен человек, с которым они могли бы в индивидуальном порядке обсудить свои потребности, скажем, э-э... в настольном вентиляторе или месте у открытого окна, — она смотрит на меня с сияющей улыбкой. — Возможно, им захочется поговорить о своих недомоганиях, болячках... э-э... о любых интимных проблемах, с которыми они сталкиваются. О проблемах *приватного свойства*. — В трусах, что ли? Это, надо понимать, метафора? — Разговор всегда помогает, так ведь? Хорошо сознавать, что ты не одна.

— Ну да... — Только не на работе. И не с «посланницей».

— Мы могли бы организовать беседы в рабочий перерыв, в том числе в форме вопросов и ответов, приглашать экспертов, — продолжает она, снова садясь на своего «конька».

Хм-м, экспертов типа эндокринолога? Я могу позвать к нам на огонек исключительно отзывчивого доктора Энди Флинта!

— Вот в такой роли я тебя вижу, — добавляет она. — Что скажешь?

Я ничего не говорю и выпиваю стакан воды. Вот, значит, какое у меня будущее. По ночам валяться в кровати мокрая как мышь, а днем быть Дамой с Приливами, при чьем приближении любая женщина, достигшая «этого жизненного этапа», будет думать: *Ой, блин, это же Вив. Так, делаем вид, что я страшно занята, а не то она пристанет с расспросами, нет ли у меня вагинальной атрофии и проблем при сношении.*

Возможно, задумка неплохая. И, вероятно, найдутся женщины, которым такая роль придется по душе. Но это точно не я.

— Я не знаю, — бормочу я. — Мне надо подумать...

— Сразу хочу пояснить, — вклинивается Роуз, — поскольку это идея новая, скажем так, пилотная схема, то никакого изменения должности или заработной платы она не предполагает.

— Понятно.

— Да, потому что речь не идет о новой работе. Все остальное будет как было.

— Значит, я по-прежнему ваш личный помощник? — Я стараюсь не обнаружить своего потрясения.

— Да, разумеется. Это просто еще один пласт обязанностей и повышение статуса.

Я внимательно смотрю на нее, не зная, что отвечать. Она быстро улыбается, бросает взгляд на свои крохотные золотые часики и просит официанта принести счет.

— Хорошенько все обдумай, ладно? — говорит Роуз, вытаскивая корпоративную кредитную карту. — Потому что я очень надеюсь, что этим человеком будешь ты.

Глава девятнадцатая

Позднее тем же вечером

И поделом мне, что раскатала губу насчет своих перспектив. Тоже мне нашлась наставница! Взбредет же такое в голову! Я — личный помощник, и этим все сказано. Пора бы привыкнуть к тому, что никто не принесет мне шикарную работу на блюдечке.

И вообще, в моей жизни и без новой ответственной должности есть масса дел, которые надо решать. Я сказала Джулз, что «застряла» и «готова к переменам». Но моя жизнь изменилась — она постоянно меняется, порой даже больше, чем мне того хочется. Возьмем, к примеру, обитателей этого дома. Первоначальный расклад был такой:

Я, Энди, Спенсер.

Затем: Я, Энди, Спенсер, Иззи.

Затем: Я, Энди, Иззи.

Затем: Я, Иззи.

А сейчас: Я, Иззи... и Лудо.

К счастью, это временно, но сегодня, как только мы с Иззи добрались домой, на пороге нарисовался Тим, держа за руку накупившегося сына, и сказал:

— Вив, извини, но мы думаем, точнее, мы абсолютно уверены, что Крисси рожает...

— Она в порядке? — обеспокоенно спросила я. — Не рановато ли?

Мы часто болтаем, когда встречаемся в саду, и я в курсе ее дел. Я действительно ей сочувствую. У нее уже нет сил попустительствовать выходкам (читай: разбойному беспределу) Лудо, в последнее время ее, похоже, все достало.

— У нее тридцать семь недель, — сказал Тим. — Я хочу отвезти ее в больницу. Проблема в том, что мои родители планировали приехать и присмотреть за Лудо, но они пока отдыхают и вернутся только в среду вечером. Мне больше некого попросить.

— Разумеется, он может остаться у нас, — сказала я, беря Лудо за руку. — Никаких проблем.

Мальчишка, судя по его виду, не был в восторге, а Иззи разглядывала его с таким интересом, точно ожидала, что он вот-вот пустится в пляс.

— Пойдем, Лудо. Ты уже ужинал?

Он помотал головой.

— Извини, — пробормотал Тим, — у нас ничего не готово...

— Ерунда, я что-нибудь найду, а ты поезжай в больницу.

Он бодро улыбнулся и неловко приобнял меня.

— Большое спасибо. Когда будут новости, я сообщу.

— Папа, а можно я с тобой? — захныкал Лудо.

— Тебя не пустят в больницу, когда у твоей мамы будет ребеночек, — возразила Иззи. — Оставайся у нас.

И вот он здесь, прижимает к груди клетчатый рюкзачок и оглядывает кухню с выражением инспектора по охране труда, категорически недовольного состоянием помещения. Очевидно, у них в доме уровень жизни выше. Картофель кудрявится побегами на стойке с овощами, продукты длительного хранения два дня загромождают столешницу, ожидая, когда их определят на место, а в ящике у задней двери свалены бутылки, предназначенные для переработки. Я наливаю детям апельсинового сока, спрашиваю о школе и как ему их новая учительница (Иззи и Лудо в одном классе, хотя по тому, как они общаются, этого не скажешь). Я просто несу всякий вздор, заполняю эфир, не оставляя ему ни щелки для расспросов о разводе.

После ланча с Роуз мне хочется одного — плюхнуться на диван, положить на лоб мокрую тряпку, а затем переместиться в кровать. Я хочу валяться одна-одинешенька, в идеале недели две, и чтобы расторопный официант приносил мне еду и напитки, точно я на курорте, где все включено, но куда Энди категорически отказывался ехать («Это для тех, у кого нет фантазии», — утверждал он. Куча еды и море коктейлей? По-моему, звучит божественно). Однако детей надо кормить и, так как Лудо явно не в духе — и это понятно, поскольку орущий кулек того гляди сместит его с хозяйского стула, — придется встать и сварганить что-то съедобное.

— Что ты хочешь поесть, Лудо? — спрашиваю я, принимаясь убирать продукты со столешницы.

Я до смешного мало знаю об этом ребенке, который ровесник моей дочери и последние три года живет по соседству. Однако несмотря на предложения Крисси, чтобы они играли вместе (с чего вдруг? Только потому, что они маленькие человеческие особи примерно одного возраста?), всегда было очевидно, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет.

— Не знаю, — бурчит Лудо.

Я предпринимаю еще одну попытку:

— Если тебе хочется чего-то особенного, я могу приготовить.

Повисает молчание. Иззи бросает на меня взгляд и чуть улыбается.

— Ну, Лудо, что ты хочешь? — подсказывает она.

— Яишенки с колой, — говорит он.

— Ты имеешь в виду яичницу и колу? — уточняю я. Отлично. Это просто. Яйца у нас есть всегда — в нашей семье их любят все и во всех видах — колы, правда, нет, но в холодильнике найдется выдохшийся лимонад.

Я открываю дверцу и достаю большую пластиковую бутылку.

— Нет, *бутылочки* колы и *яишенки*, — рявкает Лудо.

— Вот, я как раз достаю яйца, — я кладу их рядом с лимонадом на столешницу. Иззи сидит на деревянном стуле, болтает голыми ногами и с любопытством наблюдает за происходящим.

— Это не те яйца, — сварливо замечает Лудо.

Я смотрю на него и ничего не понимаю.

— А какие ты хочешь, милый?

Утиные? Перепелиные? Яйца Фаберже?

— Ты про глазуньи-тянучки? — невозмутимо спрашивает Иззи.

— Ага.

— И желейки в виде колы?

Мальчик кивает, и Иззи поворачивается ко мне.

— Он имеет в виду конфеты, мама.

— Ну, извини, — с притворным сожалением говорю я, — конфет у нас нет. Вообще-то я думала про настоящую еду...

— Я могу что-нибудь приготовить, — предлагает Иззи.

Мне почему-то кажется, что фаршированные помидоры и даже пицца на домашнем тесте не вызовут энтузиазма у нашего гостя.

— Конечно, Из, но я предполагала что-то простое...

— Я люблю... блины, — заявляет он.

— Блины? — радуюсь я. — Это можно. Тебе хочется маленькие и толстые или большие и тонкие?

— Большие и тонкие.

— Отлично! Тогда делаем блины, — объявляю я, чем вызываю удивление и восторг у Иззи. Обычно мы готовим блины по выходным.

— Солнышко, пока я их делаю, включи мультики для вас с Лудо!

Дети, оказавшиеся по воле случая в одной компании, пристально смотрят друг на друга — идти куда-то никому не хочется.

— Я буду тебе помогать, — говорит она.

— Я тоже, — заявляет Лудо.

Я уже готова сказать «нет, спасибо», но, черт, его маму только что отвезли в больницу и, вероятно, он останется у нас на ночь — а я подозреваю, что он никогда ни у кого не ночевал, его просто не приглашали, — поэтому я решаю быть настолько доброжелательной и покладистой, насколько это возможно.

К счастью, Иззи не против, чтобы Лудо мешал тесто, и я закрываю глаза на тот факт, что брызги летят по всей кухне. Но когда дело доходит до жарки блинов, я категорически возражаю, невзирая на то, что мама, судя по всему, позволяет ему контактировать с горячим маслом («Мы не говорим „нельзя“!»), но во время моего дежурства — нет уж, дудки! Однако я позволяю ему выбрать начинки и ловлю изумленный взгляд Иззи, когда он отказывается от предложенных мной тертого сыра и ветчины, делая выбор в пользу «Нутеллы» и джема, сдобренных щедрой порцией сахарного песка.

Я жарю и жарю, обливаясь потом, как повар в фастфуде, и в общей сложности выдаю на-гора порядка 200 блинов (потому что он требует все больше), пока кухня и я вместе с ней не прованиваем насквозь горелым маслом.

Лудо отказывается принимать ванну, и я спускаю это на тормозах. Он не хочет книжку на ночь и чистить зубы, и в последнем случае я проявляю твердость. Когда его мама вернется домой, пусть жалуется, что у нас грязно и нет его любимых жевательных конфет. Но зубы, по крайней мере, у него будут целы.

Вторник, 20 августа

Крисси делают экстренное кесарево сечение, что становится шоком для обоих супругов, поскольку Лудо, судя по всему, родился дома, где благоухали ароматические масла, а Тим читал стихи, которые его жена заблаговременно выбрала. В этот раз пришлось обойтись без поэзии. Однако мама и новорожденная малышка (ее имя пока не разглашается) чувствуют себя прекрасно, а я передаю, что с Лудо тоже все в порядке — не ребенок, а золото.

«Крисси хочет, чтобы я остался тут, — пишет мне эсэмэску Тим, — наверное, на ночь. Она немного не в себе. Извини, пожалуйста. Мы тебя не очень напрягаем?»

Конечно, нет, заверяю его я.

Я отвожу в школу детей, которые почти не говорят по дороге, и надеюсь, что пребывание у нас пока не травмирует Лудо. Не должно бы. На завтрак он попросил тост с «Нутеллой» и сильно меня поразил, когда сунул нож в банку, а затем облизал его. Не порезал себе язык, и то хорошо. А теперь я еду на работу и испытываю настоящий подъем духа при воспоминании о том, что сегодня утром Роуз улетает в Пекин в связи с продолжительным туром наших китайских партнеров, а значит, не будет мозолить мне глаза целых две недели. Так что обсуждение посольской миссии пока откладывается.

Позднее, когда я забираю Иззи и Лудо с продленки, снова приходит сообщение от Тима о том, что Крисси по-прежнему не отпускает его из больницы, поэтому он останется с ней еще на одну ночь и будет сидеть на стуле у ее кровати, а Лудо пусть ночует у нас.

Абсолютно никаких проблем, уверяю я его, когда он заскакивает домой, чтобы повидать сына и показать ему фотографии малышки (я громко сюсюкаю над размытыми снимками, стараясь этим компенсировать отсутствие интереса у Лудо). Проблем в самом деле нет. В конце концов, бабушка и дедушка Лудо завтра вечером возвращаются с отдыха, а Тим к тому времени уже должен попасть домой.

Мы ужинаем спагетти — это одно из немногих блюд, к которым Лудо относится благосклонно. Пока я готовлю, он залезает на кухонный стол, подгибает под себя ноги и, почесывая в голове, поглядывает на нас с Иззи, точно маленький император.

— Ботинки сними, пожалуйста, — говорю я.

— Зачем? — хмурится Лудо.

Потому что это мой дом и мои правила.

— Ты ходишь ботинками по земле, а на столе мы едим, — я мило улыбаюсь. Разумная просьба, разве нет?

Он пристально смотрит на меня, всем своим видом демонстрируя вызов. Может, дома ему позволяют сидеть в обуви на столе. А если ему захочется испражниться на стол, это тоже позволят?

— Сними ботинки, — тоном строгой учительницы произносит Иззи. Я стараюсь вести себя как ни в чем не бывало и помешиваю томатный соус, когда он ме-е-е-едленно стягивает один ботинок — за это время у меня, пожалуй, несколько морщин на лбу прибавилось. Ботинок шмякается на пол, а я обжигаюсь, когда откидываю спагетти на дуршлаг.

— Ой!

— Мамочка, ты в порядке? — встревоженно спрашивает Иззи.

— Да, солнышко, — говорю я сквозь стиснутые зубы, держа запястье под холодной водой, и тут на пол шмякается второй ботинок.

До приезда родителей Тима остались всего сутки, напоминаю я себе чуть позже, когда выключаю свет у детей в спальне.

Среда, 21 августа

Третий день с Лудо. На работе я время от времени закрываю глаза, желая Крисси отменного самочувствия, и пусть они с малышкой отправятся домой или хотя бы отпустят Тима, чтобы он забрал своего первенца и вернул его обратно в стойло. Коллеги несколько раз интересуются, все ли у меня в порядке, потому что я выгляжу слегка замученной. А Белинда даже принесла подарок: портативный настольный вентилятор.

Дома Тим снова объявляется мимолетно, и мне жуть как хочется собрать вещички Лудо, покидать в рюкзачок и выставить обоих за дверь. Но увы, он по-прежнему должен быть в больнице, и, рассыпаясь в извинениях, Тим снова исчезает.

Но ведь его родители возвращаются сегодня вечером? Так что завтра они смогут взять опеку над внуком.

Между тем Иззи не на шутку заинтересовалась зубной пастой Лудо. Судя по всему, Тим и Крисси «не верят во фтор», точно это Господь Бог или Дед Мороз, а не вещество, укрепляющее эмаль зубов, рекомендованное Национальной службой здравоохранения. Поэтому Лудо, который трескает сахар за обе щеки, не употребляет воду из-под крана (на тот случай, если «они», кем бы «они» ни были, добавили в нее фтор), а зубы чистит жуткого вида дрянью с экстрактом полыни.

Неудивительно, что ребенок отказывается чистить зубы. Что плохого, скажите на милость, в освежающей пасте со вкусом мяты? Теперь полынью воняет на весь второй этаж.

Четверг, 22 августа

Четвертый день с Лудо. Родители Тима вернулись с отдыха прошлым вечером. Планировалось, что я, как обычно, заеду за Иззи и Лудо после продленки и привезу домой, а потом объявятся мои спасители и заберут внука к себе. Однако дедушке нездоровится по причине то ли пищевого отравления, то ли дизентерии, поэтому пока они «не в состоянии» присматривать за Лудо.

Я вообще-то тоже. По дороге из школы он требует, чтобы мы затарились конфетами, и шумно возмущается, что в нашем любимом магазине — не том, куда обычно ходят они, — нет дорогих его сердцу бутылочек и яишенок, а я останавливаюсь, чтобы бросить письмо в почтовый ящик, и случайно роняю туда ключи.

— Звоните почтальону, — командует Лудо, — и пусть открывает.

— Он не станет, Лудо. Боюсь, так не делается.

— Это почему? — Его темные глаза горят возмущением.

— Потому что он приезжает в определенное время, — бормочу я, чувствуя, как внутри нарастает паника. Лудо косится на табличку на ящике, которая гласит: «Следующая выемка писем в 10.00».

— Подождем здесь? — предлагает он.

— Нет, не получится.

— Это же недолго, — он хмурится. — Здесь сказано, что почтальон придет в десять.

— Да, но речь идет о десяти часах утра, — объясняю я, стараясь делать вид, что все под контролем и мы не в полной заднице.

— Мы не можем ждать тут всю ночь! — восклицает Иззи, обеспокоенно глядя на меня.

— Это почему? — интересуется Лудо.

Разумеется, мы могли бы сбежать домой, взять три спальных мешка, вернуться назад и улечься рядком на мостовой, как это делалось в метро во время воздушных налетов, с той лишь разницей, что мы не в метро и живем в мирное время.

— Потому что, — твердо говорю я, хватаю их за руки и, игнорируя его болтовню, решительно иду вперед и останавливаюсь лишь затем, чтобы погуглить координаты ближайшего слесаря. Дома мы с унылым видом ждем, пока он придет и пустит нас внутрь. Будь это только мы с Иззи, я позвонила бы Пенни или Джулз и попросила приюта у кого-нибудь из них, но обрывать подруг на нашего постояльца я как-то не готова.

Полтора часа спустя, когда мы вваливаемся в дом, Лудо пересекает кухню и, оказавшись возле ящика для переработки стеклянной тары, объявляет:

— *Ужас* сколько вина вы пьете!

Пятница, 23 августа

Девяносто седьмой день с Лудо. По ощущениям, по крайней мере. Я начинаю думать, может, Крисси, Тим и малышка вовсе не в больнице, а умотали куда-нибудь на курорт, бросив Лудо, чтобы не портил праздник. И кто их осудит? Может, они вообще не намерены возвращаться? На их месте я именно так и сделала бы. Не думаю, что Лудо обрадуется, когда Крисси начнет кормить малышку грудью (хотя сам он, насколько мне известно, требовал титьку лет до четырех и отстал лишь после того, как Крисси твердо сказала, что «молочка больше нет», что оно «тю-тю». Хотя она противница запретов, но, когда припрет, может соврать и не поперхнуться).

И болезнь дедушки тоже выглядит подозрительно. Неужели можно подцепить дизентерию на Коста-дель-Соль? Мои силы иссякают, а Лудо снова зондирует почву насчет блинов. Я решаю увлечь его другой перспективой, достаю все, что есть в холодильнике, и устраиваю детям пикник. Они за эти дни как-то притерлись друг к

другу, играют на ноутбуке без звука, вместе смотрят мультики и без инцидентов спят в одной комнате. Несколько раз Иззи принималась ворчать по поводу его присутствия, но я объяснила, что Лудо тяжело, потому что родителей нет рядом и в его жизни вот-вот произойдет большая перемена.

— Я хочу, чтобы пикник был снаружи, — заявляет мальчик.

— Именно это я имею в виду, — говорю я. — Пикник в саду.

Сегодня прекрасный вечер.

— А чипсы будут?

— Ну конечно.

— А апельсиновый сквош?

— Уже на подходе, — улыбаюсь я.

— А соломинки есть?

— Думаю, да.

— С гнутыми кончиками?

— Где-то валялась одна, я поищу...

— И я хочу есть на траве, — заявляет он, — а не на столе.

— Без проблем.

Располагайся на траве, а потом — хоть войной иди на Польшу, если так захочется.

Возможно, и к лучшему, позднее думаю я, когда наша троица сидит за трапезой, что Роуз не сочла меня способной вдохновлять молодежь на трудовые подвиги. О каких свершениях может идти речь, если я не в состоянии держать в узде семилетнего мальчишку? И вот тому доказательство: Лудо хватает вязаный сэндвич Иззи, который она принесла на пикник, макает в апельсиновый сок и швыряет за забор на территорию своего дома. Иззи истошно вопит, а я лезу через ограду, чтобы его достать.

Ну все, решаю я, перелезая обратно. Хватит с меня. Его надо поставить на место, с этой бесцеремонностью пора кончать, он ведет себя как...

— Привет! — кричит Тим, появляясь из задней двери, помахав нам. — Мы вернулись!

Наконец-то, мать вашу!

— Привет, Тим! — радостно восклицаю я. Никогда не подумала бы, что появление приземистого лысоватого инженера-сметчика может привести меня в такой восторг.

Он подходит ближе и улыбается через ограду.

— Привет, ребятки. Привет, Лудо! Как вы тут?

— Привет, пап, — бубнит Лудо.

— У нас все хорошо, Тим, — отвечаю я. — Все отлично. Как Крисси и малышка?

Он не успевает ответить, как из двери появляется она сама — бледная, изможденная, но блаженно счастливая, держа на руках розовощекую дочурку, завернутую в желтое одеяльце.

— Лудо, дорогой, — кричит она при виде сына, — смотри, вот твоя маленькая сестричка! Правда она славная?

Мальчик смотрит через ограду с таким видом, точно она показывает ему новый чайник.

— Лудо, — басит Тим, проводя рукой по его волосам, — мы сейчас придем, и ты с ней познакомишься. Она мечтает встретиться с тобой.

Трогательно видеть, как взволнованны Тим и Крисси, и, когда я беру в руки крохотный сверток, естественно, что на глаза у меня наворачиваются слезы. Мне даже жаль Лудо, потому что мы все над ней воркуем и сюсюкаем. Ее зовут Лара. Тим и Крисси жутко признательны нам с Иззи за то, что мы приютили Лудо.

— Ну, Лудо, пойдем домой, — объявляет Тим, — пора и честь знать.

— Я пока не хочу домой, — Лудо смотрит на остатки нашего пикника.

— Милый, — подает голос Крисси, — ты прожил здесь целую неделю. Разве тебе не хочется, чтобы мы снова были вместе?

— Нет, — мотает головой Лудо, — не хочу.

Крисси вздыхает и треплет его по волосам.

— Тебе здесь было хорошо, да?

— Ага.

Она устало улыбается.

— Тогда, может быть, Вив разрешит тебе остаться еще на одну ночь?

О, нет. Вив эта идея не понравится.

— Может, мы попросим об этом Вив, а ты придешь домой завтра утром?

А может, Вив не поддастся на уговоры? Я смотрю на Тима с натужной улыбкой, стиснув зубы, и транслирую сообщение: «Пожалуйста, забери сына домой!», и оно, слава богу, доходит до него громко и отчетливо.

— Нет, извини, — Тим берет сына за руку, — Вив и так нас выручала целую неделю.

— Ну, папа! — восклицает Лудо, но родительский авторитет в кои-то веки берет над ним верх. Когда пожитки собраны и папа с сыном удаляются, я слышу, как Тим спрашивает:

— И что тебе больше всего понравилось у Вив и Иззи?

— Когда Вив уронила ключи в почтовый ящик, — отвечает Лудо.

Глава двадцатая

Суббота, 24 августа

Теперь нас называют у *Вив* и *Иззи*, что, на мой взгляд, вполне соответствует текущему положению дел, при котором Энди, зашедший за нашей дочерью, кажется незванным гостем. Пока *Иззи* собирается в своей комнате на прогулку с папой, нам с ним приходится вести светские беседы.

Слава богу, всегда можно поговорить об *Иззи*.

— Она оправилась от простуды? А зуб, который шатался, выпал? — Энди бомбардирует меня вопросами, а я отвечаю с лаконичной учтивостью. — Как продвигается проект по естествознанию? — спрашивает он, опираясь спиной о кухонный стол и потягивая кофе.

— Вполне успешно, — отвечаю я.

— Он ведь про обитателей водно-болотных угодий, да?

Это он пытается произвести впечатление, что в курсе событий жизни дочери (живя тут, он про школьные дела не ведал ни сном ни духом).

— Верно, — говорю я, с трудом удерживаясь от того, чтобы не добавить: *И для начала могла бы обследовать мою постель после ночного пота*. Но не думаю, что мы с Энди когда-нибудь дойдем в своих отношениях до той стадии, что сможем смеяться над этим.

Наступает небольшая пауза.

— Ты хорошо выглядишь, — замечает он.

Это ты к чему?

— Вот как? Спасибо.

— Действительно хорошо, — повторяет он.

Черт возьми, он что теперь — мой куафёр? Сейчас еще спросит, давно ли я из отпуска. А он, надо сказать, этим ясным летним утром выглядит не лучшим образом. Волосы отросли и растрепаны, что ему несвойственно, а на лице — двухдневная щетина (что тоже необычно). Под глазами темные круги, веки опухли. Можно предположить, что он

не спал и шпилит докторшу, но вид у него совсем не радостный. И в этом случае он вряд ли бы пришел, сославшись на бурную ночь.

Может, у них первая размолвка? По моим подсчетам, они встречаются около десяти месяцев — вполне достаточно, чтобы в его идеальном образе появились трещины. К этому моменту он уже может «забывать» смывать за собой в уборной (все не упомнишь) и периодически портить воздух. Я по-прежнему не знаю, живет ли она с ним и какая у них ситуация, и не спрашиваю. По правде говоря, мне по-прежнему тяжело от мысли, что они вместе, и чем меньше я знаю про их ситуацию, тем лучше. Радует то, что я давно не разглядываю фотографии Эстелл Ланг, и горжусь этим. Возможно, следует рассказать об этом Джулз как о «достижении», когда через час у нас состоится очередной тренинг?

— Иззи, ты готова? — кричу я. — Солнышко, папа ждет.

— Иду, — откликается она, и я слышу над головой ее топот. Они идут всего-навсего в кино и поесть карри, но день в обществе отца предполагает большие сборы — надо упаковать рюкзачок и подобрать аксессуары, особенно для волос, а от моей помощи она упорно отказывается.

Энди допивает кофе, и наш разговор переходит на Спенсера и его поездки. Летом сын много работает на фестивалях и, похоже, отрывается по полной. Испания, Франция, Болгария — вот что значит быть молодым и зарабатывать на жизнь тем, что любишь. Мне надо брать с него пример. По крайней мере, я твердо решила отказаться от роли Посланицы Менопаузы, как только Роуз вернется из Китая. В лучшем случае это будет восприниматься как снисходительное отношение к коллегам, а в худшем — вызывать насмешку и неприязнь. Нет уж, спасибо.

Разговор провисает. Отпрысков мы обсудили, и теперь я жду не дождусь, когда он отчалит и, в частности, перестанет плодить микробы на моем кухонном столе, о который опирается своей задницей, обтянутой *Levi's*. Забавно вспоминать, как меня возбуждала его «пятая точка» с ее аппетитными изгибами, особенно в облегающих эластичных боксерах. А теперь если я и думаю о ней, то только в контексте тяжелого ботинка и увесистого пинка под зад.

— Привет, папочка!

Иззи наконец-то появляется и готова к прогулке.

— Привет, мой ангел, — говорит он.

— Угадай, что произошло. У Крисси родился ребеночек! — объявляет она.

— Правда? — говорит он, изображая интерес.

Если бы не опасения, что это задержит его подольше, я пересказала бы все в деталях — про экстренное кесарево сечение, потрескавшиеся соски у Крисси и стул цвета горчицы. Для медика он слишком сторонится телесных проявлений жизнедеятельности (кроме телесных форм Эстелл, само собой).

— Ага, — говорит Иззи. — Она такая милая. А Лудо жил у нас.

— Вот как? Вау.

— Неделю, — добавляет она.

— Неделю? И как все прошло? — Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Отлично, — говорю я.

Энди поведет дочь на прогулку или мы так и будем чесать языками до вечера? Я бросаю взгляд на настенные часы. Лучше бы ему убраться до того, как придет Джулз. Несколько раз он объявлялся, когда у меня были она или Пенни, и терпеть их приторную учтивость — это выше моих сил.

— Малышку зовут Лара, — добавляет Иззи, и это вызывает ухмылку у Энди.

— Лара? — усмехается он. — Не Клуэдо, не Змеи и Лестницы?

Я сейчас умру от смеха. А теперь, пожалуйста, выметайся из моего дома.

— Ты о чем? — недоуменно спрашивает Иззи.

— Тебе известно, что «Лудо» — это настольная игра?

— Правда? — она морщит лоб.

— Правда-правда, — быстро говорю я, надевая Иззи на спину пятнистый рюкзачок и тем самым давая Энди понять, что на сегодня я более чем сыта его обществом. А чтобы месседж окончательно дошел, указываю глазами на дверь, как проделала это вчера, когда устанавливала телепатический контакт с Тимом.

— Ладно, Из, — объявляет Энди, — нам, пожалуй, пора.

Должно быть, я совершенствуюсь в навыках передачи мыслей на расстоянии и, возможно, в один прекрасный момент мне вообще не придется разговаривать с Энди?

Как только они уходят, я начинаю носиться по гостиной, подбираю конфетные обертки, разбросанные Лудо — стоит ли заморачиваться с мусорными ведрами, когда есть пол? — потом приглаживаю растрепанные волосы и стараюсь настроиться на спокойный и вдумчивый лад.

День солнечный и прохладный, я готовлю кофе и открываю кухонное окно, точно желая выветрить невидимые следы пребывания Энди. На скамейке у себя в садике сидит Крисси и кормит Лару. Одиннадцать часов утра. Заметив меня, она делает взмах рукой — я улыбаюсь, машу в ответ и иду открывать дверь Джулз.

— Привет, — говорит она, улыбаясь, — хорошо выглядишь.

От нее это воспринимается как настоящий комплимент.

— Спасибо. Я действительно хорошо себя чувствую. Ну что, начнем? — Я приношу кофе, и мы располагаемся на диване.

— И как прошла неделя? — спрашивает она.

— Довольно сумбурно, — отвечаю я и рассказываю о нашествии Лудо, оброненных ключах, наших с ним бесконечных дебатах по любому поводу и что времени для размышлений у меня практически не было.

— Впечатляет, — говорит она. — Это было испытание, причем без предупреждения, но ты его выдержала. Мне кажется, ты отлично со всем справилась.

— Спасибо, — говорю я, воодушевленная ее похвалой.

— Пожалуй, было бы полезно по-настоящему признать твои достижения, — добавляет она.

— Хорошо, — улыбаюсь я. — Э-э, ну да, полагаю, я довольна.

Джулз меняет позу и откидывает назад свои короткие волосы.

— Возможно, идея покажется странной, но есть такое упражнение, которое я иногда предлагаю клиентам для создания чувства позитивности.

— И в чем оно заключается?

— Мы можем пройти на кухню?

— Конечно, — заинтригованно говорю я, когда мы выходим из гостиной.

— Встань посередине и скажи: «Я — умница», — она одобрительно улыбается мне.

— Да ну тебя, Джулз, — я невольно смеюсь, — я действительно должна это говорить?

— Ты *не должна*, — говорит она, — и я знаю, что хвалить себя вслух — противоречит социальным нормам, но все-таки, пожалуйста, попробуй.

Я медлю, вздыхаю, как капризный ребенок, и наконец становлюсь посреди кухни.

— Я — умница, — говорю я сдавленным голосом.

— А теперь погромче и поуверенней.

— Я — умница, — чуть тверже говорю я. — Я — *умница*.

— Еще раз, и погромче.

— Я — умница, — с пылающими щеками объявляю я.

Выгляжу полной дурой, но почему бы не сделать так, как она просит? Толку-то упираться, если я уж отправилась в это «путешествие личного роста», как выражается Джулз? Кто-нибудь типа Энди, возможно, посмеется, но в моем случае все средства хороши. И никто меня не принуждал — я сама обратилась к ней за помощью и, может быть, благодаря этому стану сильнее и решительнее — мне не придется терпеть общество Энди, пить с ним кофе и слушать фразочки о том, что «хорошо выгляжу», когда на самом деле меня тошнит от одного его вида.

— Скажи еще раз, — командует Джулз.

— Я — умница! — воплю я.

— Так лучше. А теперь залезай на тот стул и скажи еще раз, но громче. Ори во весь голос.

— Ты хочешь, чтобы я забралась на стул?

— Да.

— Я могу упасть.

— Вряд ли. Рискни.

Я взбираюсь на стул и смотрю на нее сверху, усмехаясь. Она выглядит такой чистенькой и хорошенькой в синем платье-футляре и туфлях-балетках, надетых на босу ногу. Как женщина, в чьей жизни все прекрасно. Которую все любят, но к которой чужое дерьмо не прилипает.

— А теперь кричи, — рявкает она.

— Я — умница!

— Теперь лезь на стол.

— *Что?*

— Залезай на стол и кричи как можно громче.

— Соседи услышат.

— Плевать на соседей.

Я смотрю в окно.

— Там Крисси. Я могу напугать малышку.

— Или у нее на подсознательном уровне сформируется представление о правах и возможностях женщин... — хихикает Джулз.

— Или ее травмирует вопль выжившей из ума тетки...

— Что очень укрепит ее жизненные позиции при проживании на одной жилплощади с таким старшим братцем, как у нее.

И, возможно, она, черт побери, права. Я скидываю туфли, выставляя себя на посмешище — это одно, а стоять в уличной обуви на столе — совсем другое, и залезаю на стол.

— Я — умница! — кричу я.

— Ори во весь голос! — подначивает Джулз, глядя на меня снизу. — Думай о том, сколько тебе пришлось преодолеть за последние несколько месяцев. Думай о том, сколько хвалебных слов ты ежедневно преподносишь на блюдечке Иззи, Спенсеру и всем своим подругам и как это помогло им стать теми, кто они есть. А сегодня — твой праздник. Ори во всю мощь легких: «Я, мать вашу, умница!»

Я прыскаю от смеха.

— Давай, Вив!

— Я — УМНИЦА! — горланю я. — Я, МАТЬ ВАШУ, УМНИ...

Я осекаюсь и с трудом удерживаю равновесие, потому что кухонная дверь внезапно распахивается. На пороге стоит Пенни в ярко-розовом платье, смотрит на меня изумленным взглядом и радостно скалится, а рядом с ней — незнакомый мужчина. Высокий, темноволосый, чисто выбритый и ужасно красивый, и вид у него просто обалдевший.

— О господи, прошу прощения! — восклицаю я, сползая на пол. — Это просто, я тут...

— Пожалуйста, не извиняйся, — хрипло смеется Пенни. — Это абсолютная правда. Это мне нужно извиняться за то, что вломилась сюда...

— Все в порядке, правда, — с пылающими щеками заверяю я.

Она сияет улыбкой и поворачивается к своему потрясенному спутнику.

— Вив, дорогая, я хотела бы познакомить тебя кое с кем. Это мой сын Ник.

Часть третья
Только вперед!

Глава двадцать первая

Двенадцать дней спустя: четверг, 5 сентября

Роуз не очень довольна, когда я объясняю ей, что роль Посланницы Менопаузы не для меня. Можно сказать, что мне не хочется вешать на себя ярлык «на менопаузе» (фраза, которую я обкатывала, когда думала, что сказать), но это было бы самообманом. Потому что суть в следующем: даже если я согласилась бы, а это ни за какие коврижки, я не уверена, что мои коллеги-женщины сочтут это Хорошим Начинанием.

— Меня смущает, что это будет воспринято как высокомерие, — объясняю я в ее кабинете.

Сидящая за столом Роуз хмурится.

— И почему тебя это смущает?

— Потому что... — я запинаясь. — Я не уверена, что женщины хотят обсуждать такое на работе, вы понимаете?

— Почему нет?

— Потому что, как ни крути, но основной посыл будет: «Слушай, ты — средних лет и, вероятно, переживаешь климакс, судя по тому, как ты рывкнула на Белинду у принтера, а еще я на днях видела, как ты плакала в машине на парковке. И ты ведь в последнее время поправилась? Чуть раздалась в талии, да? Может, хочешь поговорить об этом?»

— Ох, — у Роуз сконфуженный вид. — *Ты* плакала в машине на парковке?

Всего несколько раз.

— Никогда, — вру я.

— Радостно слышать, — она мимолетно улыбается. — Я понимаю твои опасения, но мне это представлялось в более позитивном свете.

— И как это будет работать?

— Просто я думала, что им будет приятно ощущать поддержку.

Им — точно те, кому за сорок пять, — представители другого биологического вида.

— Не знаю, каким образом это можно сделать так, чтобы женщины не чувствовали себя париями^[1], — говорю я, пытаюсь подобрать более точную формулировку. — Возьмем, к примеру, выпускников школ и колледжей, которые приходят к нам на собеседование.

Она кивает.

— Представьте, что у них был бы какой-нибудь Посол Молодежи, который прохаживался бы тут, задавал вопросы о самочувствии и о том, есть ли у них сложности в личных взаимоотношениях, или проблемы с организмом, или...

— Думаешь, такую инициативу оценят? — радуется она. — А что, это мысль!

— Нет, Роуз, не думаю. Скорее ее сочтут дикой и бестактной. А рабочими вопросами и всем, что влияет на производительность труда... — Я делаю паузу. — ...Я должен заниматься наставник, не так ли? Поддерживать их в этом.

— Понятно, куда ты ведешь, — задумчиво произносит она.

Что касается деловых переговоров, тут Роуз, бесспорно, нет равных, но вот навыки работы с людьми у нее слегка хромают.

— Впрочем, я признательна, что вы предложили мне эту работу, — добавляю я. — Я польщена.

— Ну, ты была моим кандидатом номер один.

— Вот как?

Пожалуй, это хороший знак, размышляю я — должно быть, она ценит мое умение общаться и привлекать людей или, по крайней мере, не отпугивать их свирепым видом.

— Да, — говорит Роуз, зачем-то переставляя телефон на столе. — Я знаю, Вив, ты об этом не распространяешься. Ты просто работаешь себе без всякой суеты, но иногда на тебя помотришь, а ты — вся пунцовая.

По дороге домой я мысленно проигрываю нашу беседу снова и снова: значит, вот как меня воспринимают. Не как сотрудника, который выкладывается по полной и, если можно так выразиться, последние несколько месяцев справляется на «ура!» (а что вышла замуж за

блудливого козла, так это не считается) и который с полным правом может орать, стоя на кухонном столе, «Я — умница!». Это осталось вне поля ее внимания. Для нее я — мелкая сошка, которая *просто работает себе без всякой суеты*.

Внутри все по-прежнему клоочет от возмущения, возможно, чрезмерного, когда я обмениваюсь любезностями с руководящими дамами на продленке, откуда забираю Иззи. И по пути домой в голове все еще гудит, между тем как Иззи радостно щебечет про игрушечный замок («со светом!»), который они строили на продленке из старых коробок и разного хлама, и про свой восьмой день рождения, который еще очень не скоро («А вечеринка будет?»).

Тем временем я думаю: «Значит, без всякой суеты». Кому понравится такая характеристика? Точно, что не Джулз, которая построила себе совершенно новую успешную карьеру и, безусловно, любит свою жизнь. И не Шелли, для которой суета, как мне известно, — норма жизни, потому что в противном случае многочисленные подопечные ей семьи не получали бы необходимую поддержку. Она занимается вопросами, связанными с защитой детей, родителями-алкоголиками, насилием в семье, безнадзорностью, нищетой, психическими расстройствами, наркоманией, она — *ходячая суета*. И Айла тоже суетится в присущей ей настойчивой целенаправленной манере — отказывается сидеть сложа руки и смириться с тем, что у музея «все в прошлом», как недавно выразилась одна ее коллега. Что касается Пенни, то вся ее жизнь, похоже, была сплошной суетой, начиная с тех дней, когда она продавала одежду на рынке Портобелло, и до той поры, когда оказалась за штурвалом общенациональной сети модных магазинов.

Суета — это хорошо, решаю я, когда готовлю ужин. Она привлекает внимание и способствует движухе. «Без всякой суеты» — это все равно что держаться в тени, оставаться незамеченным, пытаться угодить, делать все правильно и не получать за это признания.

Мне известно, что прежняя личная помощница Роуз, моя предшественница, была особой деятельной и с характером. Хотя наши пути редко пересекались, пока я была временным сотрудником, можно поручиться, что Роуз не стала бы обращаться к ней с поручениями насчет лобкового волоса на унитазе, поиска мойщика патио или

«ушных капель, таких, сильнодействующих, что стоит закапать, и слышно, как сера начинает потрескивать. Мне такие нужны. Найди их, пожалуйста, Вив, и пусть доставят к завтрашнему утру». *Конечно. И, раз на то пошло, может, вам и в ушки закапать?*

Я смотрю на Иззи, которая на другом конце кухни прилежно делает домашнюю работу, пока я готовлю наши традиционные спагетти болоньезе. Черт, даже моя стряпня «без всякой суеты». Помню, году этак в 1983-м в нашем доме они были маминым «коронным» блюдом. И это понятно — она весь день пропадала в школе, а в те дни мало кто слышал про консервированные лимоны и как «подрумянить» на сковородке кедровые орешки. Если бы маме подарили кулинарную книгу Йотама Оттоленги^[2], она смеялась бы до упаду и, вероятно, подперла бы ею мою колченогую кровать.

Так что с нашей жизнью все в порядке. Но достаточно ли в наши дни быть «в порядке»? Может, я, сама того не осознавая, погрязла в повседневной рутине, и это — истинная причина, почему мой муж полез в трусы к роскошной докторше с идеальными зубами?

А Иззи между тем поручили сделать плакат, посвященный обитателям водно-болотных угодий Великобритании, а также проблемами и опасностям, с которыми они сталкиваются. Иззи — именно такой ребенок, который «работает себе» — ей нравится выполнять домашние задания, и она разбивается в лепешку, лезет из кожи вон, но не ради похвалы, а потому что получает удовольствие, прилагая все старания.

Когда она готовит, это суета. Если надо на скорую руку сварганить ужин, никто не станет размалывать чеснок и каменную соль пестиком в ступке. А Иззи, помимо плаката, решила издавать собственный журнал о природе под названием «Болотный скиталец». Я скрепила степлером несколько листов бумаги, и теперь она заполняет страницы фактами и иллюстрациями — рисует комикс про утиное семейство, придумывает викторину на экологическую тему, сочиняет историю про выдру, а посередине размещает плакат с белокрылой казаркой. Она фотографирует журнал на мой телефон и отправляет снимки Спенсеру, который пишет в ответ: «Это классно, сис!» и «С нетерпением жду следующего выпуска. И грядущей медиаимперии!».

Позже, когда дочь отправляется в ванну, я пытаюсь навести маломальский порядок у нее в спальне, а еще позже, когда она ложится

спать, устраиваюсь с ноутбуком внизу на диване. Я хочу полазить по сайтам с советами по трудоустройству для женщин средних лет — там всегда много воодушевляющих историй о женщинах, поменявших свою жизнь и добившихся впечатляющих результатов.

Гуглить про Эстелл Ланг у меня даже в мыслях нет. Последнее, что мне нужно нынче вечером, — это наткнуться на ее вызывающий взгляд. Но я все-таки сбиваюсь с курса, сначала когда пытаюсь найти информацию про приятеля Пенни Хэмиша Ноуллза, якобы известного композитора. Насколько я могу заключить, тут копать нечего.

Далее я переключаюсь на саму Пенни — прихлебываю тепловатый чай и проглядываю интервью с ней времен ее лучшей поры (вряд ли она станет возражать, что семидесятые были ее «золотыми годами»). Хотя они относятся к доинтернетовскому периоду, в Сети их пруд пруди. Некоторые из ранних интервью были переформатированы для современных модных блогов, другие — отсканированы со страниц старых журналов.

Когда мы только познакомились, я из чистого любопытства искала и читала статьи о ней. В конце концов, не каждый день сталкиваешься в парке с такой персоной, как Пенни Барнетт. Мы с Иззи читали их запоем, любовались фотографиями изумительной яркой женщины лет двадцати с небольшим — она не так сильно изменилась с той поры (к счастью, у нее одно из «тех» лиц с большими лучистыми глазами, полными губами и невероятными скулами, которые стареют красиво). Но сейчас я нахожу больше ее интервью и чудесных фотографий, которые не видела прежде. Глядя на ее улыбающееся лицо, такое радостное и открытое, на шикарные широкополые шляпы и губы с красной помадой, я воспаряю духом.

С тех пор как Ник приехал из Новой Зеландии, мы нечасто видимся. Несмотря на ее ворчливые заверения, что он «всего лишь будет проверять, как я скриплю», я отошла в тень, предположив, что они захотят как можно больше времени проводить вместе. Меня также беспокоит, что при первой встрече я показалась ему по меньшей мере сумасшедшей (я переживаю по этому поводу больше, чем следовало бы). Пенни уверила меня, что это, разумеется, не так, что он «удивился, да, но оценил твое выступление», а для нее оно стало одним из главных событий года.

— Подумываю, может, мне взять с тебя пример, — хихикнула она.

Я устраиваюсь на диване поудобнее, допиваю чай и принимаюсь за статью о ней из воскресного газетного приложения, датированного 1978 годом.

«Мы с подругами любили моду, — говорится в ней, — но денег было очень мало, а найти одежду, которая нам понравилась бы, — проблематично. В машбюро в Западном Лондоне, где мы трудились, платили гроши. Я немного подрабатывала моделью, но не пользовалась известностью, не ходила по подиуму и не снималась для глянцевого журнала — мой типаж классифицировался как „юная и забавная“, и меня в основном приглашали в журналы для подростков или эпизодически для рекламы шампуня или блеска для губ. Но и эти заказы становились все реже.

К тому времени у меня был маленький сын, а архитектурное бюро его папаши прогорело. В любом случае тогда мы уже расстались, поэтому денег было кот наплакал, и мне пришла идея шить одежду и продавать ее по доступным ценам подругам, многие из которых были в таком же положении. Я накупила ткани по дешевке и стала вечерами строчить наряды, а по выходным — щеголять в них.

Я, точно живая реклама, курсировала по Лондону в самодельных прикидах. Подруги просили шить им такие же мини-юбки, цельнокроеные платья и простые топы. Это были базовые вещи, но ярких, веселых расцветок — розовые, оранжевые, желтые. По пятницам в обеденный перерыв я ходила на рынок Портобелло, потому что он находился рядом с моей конторой, и там свела знакомство с продавцом ткани по имени Сол Джэксон, который был чуть старше меня. Он стал называть меня мисс Пятницей, и мы подружились.

— Привет, мисс Пятница! — говорил он. — Чем планируешь заняться в выходные?

— Оттягиваться на полную катушку! — со смехом отвечала я.

Сол помог мне обзавестись субботним прилавком, чтобы я могла продавать свои изделия. Каждую неделю уходило все подчистую. Я шила и детскую одежду — сынок вертелся рядом, помогал, демонстрировал. Но с деньгами было по-прежнему туго, мы с трудом сводили концы с концами. Мы с сыном обитали в мерзкой квартирке, владелец которой был форменный урод и постоянно домогался до

меня. Этажом ниже держали немецких овчарок, которые вечно лаяли, а выше располагался бордель...»

Я делаю перерыв в чтении, чтобы информация улеглась. Я даже не подозревала, настолько ей поначалу было трудно. Из того, что она мне рассказывала — про период «Райского наслаждения» и Ника, бегущего голышом по библиотеке, — я заключила, что жизнь была довольно богемная, с приколами и забавами. Казалось, в отличие от меня, для которой группы молодых мам были спасательным кругом, она не нуждалась в общении с себе подобными. Когда я упомянула про АРУ при школе Иззи, Пенни не поняла, что я имею в виду.

— АРУ? — повторила она. — Это что-то связанное с авариями?

— Это АРС — аварийно-ремонтная служба, а АРУ означает Ассоциацию родителей и учителей. Это своего рода школьная мафия...

— Бог ты мой, — передернуло ее, — кому придет в голову вляпаться в такое?

«...Поэтому я решила вернуться в Глазго, где родилась и выросла, — продолжаю читать я. — Сначала мы с сынишкой поселились у моих родителей. Я нашла крохотный магазинчик в той части Глазго, куда практически никто не заглядывал. Внутри воняло. Мы оттирали и оборудовали его собственными силами, и людям он понравился. Они зачастили к нам.

Как возник стиль „Мисс Пятница“? (Делает паузу, обдумывая.) Я знала, какую одежду хочу носить сама. Я могла представить ее вплоть до тесьмы, пуговиц и отделки подола. Я шила ее именно так — не по чужим лекалам и эскизам, а по собственной фантазии».

Я закрываю ноутбук с легким чувством эмоциональной перегрузки, как то бывает по выходе из кинотеатра после просмотра фильма, оставившего сильнейшее впечатление. А затем ты оказываешься на ярком солнце и еще какое-то время заново привыкаешь к реальному миру.

— Я шила ее именно так, — говорила Пенни, точно речь шла о подушечке для булавок на занятиях по рукоделию (лично я пыхтела над ней полгода, чем поставила в тупик даже свою маму). Я снова мысленно проигрываю в голове слова Роуз, сказанные сегодня утром,

суть которых сводится к следующему: если меня не устраивает роль Посланницы Менопаузы, тогда ей нечего мне предложить. По крайней мере, ничего нового. Никакого повышения, никаких перспектив в программе «давайте встряхнем „Флакско“» у меня нет.

Но мне не нужна Роуз, делаю вывод я, направляясь через кухню, чтобы вынуть белье из стиральной машины. Мне не нужно год за годом просиживать там штаны и «без всякой суеты» исполнять ее поручения. Пенни, Шелли, Айла и Джулз — все сильные, уверенные в себе женщины, которым, судя по всему, любые страхи нипочем. Возможно, у меня нет их смелости и энергии, но я могу стоять на кухонном столе и орать во всю мощь легких.

Я снова думаю про Айлу, мою подругу-тихоню, и как она болеет душой за музей, в котором самоотверженно трудится столько лет. У нее потрясающее внимание к деталям и огромные познания. Если музей закроют, ее сердце будет разбито.

Она согласна с тем, что модный показ — отличная идея, а сейчас я понимаю, что Пенни непременно должна в нем участвовать, и не просто в качестве консультанта по эпохе семидесятых, но как ключевая фигура шоу. Пусть музей не располагает возможностями организовать крупную выставку типа Диора или Фриды Кало, но вся фишка в том, что модного показа «Мисс Пятницы» никогда прежде не было. Это будет уникальное событие, посвященное судьбе молодой женщины из Глазго, которая ночами строчила на швейной машинке и на протяжении ряда лет находилась в эпицентре британской моды 1970-х.

Я принимаюсь мыть посуду и вспоминаю тот вечер, когда мы с Пенни, Хэмишем и Айлой пили вино у нас в саду и как подруга сопротивлялась идее рассказать про свои заслуги. Как оцетинилась в ответ на замечание Хэмиша по поводу «Роллинг Стоунз»: «Все хотят только одного — старые хиты, которые у всех на слуху». Но ей *необязательно* знать, по крайней мере на первых порах. Будем держать все в секрете, постараемся собрать как можно больше оригинальных моделей «Мисс Пятницы», а потом покажем ей и расскажем, как провернули это втайне от нее.

Пенни придет в восторг! И даже, наверное, будет потрясена. Я знаю, что она справедливо гордится своими достижениями, хотя имеет манеру недооценивать их. И, пожалуй, понятно, почему. Она признает, что у «Пятницы» был свой «срок годности», и в начале восьмидесятых

ее бренд, несколько скомканно и бестолково, ушел в прошлое следом за пончо. Хотя Пенни никогда не распространялась о том, кто были ее спонсоры и деловые партнеры, ясно, что в одиночку ей не удалось бы на базе рыночного прилавка создать и развить модную империю.

Да, агония у «Мисс Пятницы», вероятно, была мучительной и некрасивой. Возможно, поэтому Пенни отказывается признавать ее влияние и категорически не желает иметь дело с музеем. Не исключено, хотя мне по-прежнему с трудом в это верится, что она считает себя неудачницей.

Сейчас вдруг до меня доходит, что любой наш разговор о тех днях неизменно начинается по моей инициативе. Иззи, которая обожает наряжаться, тоже не стесняется приставать к ней с расспросами. Пенни делала потрясающие модели — это была высокая мода, привлекательная и вместе с тем благодаря вниманию к деталям исключительно качественная. Так что велика вероятность того, что на рынке по-прежнему есть немало ее изделий — в комиссионных магазинах, разумеется, и у коллекционеров. Возможно, они висят на плечиках в платяных шкафах, а кто-то до сих пор их носит.

Это вполне осуществимо, решаю я. У музея практически нет средств, но это не проблема: вещи можно взять напрокат, а после показа вернуть владельцам. Когда я работала в театре, мне случалось делать постановку почти из ничего. Я привыкла к скудному бюджету и, по правде говоря, люблю преодолевать трудности.

Сердце учащенно бьется, когда я даю себе клятву составить предложение для модного показа и выставки, проработав все детали. Я представлю его руководству музея не ради денег (я знаю, что их нет), а потому что это будет шикарный проект, мой «Болотный скиталец».

Иногда мы беремся за какое-нибудь дело просто ради удовольствия. Мы хватаемся за него, несмотря на подорванное доверие, на то, что босс воспринимает нас как данность и гоняет в хвост и гриву, требуя поставить всех на уши, чтобы найти отель с подушками нужного качества. Мы беремся за него, зная, что это будет потрясающе, и потому что — если не я, то кто?

Глава двадцать вторая

Пятница, 6 сентября

Роуз замечает, что сегодня я «очень веселая». То пунцовая, то веселая, словно мим.

— Просто самочувствие хорошее, — с улыбкой говорю я.

Между тем работа в компании кипит, точно в пчелином улье. Жужжат дрели, гудят циркулярные пилы, в воздухе витают запахи свежей краски. Нижний конференц-зал преобразуют в открытое «пространство» (не офис), где будут располагаться Инновационные платформы (теперь просто «ИПы»). По словам Джин, которая всегда держит руку на пульсе, это будет ультрасовременный дизайн с изюминкой в виде фальшокон.

— Что за фальшокна? — спрашиваю я во время ланча.

— Они будут выглядеть как настоящие, — отвечает она, — с рамами и стеклами, только в них будет внутренняя дневная подсветка.

— Чтобы «бункер» казался менее бункерным? А что, остроумно!

Она кивает:

— Дизайнер, который был там, говорит, что молодые люди придают большое значение естественному освещению.

— Какие у них запросы, — хихикаю я, — и тосты им с авокадо, и вид на небо из окна.

Я доедаю салат с тунцом. В рамках модернизации «Флаксико» в столовой теперь подают зелень, и появление в меню рукколы сопровождалось почти такими же массовыми волнениями, как скандал с кроличьим кормом.

Разумеется, все это из разряда позитивного. Я тружусь в поте лица и планирую собеседования, потому что Роуз горит желанием поскорее набрать команду. Между тем голова моя занята «Мисс Пятницей» — я начала составлять список комиссионных магазинов и хочу сделать массовую почтовую рассылку, чтобы понять, какое количество оригинальных изделий есть на рынке. Я приступила к изысканиям прошлой ночью — история бренда, ключевые изделия, причастность к

нему известных моделей и персон того времени. Я так увлеклась, что провозилась почти до трех часов ночи, вдохновленная бодрым откликом Айлы на мою эсэмэску и обещанием показать мое предложение руководящей особе, ответственной за проведение временных выставок. Если все пойдет хорошо, а я почти в этом уверена, тогда следующим шагом станет личная встреча.

Так что я не выспалась, но в то же время «очень веселая». Возможно, все эти волнения благотворным образом влияют на мои гормоны. Сегодня утром мне даже не пришлось выжимать пижаму.

Воскресенье, 8 сентября

У меня никогда не было собаки. Родители были кошатниками и воспитывали меня в убеждении, что собаки — потенциально опасные создания и, как утверждала мама, «всегда могут кинуться». Но я хорошо знаю Бобби. Кидаться не в его характере. Он — душка, шныряет себе по дому и скулит под дверью, когда я закрываюсь в туалете, так что проще его пустить и пусть уж смотрит. Ощущения немного странные, и вместе с тем приятно сознавать, что кто-то нуждается в тебе с такой силой, что желает любоваться тобой, сидящей на толчке.

Пенни с Хэмишем отправились на морскую прогулку, Ник где-то на съемках, поэтому Бобби поручили нам с Иззи, и мы, само собой, страшно обрадовались. В отличие от Лудо, Бобби пришел без вонючей зубной пасты и не требует, чтобы я пекла ему блины пятнадцать часов кряду. Ник возвращается сегодня поздно вечером и, по плану, утром должен забрать нашего хвостатого постояльца. В пятницу перед уходом с работы мне удалось взять на завтра отгул под предлогом, что буду ждать мастера, а на самом деле — чтобы оформить предложение.

Мне все еще немного стыдно за то, что Ник видел, как я кричала, что я умница, стоя на кухонном столе, но плевать. Он снимает документальное кино, представляющее «интерес для широкой публики», а «широкая публика» в тот момент была и, вполне возможно, наблюдала за мной с интересом. И потом, уверена, что он видал зрелища и похуже.

Я также несколько раз ловила себя на мысли, что он *исключительно* привлекательный, то есть физически привлекательный, что для меня явилось некоторой неожиданностью. Не потому, что представляла его другим — это было бы странно, имея такую симпатичную маму, как Пенни. Просто та единственная размытая фотография, которую она показывала, оставила у меня впечатление тощей, высокой, бородатой фигуры, снятой вдали на пляже. Я была не готова увидеть такое красивое, чисто выбритое лицо.

После ухода Энди я предположила, что отныне привлекательность будет исключена из перечня актуальных мужских качеств. И мысль о том, чтобы ввязаться в новые отношения, потерять бдительность и впустить кого-то в свою жизнь — по крайней мере, не в роли платонического друга, — это такая дичь, что даже не подлежит рассмотрению. Как вообще я могу всерьез думать о том, чтобы привести «кого-то нового» (тьфу!) в жизнь Иззи? *Привет, дорогая, это мой друг Стивен!* Сама идея, чтобы разбавить нашу компанию взрослым самцом, представляется дикой и неуместной — это как установить джакузи во внутреннем дворике. Уверена, это забавно и поначалу очень прикольно, но потом ощущение новизны пройдет, и проблемы с его обслуживанием очень скоро перевесят плюсы.

Однако ясно, что привлекательность еще значится в перечне актуальных мужских качеств. Может, это эффект новизны? Последний раз красавец-мужчина переступал порог нашего дома шесть лет назад, и это был плиточник, менявший кафель в ванной. Тогда Джулз долго упражнялась на тему: «Что плиточник, ложит кафель или кладет?» Таким образом, в свете того, что завтрашний утренний визит Ника чреват треволнениями, я решила передать Бобби с рук на руки быстро и по-деловому.

— Это Бобби? — кричит из-за ограды Лудо, когда мы с Иззи играем с ним в саду.

— Да, — отвечаю я.

— А почему он у вас?

— У него каникулы, — говорю я. — Пенни уехала с ночевкой.

Лудо подходит ближе и смотрит через ограду — растрепанные светлые волосы падают на мордашку, рот испачкан чем-то вроде варенья из черной смородины.

— Привет, Иззи, — скалится он.

— Привет, Лудо, — отвечает она, бросая теннисный мячик, за которым Бобби радостно устремляется.

— Вам нравится, что он у вас? — спрашивает Лудо.

— Конечно, — говорю я.

— А что он ест?

— Э-э, он любит свежее мясо.

— А какое?

— Типа стейков для собак.

На самом деле, будучи псом Пенни и залюбленным до полуобморочного состояния, Бобби питается только отборным говяжьим фаршем, который фасуют в пластиковые контейнеры. Сухой и даже консервированный собачий корм этот маленький собачий принц не употребляет. По сути, он ест человеческую еду. Я объясняю это Лудо во всех подробностях, а затем начинаю расспрашивать его о малышке («Как у нее дела?» — «Какает и писает!»). Хотя больше из него ничего не вытянуть, это позволяет уйти от вопросов относительно местонахождения моего заблудшего, а в скором времени бывшего супруга.

— А к вам можно прийти поиграть? — с надеждой спрашивает Лудо.

Я колеблюсь, но потом соглашаюсь по той единственной причине, что не могу придумать повод для отказа и не хочу показаться недоброжелательной. И день неожиданно проходит хорошо, я, правда, держу ухо востро и слежу за Лудо во все глаза на манер охранника, отслеживающего потенциального воришку в супермаркете. Крисси преисполнена благодарности, когда несколько часов спустя я возвращаю ей счастливого и уставшего сына.

— Скажи спасибо Вив и Иззи за то, что принимали тебя, — говорит она.

— Спасибо, — бурчит он себе под нос. И, когда я уже ухожу, спрашивает: — А Бобби будет спать с вами?

— Нет, Лудо. У него своя шикарная корзинка, — улыбаюсь я. — Я не пустила бы собаку к себе в кровать.

— А пуховое одеяло у него тоже есть?

— Нет. У него флисовый плед.

На физиономии у Лудо внимательное и заинтересованное выражение. Что-то произошло с тех пор, как у него появилась

маленькая сестра. Он уже не так кричит и стал менее агрессивным — возможно, его меньше тянет швыряться камнями в местную кошачью популяцию и громить сараи. Мне хочется думать, что присутствие крохотной розовощекой малышки сделало его мягче, но я подозреваю, что он просто не высыпается из-за ночного плача.

Несколько часов спустя, около полуночи, когда я проваливаюсь в сон, рядом слышится мерное посапывание Бобби — вдох-выход, вдох-выдох. Псу надоело кемарить в корзинке, о чем он поставил меня в известность, заснував под дверью моей спальни. Теперь его голова покоится на моей подушке, причем одно ухо стоит торчком. Он приглушенно похрапывает, точно маленький шерстяной мужичок, правда, одеяло на себя не стянул.

В качестве постельного друга ему нет равных. А бонус — это осознание того, как возмутился бы Энди, увидев его тут.

Понедельник, 9 сентября

А еще пес не жалуется на то, что просыпается в болоте. Он просто смотрит на меня счастливым обожающим взглядом и, свесив язык, пыхтит в предвкушении нового дня. Не могу припомнить, когда кто-нибудь так радовался утром при виде меня.

Может, это и есть мое будущее, размышляю я, когда одеваюсь. Не с мужчиной, который захватывает половину шкафа и большую часть «плечиков», а с преданным существом, у которого слегка воняет из пасти?

Между тем сегодня ожидается Ник, которого Пенни определила мне в качестве возможного романтического друга. Ее не смущает, что речь идет о собственном сыне, проживающем, на минуточку, в Новой Зеландии, — сама идея столь же нелепа, как если бы я попыталась свести кого-нибудь со Спенсером. Да он рассмеялся бы мне в лицо. Сын не позволит мне даже футболку ему выбрать. У меня больше шансов закрутить любовь с нашим общительным регулировщиком (которому, как выясняется, семьдесят восемь лет, хотя, надо сказать, он неплохо сохранился!), и я сердечно его благодарю, когда мы с Иззи и Бобби благополучно переходим дорогу по пути в школу.

Дома я смотрю на себя в зеркало в прихожей: неопрятная и взъерошенная, в мешковатом сером свитере и джинсах, волосы собраны в тощий хвостик — это мой обычный вид по выходным дням. Полчаса спустя я уже приняла душ, высушила волосы феном (для скорости, а не с иной целью), надела синее хлопчатобумажное платье (первое попавшееся), подкрасила веки, ресницы, губы и чуть поддурмянила щеки (только потому, что в платье без косметики — никак) и порхаю по дому.

Звенит звонок. Бобби несется к двери, я двигаюсь следом, пытаюсь придать лицу жизнерадостное /задорное /вменяемое выражение при встрече с гостем мужского пола.

— Ого, вы вся такая нарядная, — усмехается почтальон, вручая пакет. — Идете куда-нибудь? — Он наклоняется погладить Бобби.

— Да нет, просто так, — улыбаюсь я. *Я всегда убираюсь на кухне в платье и при полном параде.* Он уходит, добавив напоследок, что я «скрасила» ему утро, а я снова смотрю на себя в зеркало — треклятые волоски на лице видны при определенном освещении. Не то чтобы я стремлюсь произвести впечатление на Ника, просто не хочется, чтобы он думал, будто его мать водит дружбу с теткой, которой надо бриться.

Чтобы убить время, я выпускаю Бобби в сад и сразу жалею об этом, потому что там Крисси развешивает пеленки (естественно, семейство, уважающее зубную пасту с экстрактом полыни, пользуется махровыми пеленками).

— Как у тебя хорошо лежат волосы! — кричит она с улыбкой.

— Правда? Спасибо! — Я притворяюсь удивленной, точно это не я добивалась «пляжной волны» при помощи фена.

— Мне стыдно за свой вид, Вив, — добавляет она. — Ты такая гламурная!

— Вовсе нет, — выдаю я, чувствуя, что краснею. — Ты выглядишь отлично. Никогда не скажешь, что только что родила.

Она морщится и кривится, бормоча что-то нечленораздельное.

— Как вообще дела? — спрашиваю я, подходя ближе. — Я несколько раз видела Тима с Ларой. Она просто чудо. Так на тебя похожа!

— Все хорошо, пожалуй. — Крисси устало улыбается. — И Лара, конечно, замечательная. Но это так изматывает, и иногда меня просто

не хватает — столько всего навалилось. Я совсем забыла, как оно бывает.

— Времени совсем нет, да? — говорю я, вспоминая свои ощущения: запах молока и пеленок, которым пропитано все вокруг, бессменный вонючий халат и вечно длящиеся сутки, в которых день и ночь становятся единым целым. — Я имею в виду кормление и пеленание. Надеюсь, тебе удастся немного отдохнуть.

— Хм, — она трет глаза. — Не помешало бы, но со всеми этими колыбельными, лицевой гимнастикой и прочим...

— Лицевой гимнастикой?

— Ну, *ты* знаешь — «улыбка», «любопытный язычок» и так далее...

— А для чего она? — спрашиваю я, действительно заинтригованная и вспоминая пропагандируемый Пенни подход «благотворного материнского невмешательства», опробованный на Нике.

— *Ты* знаешь, — она изумленно смотрит на меня, — чтобы ребенок копировал выражения лица. Это способствует развитию.

Бог мой, так вот до чего сейчас дошло! Ну, помимо того, что заниматься мне этим не с кем, хорошо, что я уже вышла из репродуктивного возраста.

— Должна сказать, я никогда ничего подобного не делала.

— Ну, ты расслабленная мамочка, и поэтому я тобой восхищаюсь. Но мы обе знаем, что *это* значит.

— Я — нет, — начинаю я.

— Знаешь-знаешь, — настаивает она, и ее глаза вдруг наполняются слезами. — Лудо рассказал мне, как вы живете. Как ты готовила ребятам то, что они хотели, и кормила их блинами вместо настоящей еды. А когда им хотелось завалиться в кровать грязными, ты разрешала им не принимать ванну...

Господи, он, что, писал на меня докладную? И Иззи вообще-то мылась перед сном!

— Это лишь потому, что Лудо *не хотел*...

— И тебя не волнует беспорядок, — продолжает она. — В отличие от меня, ты не бегаешь из угла в угол, вечно все подбирая и стараясь, чтобы дом выглядел опрятно...

— Крисси... с тобой все в порядке? — По ее щекам текут слезы, и у меня тотчас пропадает желание обороняться. Она молча кивает. — Ты просто вымоталась, — добавляю я. — Хочешь, пойдём к нам и выпьем чаю, а Лара пусть немного побудет с Тимом?

— Он на работе, — Крисси шмыгает носом.

— Тогда приходи с ней, — говорю я, прикидывая, что Ник должен объявиться с минуты на минуту, и присутствие Крисси с Ларой может разрядить ситуацию.

— Спасибо, только Лара спит, и я не хочу ее тревожить.

— Тогда ладно. Но если захочешь поболтать, то буду рада в любое время...

— Спасибо, Вив, — она снова трет глаза и через силу улыбается. — Знаешь, как тяжело пытаться делать все сразу...

— Ты слишком себя загоняешь. Я уверена, ты делаешь очень много.

Она встряхивает растрепанными светлыми волосами.

— Тим так говорит. И патронажная сестра. Но я не могу иначе, понимаешь?

— Знакомая история. Ларе всего три недели. Твой организм только что перенес огромное потрясение, и с гормональным фоном полный хаос.

Тоже мне выискалась специалистка по гормонам.

— Я просто ощущаю себя... бесполезной, — кивает она. — Лудо совсем меня не слушает. Я не уделяю ему достаточно внимания.

— С Лудо все в порядке. Он отличный мальчик!

— И с самооценкой у меня, похоже, проблемы, — говорит Крисси, снова принимаясь развешивать белье. — Надо брать пример с тебя, Вив, — ты делаешь укладку, ходишь в красивом платье и не боишься крикнуть, какая ты умница.

— Ты о чем? — хлопаю глазами я.

— Я про следующий день, после того как мы вернулись из больницы. — Она снова выдавливает из себя улыбку. — Я слышала, как ты кричала из кухни...

— Ой, прости, пожалуйста, — быстро говорю я, — это было такое упражнение. В рамках тренинга по саморазвитию. Джулз сказала, что мне надо...

— Не извиняйся, — улыбка Крисси становится шире — воспоминание явно доставляет ей удовольствие. — Но такое не забывается. Я думаю, мне тоже стоит его попробовать.

— Непременно! Оно способствует...

— Уверенности в себе?

— Да, а еще помогает почувствовать себя полной дурой, — я замолкаю, потому что в кармане звонит телефон. На экране высвечивается незнакомый номер. — Прости, Крисси, надо ответить...

Она кивает.

— Спасибо за разговор. Мне действительно полегчало.

Я ободряюще улыбаюсь ей и принимаю звонок, а она уходит в дом.

— Здравствуйте. Вив? Это Ник, сын Пенни.

Судя по всему, Пенни дала мой номер, не спросив разрешения. Чему тут удивляться? Она и в дверь не стучит и не звонит — идет напрямик, как баржа, — хотя в данном случае это разумно, учитывая, что Бобби надо передать с рук на руки.

— Здравствуйте, Ник. Как дела? — говорю я, заходя в кухню с вертящимся под ногами Бобби.

— Хорошо, но вчерашняя съемка затянулась, и мне пришлось заночевать в гостинице. Я только что отъехал с заправки и через пару часов буду у вас. Так что прошу прощения.

— Никаких проблем, — говорю я. — Я весь день дома, поэтому не торопитесь.

Быстро и по-деловому, напоминаю я себе, прохаживаясь по кухне в сопровождении Бобби. Я пытаюсь убедить себя в том, что просто «разминаю ноги», а не марширую из угла в угол, будучи не в силах усидеть на месте в связи с грядущим визитом Ника. Обойдемся без долгих разговоров, напоминаю я себе, снова глядя в зеркало и размышляя, не слишком ли взбиты волосы, а то вдруг он испугается. И вообще, он, вероятно, очень занят, просто возьмет Бобби и уйдет.

Ровно в час дня Ник сидит у меня на кухне, и я кормлю его ланчем.

Глава двадцать третья

Ланч

Было бы невежливо не предложить, учитывая, что Ник появился именно в тот момент, когда у меня начинало сосать под ложечкой. Я уже решила, что о традиционном перекусе, состоящем из хумуса, помидоров черри и крекеров, иногда еще груши или мандарина, если уж очень захочется. И дело не в том, что он обо мне подумает, — просто в холодильнике я наткнулась на пармезан, бекон и сметану, а еще у нас всегда есть большой запас чеснока для «Готовим с Иззи!». Без него не обходится ни одно вкусное блюдо — это закон.

— Вы голодный? — спрашиваю я после скованных приветствий, вопросов о делах и, «блин, как неловко вышло в тот раз, когда вы были тут с мамой» («С мамой»! Точно ему девять лет). Ник поначалу отнекивается, но тут же выясняется, что он проделал весь путь от Китли в Йоркшире, где снимает фильм о паровозах, и последний раз перекусил засохшим круассаном часа три назад.

— Вкусно пахнет, — замечает он, когда я готовлю соус, которого должно хватить на двух персон.

— Это так, ничего особенного.

Тут до меня доходит, чем я занимаюсь: пытаюсь создать впечатление, будто я, точно этакая Найджела Лоусон^[3], шутя-играючи готовлю карбонару, когда сижу дома одна в ненастный понедельник.

И вот мы дружно поглощаем пасту, и он спрашивает:

— А сколько вы знаете маму?

— Лет пять, — говорю я и посвящаю его в подробности нашего знакомства в парке и последующих встреч, не забывая сообщить о том, как она нравится моей дочери. — Пенни — замечательный человек, — добавляю я.

— Это так, — говорит Ник. — В своем роде уникальный. Жаль, что мы мало видимся.

— Давно вы живете в Новой Зеландии?

— Скоро будет десять лет, — отвечает он.

— Вы переехали туда по работе или...

— Вообще-то нет, — мужчина улыбается.

У Ника ее скулы и такие же серо-голубые глаза. Короткие темные волосы слегка тронуты сединой, телосложение стройное, даже скорее худощавое, в черной футболке и джинсах он выглядит моложе своих лет, держится слегка застенчиво и определенно не осознает своей привлекательности.

— Я был на каникулах в Сан-Франциско, — продолжает он, — и кое с кем познакомился. Все так быстро закрутилось. Она из Окленда — мы переехали туда и поженились, но ничего у нас не вышло. — Ник кладет вилку в миску и пожимает плечами.

— Но вы решили остаться? — подсказываю я.

— Да, там моя карьера пошла в гору, а здесь мне не очень везло, — он самоиронично улыбается. — Не знаю, в чем причина — может, это эффект большой рыбешки в маленьком пруду? Как бы то ни было, мне повезло, а последний проект, про паровозы, — просто бомба. В том смысле, что я могу работать и видеться с мамой.

Я киваю, теперь хорошо представляя, как им жилось тогда: удручающего вида квартирка, внизу — лающие собаки, наверху — бордель. Пенни перевезла их обратно в Глазго, нашла тот первый магазин, а когда дела пошли на лад, каким-то образом убедила своего покровителя профинансировать открытие других бутиков. Хотя мне хочется подробнее расспросить Ника о детстве и его матери, я прикусываю язык. Уверена, его всю жизнь донимают вопросами о маме.

— А вы чем занимаетесь? — интересуется Ник, когда я убираю со стола посуду.

— В настоящее время просто зарабатываю на жизнь.

— Понятно. А что за работа?

Я рассказываю ему про «Флакико» — только сухие факты, ну и про «кроликгейтский скандал», для оживления повествования.

— Серьезные дела! — восклицает он. — И как, по-вашему, это случилось?

Я готовлю кофе и улыбаюсь.

— Вы же не станете снимать про это документальный фильм?

Ник смеется, и я думаю, как легко с ним общаться и как глупо было переживать насчет его прихода.

— Обещаю.

— Похоже, это не было случайностью.

— Да вы что?!

— Да, — я киваю и наливаю нам кофе. — Судя по всему, это продолжалось не один год. Возможно, по халатности, но ходят слухи, что компания не успевала со срочным заказом и отправила не ту продукцию, — я морщусь. — Страшно представить, насколько похож состав нашей еды и кормов для животных. Но сейчас скандал замяли, компанию реструктурируют в поставщика свежих, современных, полезных продуктов питания, так что, пожалуй, это случилось не зря.

Он улыбается, и разговор переходит на Иззи и Спенсера — у Ника детей нет, — и я не успеваю заметить, как несколько часов уже позади.

— Простите, — говорю я, — мне надо забрать Иззи из школы.

— Извините, пожалуйста. Я отнял у вас целый день.

— Не извиняйтесь! Мне было приятно узнать вас поближе.

Он ищет глазами Бобби, который все это время лежит возле моих ног.

— Спасибо за ланч. Это было вкусно.

— Не за что!

— И что присмотрели за Бобби.

— Всегда рада, — говорю я.

Мы принимаемся несколько суматошно собирать имущество Бобби: шикарную корзинку, отделанную мехом, «дневную» подушку и флисовый плед, теннисные мячики, миски для воды и еды, «запасной» фарш в пластиковом контейнере, который Пенни сказала держать в холодильнике «на случай, если что-то пойдет не так». Весь этот скарб навьючен на Ника, как вчера он был навьючен на Пенни. Если бы я знала, что Бобби заявится с таким количеством барахла, я помогла бы ей с доставкой. Поэтому, несмотря на протесты Ника и желая избавить его от необходимости идти за арендованной машиной, оставленной возле дома Пенни, я помогаю ему донести все до ее квартиры. За десять минут пешком я успеваю рассказать ему о проблемах музея и о плане устроить модный показ в ее честь.

— В самом деле? Это было бы круто!

— Но я не знаю, как она это воспримет, — добавляю я.

— А почему?

Я рассказываю ему про тот вечер с Айлой и Хэмишем, когда обсуждалось будущее музея, и как Пенни отбрыкивалась от этой идеи даже в качестве консультанта.

— Очень похоже на маму, — говорит он. — Порой она бывает на удивление скромной и не считает себя экспертом ни в какой области.

— Мне непонятно почему.

— Мне тоже. Значит, мероприятие будет посвящено ей и бутикам «Мисс Пятницы»?

— Да. По крайней мере, я так себе это представляю, если они согласятся. Вам ведь эта идея не кажется безумной?

Мы уже подошли к дому Пенни — симпатичному зданию, построенному в 1960 году, с аккуратным общинным палисадником, и Ник запускает нас в подъезд. Он отстегивает поводок Бобби, и тот припускает вверх по лестнице впереди нас.

— Нет, конечно.

Ник отпирает квартиру на втором этаже, и я медлю на пороге.

— А если затея получится, то вызванная ею шумиха и внимание не будут ее напрягать?

Бобби забегает в квартиру, а Ник улыбается.

— Как вам, конечно, известно, фокус в том, что с мамой никогда не знаешь, как она отреагирует. Возможно, будет потрясена или решит, что недостойна, или... — он замолкает. — Возможно, придет в восторг и будет очень польщена. Это более вероятно. Я уже много лет твержу ей, что надо попытаться возродить бренд «Мисс Пятница». В наши дни ретро и все, связанное с семидесятыми, пользуется большой популярностью. И будет здорово, если на этом жизненном этапе она наконец получит признание.

— Вы не представляете, как я рада, — говорю я и прямо готова его обнять. — Это именно то, что я надеялась от вас услышать.

— Но лучше пока держать все в секрете, — добавляет Ник. — Я имею в виду на ранней стадии планирования. Чтобы она не подняла бучу и не спряталась в кусты. Сами знаете, какой ершистой и упертой она бывает.

— О да, знаю. Об этом я тоже думала и содрогаюсь при мысли, что она угробит затею раньше, чем мы начнем ее осуществлять, — я запинаюсь. — А раньше ей не делали подобного предложения?

— Уверен, что делали, только ничего не вышло. — Он нежно улыбается. — Я точно знаю, что ворошить прошлое, как она сама выражается, — для нее болезненная тема. Но, возможно, сейчас — подходящий момент, учитывая, что вы с ней подруги, она вам доверяет, что здесь ее родной город и, возможно, это поможет музею, который приходит в упадок...

Бобби прибегает обратно, и Ник берет его на руки.

— Одним словом, действуйте и, если потребуется моя помощь, дайте знать.

Позднее, глубокой ночью

«Ватная голова» — менее известный симптом менопаузы, и нынче ночью он мешает моим планам. Окрыленная разговором с Ником, я выметаю «вату» из всех углов и принимаюсь составлять предложение, которое включает:

- Причины, почему данное мероприятие идеально подходит для проведения в нашем городе.

- Широкий охват аудитории: студенты-модельеры, фанаты стиля 70-х, люди, которые помнят эти бутики и покупали там одежду выходного дня (ностальгический аспект).

- Как мы планируем собирать коллекцию «Мисс Пятницы» (я сознательно пока не углубляюсь в этот вопрос, поскольку опасаясь лишиться внезапного прилива уверенности. Я просто представляю себя кричащей на кухонном столе, в то время как Джулз одобрительно смотрит снизу).

- «Ключевые» модели периода расцвета бренда. Проводить изыскания по этой теме было особенно увлекательно. Я считала, что «Мисс Пятница» специализировалась в основном на платьях и комбинированной одежде, но, оказывается, аксессуары тоже играли большую роль: сумочка «Джинти», широкополая шляпа «Карли», поясok «Рита» из рыжей замши. А какой был трикотаж — нет слов! Помимо симпатичных свитеров и маек, выпускались шерстяные платья, вязаные топы и, наконец, легендарное пончо «Пиппа» — взрыв красного, оранжевого и желтого цветов, с экстравагантной бахромой по низу и помпонами на горловине. Пончо украшало обложки всех

журналов, было неременным атрибутом гардероба моделей и знаменитостей и олицетворяло самый дух «Мисс Пятницы»: весело, ярко, живо. Без «Пиппы» нам никак не обойтись — оно должно быть на афишах и всех рекламных материалах. Если за ним придется ехать в Корнуолл, значит, так тому и быть.

- Как будет проводиться сам показ (с помощью моделей из местных агентств? И, возможно, женщин старшего возраста, которые в прошлом носили эту одежду?)

- Затраты: сложно прикинуть, но по мере того как летят ночные часы, я чувствую, что со мной что-то происходит, внутри что-то крепнет: это пронзительная радость, которую я не испытывала давным-давно. Чего бы мне это ни стоило, я должна это осуществить. Подобно тому, как Пенни «просто» создавала свои наряды «из головы», мне нужно «просто» убедить музейных бонз в том, что это будет потрясающее мероприятие и что они будут полными идиотами, если откажутся.

Глава двадцать четвертая

Вторник, 12 сентября

Предложение закончено — я шлифовала его до глубокой ночи, отвлекаясь на периодические крики Лары по соседству. Пожалуй, я им довольна. В нем, безусловно, чувствуются мой энтузиазм и увлеченность. Под конец я совсем разошлась — расхвалила Пенни на все лады, какая она выдающаяся местная достопримечательность, не оцененная по заслугам — по крайней мере в последние годы.

В обеденный перерыв я отправляю предложение Айле. Мы договорились, что она пробежит его глазами, подправит, если нужно (поскольку лучше меня владеет музейной терминологией), а потом отнесет коллеге, уполномоченной решать вопросы о проведении временных выставок и мероприятий.

В ожидании ответа Айлы я вся как на иголках. Голова снова «ватная» — это из-за нее я тогда уронила ключи в почтовый ящик, — Роуз весь день на совещаниях и требует то чай, то кофе. Я мухой ношусь туда-сюда с подносами, наконец она бросает на меня взгляд и вспоминает про печенье:

— А что, Вив, рассыпчатые хлебцы еще остались?

На часах больше половины пятого, когда от Айлы приходит сообщение: «Правка не нужна, все идеально. Сейчас распечатаю и, как только будет ответ, сразу сообщу. Ты — молодец!»

Рабочий день близится к концу, я вся в радостном возбуждении, и тут у моего стола останавливается Роуз.

— Ну как, все в порядке? — спрашивает она.

— Да, все хорошо, спасибо.

Роуз внимательно смотрит на меня, точно я что-то сделала с собой, не то с лицом, не то с волосами, а с чем именно, она не может взять в толк.

— Спасибо, что действовала так расторопно. Я про чай и кофе.

— Нет проблем, — говорю я.

— И спасибо, что решила вопрос с PowerPoint.

— Сущие пустяки, — я улыбаюсь ей, Роуз идет к выходу, но потом оглядывается.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, что я ценю твои усилия, — говорит она, встречаясь со мной взглядом, потом вскидывает на плечо ремешок кожаной сумки и направляется к лифту.

Пятница, 13 сентября

Я знаю, что прошли всего сутки. Люди они занятые и, разумеется, ответят не сразу. Но день уже на исходе, а от Айлы по-прежнему ни слуху ни духу. Когда-то я также смотрела на телефон в ожидании звонка от мальчика или кого-то еще, и папа, перехватив мой негодующий взгляд, заметил с улыбкой:

— Телефон никогда не звонит, если на него смотреть.

— Отстань от нее, — одернула его мама. — Так ты делаешь только хуже.

Он взглянул на меня и усмехнулся:

— Я могу сделать звонок или лучше не занимать линию?

В этом был весь папа — мягко подтрунивающий и умеющий вызвать у меня улыбку даже в гневе. Но сегодня пятница, 13-е, и хотя я не суеверна, но, может, оно и к лучшему, что новостей нет?

Я на работе и не могу постоянно проверять сообщения, поэтому прячу телефон в ящик стола.

Суббота, 14 сентября

По-прежнему никаких известий из музея. Вряд ли уполномоченные принимать решения сегодня вообще на месте, а за горсткой посетителей, любующихся керамикой, присматривает дежурный администратор. Мне ли не знать их порядки. Персонал там услужливый, крутится рядом, все показывает и рассказывает — про корсеты, расшитые драгоценными камнями, и миниатюрные костяные гребешки — из лучших побуждений, хотя порой хочется просто побродить и чтобы никто не мешал. Напомнив себе, что нет смысла то и дело проверять сообщения, я снова принимаюсь за поиски

комиссионных магазинов, чтобы дополнить перечень, и с восторгом обнаруживаю пару вещей на *eBay* — блузку бананового цвета и ярко-оранжевый топик — и сразу делаю запрос.

Энди приходит, чтобы забрать Иззи на прогулку, и вид у него по-прежнему неважный. Я не буду спрашивать, почему он арендует квартиру над сырным магазином. Не буду, и все тут.

И приставать к Айле насчет предложения я тоже не буду. *И все тут.*

Воскресенье, 15 сентября

День выдался прохладный, ясный, безоблачный, и, поскольку Иззи не сидится дома, я предлагаю взять Мейв и пойти в парк. Когда мы, направляясь к качелям, пересекаем открытое пространство, обе принимаются на что-то указывать.

— Мама, смотри! — оборачивается ко мне Иззи.

— Что там? — Я ничего особенного не вижу.

— Это Бобби! Но он без Пенни.

Я уже готова сказать, что тогда это не Бобби и, насколько мне известно, мы — единственные, кому разрешается гулять с ним.

— Он с мужчиной, — объявляет Иззи. — Почему Бобби с ним? Кто он?

Я прослеживаю ее взгляд и, заметив в отдалении Ника, машу ему, а он машет в ответ.

— Это Ник, сын Пенни, — объясняю я и удивляюсь тому, как рада снова видеть его. Мы подходим ближе, и я представляю девочек.

— Ник живет в Новой Зеландии, — говорю я, — но сейчас работает здесь и проводит время с мамой.

— Пенни — ваша мама? — Иззи смотрит на него с интересом.

— Так точно, — улыбается он.

— А Новая Зеландия далеко? — спрашивает Мейв.

— До нее примерно восемнадцать тысяч километров, — отвечает Ник.

— Вы живете так далеко от мамы?! — восклицает Иззи.

— Увы, да, — улыбается Ник.

— А почему? — недоумевает Иззи.

Он смеется и ловит мой взгляд.

— Просто так сложилось. Но здорово, что я снова попал сюда на пару месяцев. Я надеялся, что подвернется работа, так и вышло.

— Ник снимает документальное кино, — объясняю я.

— Про пингвинов и все такое? — с надеждой спрашивает Иззи.

— Пока нет, — улыбается он, — но никогда не знаешь, как повернется. Сейчас я работаю над фильмом про паровозы.

— А, — разочарованно произносит Мейв.

— Но вообще-то мне интересно знать, про что хотят смотреть зрители, — добавляет он.

— Может, Ник захочет снять «Готовим с Иззи!» — в шутку предлагаю я.

— А что это? — спрашивает он, и Иззи сбивчиво рассказывает, а потом уносится вперед с Мейв и Бобби. Мы с Ником движемся следом за ними к озеру.

— Еще раз спасибо за ланч, — говорит он.

— Пожалуйста.

Сегодня на нем светло-серая футболка и джинсы; он немного загорел и слегка зарос щетиной. Я решаю, что ему идет. Мне по-прежнему не удастся сопоставить его с размытой фотографией, которую показывала Пенни, и теперь, когда мы знакомы чуть ближе, не могу представить, что «от него столько суеты», как выразилась Пенни, и что он считает ее совершенно непригодной к жизни.

— А как у вас дела? Как живется с мамой? — спрашиваю я.

— Отлично, — улыбается он, — я уже акклиматизировался к ней.

Я бросаю на него взгляд. Иззи и Мейв устроились на качелях и соревнуются, кто раскачается выше.

— Акклиматизировались?

— Она замечательная, только вы сами знаете... — смеется он.

— Да, конечно.

— Но вообще это все из-за меня, — добавляет Ник — пока мы идем, он держит руки в карманах.

— *Что* из-за вас?

Он молчит, точно раздумывая над тем, как поточнее выразиться.

— Видите ли, мы с мамой были очень дружной командой. Я имею в виду, пока я рос...

— У меня сложилось впечатление, что как мама она была довольно... расслабленной — Я смотрю на него, надеюсь, что он поделится своими впечатлениями о собственном детстве. На память приходят «Райское наслаждение» и инцидент в библиотеке.

— Именно так, — говорит Ник, — в лучшем смысле этого слова. Она относилась ко мне как к маленькому товарищу. Мама всегда считала, что с детьми надо обращаться так же, как со взрослыми.

— Значит, вы с ней были очень близки?

— Да, все время, пока я рос, а потом набрался храбрости и стал путешествовать — сначала ради удовольствия, а затем — по работе, и тут начались сложности.

— В каком смысле?

— Это оказалось болезненным для нас обоих, — вздыхает он, — но меня тянуло на приключения. Так что ей, наверное, было гораздо тяжелее. Нет, она не пыталась мне помешать и не устраивала сцен, но я знал, что, уезжая навсегда, делаю ей больно.

— Уверена, что так и было, — тихо говорю я.

— Поэтому, когда я ненадолго приезжаю, мама становится очень... предупредительной — пожалуй, точнее не выразиться.

— В самом деле? — Меня так и тянет сказать, что, по ее словам, он проверяет пыль в ее квартире и холодильник — на предмет старых продуктов, но я не уверена, что эта информация будет воспринята с пониманием. — Вы имеете в виду, что она все для вас делает?

— Вот именно! С самыми благими намерениями, не спорю, но я не могу допустить, чтобы в мои-то годы мне готовили ванну — в сорок пять лет!

Мы хохочем.

— Она считает, что вы не в состоянии разобраться с кранами?

— Видимо, так, — усмехается он.

— Хорошо, что она не чистит для вас вареные яйца от скорлупы.

— Она уже подбиралась с чайной ложечкой, — смеется Ник.

Некоторое время мы идем в молчании, и я представляю себе, как Пенни суетится вокруг него — по ее словам, все было с точностью до наоборот.

— Наверное, она очень по вам скучает и теперь, когда вы рядом, изливает на вас все нерастроченные любовь и заботу, не думая о том, что вы уже совсем взрослый.

— Пожалуй, так, — Ник улыбается.

— Она — мама, и с этим ничего не поделать, — добавляю я. — Мы переживаем и всегда остаемся родителями для наших детей. К примеру, я знаю, что мой сын Спенсер не ахти какой повар. Ему двадцать два, и уже четыре года он живет отдельно, но, когда я узнаю, что в воскресенье он будет готовить ростбиф, я не успокоюсь до тех пор, пока не отправлю ему термометр для мяса.

— Что очень дальновидно с вашей стороны, — говорит Ник.

— И, вероятно, глупо, — усмехаюсь я. — Вряд ли он им пользуется.

— Но вам так спокойнее, — добавляет он, и я смеюсь. Надо сказать, меня впечатляет его умение «схватывать на лету».

— Отчасти, да.

— А велосипедный шлем вы тоже ему купили?

— Да! — восклицаю я. — На прошлое Рождество.

— Я так и думал. И как, ему понравилось?

— Само собой, — ухмыляюсь я, — причем настолько, что он едва не забыл его, когда уезжал к себе в Ньюкасл. Могу предположить, что коэффициент изношенности шлема составляет 0 %.

— Ну, зато вы сделали все, что могли, — усмехается Ник и делает паузу. — Поймите, я не жалею на маму...

— Да, я понимаю. Вы просто рассказываете. — Ник улыбается, соглашаясь. — Мы оба знаем, какая Пенни чудесная.

— Конечно.

— Она с самого начала стала мне близкой подругой, — продолжаю я, — но особенно когда... — я запинаюсь, — ...открылась правда про моего мужа. Оказывается, он встречался с другой женщиной, еще когда мы были вместе, — быстро говорю я, уже жалея о том, что делюсь такой личной информацией. — Она всегда была готова поддержать и выслушать, когда мне хотелось поговорить. — Я откашливаюсь. — Пенни замечательная, вот.

— Да, — кивает Ник, и я понимаю, что он переваривает эту новую для него информацию, из чего следует, что Пенни, очевидно, еще не успела ввести его в курс дела. — Должно быть, это было непростое для вас время.

— Так и есть, но сейчас он ушел, — говорю я. — По крайней мере, его уже нет в моей жизни. То есть мы общаемся только по

необходимости, но такое случается, верно?

— Э-э, да, конечно.

— И все продолжают жить своей жизнью, — добавляю я и понимаю, что начинаю перебарщивать с информацией. — Да, хотела вам сказать, что я написала и отправила предложение по «Мисс Пятнице».

— Отлично, — говорит он. — И что слышно?

— Пока ничего. Неизвестность сводит меня с ума. Знаю, прошло всего три дня и мне не следует вести себя так по-детски... — Я умолкаю. — Если они согласятся, мы могли бы встретиться и поговорить о вашей маме, о том, каким вам запомнилось то время? — Я осекаюсь: на память приходят интервью и рассказ о том, как сложно все начиналось для Пенни. — Если это для вас необременительно, — добавляю я, а Ник смеется.

— Обременительно? Да ничуть. Я же сказал, что буду рад помочь. И даже когда вернусь в Новую Зеландию, всегда буду на связи и доступен для сообщений и звонков.

— Это здорово, спасибо.

— Знаете, мне всегда хотелось снять фильм о маме. Это же готовая тема — история Пенни Барнетт со времен швейной машинки на обеденном столе до вершины успеха и почему все закончилось. Вся загвоздка в том, чтобы разговорить ее, но это маловероятно. Я неоднократно пытался уломать маму, но она ни в какую.

— Как вы думаете, почему? — заинтригованно спрашиваю я.

Ник пожимает плечами — к нам со всех ног несутся девочки наперегонки с Бобби.

— Подозреваю, что дело в *нас* — я слишком близок к ней, и, возможно, она опасается, что всплывет что-то лишнее, — Ник пожимает плечами. — Но это только предположение. Возможно, для нее это слишком много суеты, в которой она не видит смысла.

— Пожалуй. В любом случае жаль. Фильм о ней был бы потрясающим.

— Да, но я как раз хотел сказать, что мероприятие, которое предлагаете вы, — с показом и выставкой — это тоже отличная идея, а в некотором отношении даже более выигрышная.

— Неужели? И в чем именно?

— Это будет более реально — демонстрация аутентичных моделей в ее родном городе, словно «Мисс Пятница» возродилась. И, кто знает, чем это обернется для нее?

— Иными словами, если Пенни согласится на то, чтобы ее жизнь была выставлена на всеобщее обозрение, — я смотрю на него и улыбаюсь.

— Да. Но, если честно, я думаю, она обрадуется, — говорит Ник, когда наша компания начинает двигаться к воротам парка. — Да и как иначе?

Глава двадцать пятая

Понедельник, 16 сентября

Обеденный перерыв. В меню салат из шпината, запеченной цветной капусты, зерен граната со свежей зеленью и декорированный лепестками. Лепестками! Прежде растительность водилась только в приемной, и это была многострадальная юкка. А сейчас столовая предлагает блюда, которые как будто сошли со страниц гастрономического журнала, и это один из позитивных моментов происходящих перемен. Инновационные платформы организуются, и команды формируются. Средний возраст сотрудников снизился с пятидесяти до двадцати пяти лет. Куда ни посмотри, везде молодежь в джинсах, обтягивающих футболках и коротеньких сарафанчиках, а порой даже в шортах и спортивных костюмах. И целый день играет музыка. Наша контора уже не напоминает «мозговой центр для экструдированных гранулированных снеков» и скорее похожа на модный магазин.

Вместе с Белиндой и Джин я сижу за любимым угловым столиком, налегаю на ланч и даю себе молчаливое обещание забыть про предложение, набраться терпения и ждать. Вчера вечером я поддалась искушению и набрала Айле, якобы просто поболтать, и прослушала историю о том, как Меган, ее дочь, долго ныла насчет наращивания волос (в отличие от примитивных акриловых трессов, которые я когда-то безрезультатно выпрашивала у мамы, сегодняшние наращенные волосы выглядят натурально и просто кажутся гуще). Наконец Айла сдалась и раскошелилась — ее первая машина стоила дешевле, — но волосы оказались некачественными и спутались.

Я сочувственно охала и, разумеется, *искренне сопереживала* из-за колтунов, но на языке у меня все время вертелось: «А что с предложением? Как думаешь, его уже прочитали?»

Затем Айла поведала о том, как учит Дэнни водить машину и как пот льет с нее градом все время, пока сын сидит за рулем.

— Честно говоря, я не думала, что меня на это хватит. С такой жизнью, как у меня, откуда только силы берутся?

На этом ей пришлось закончить разговор, потому что ее младшенький, Роун, куда-то собрался и ему требовались деньги. До предложения так дело и не дошло.

Я заканчиваю ланч и остаток дня работаю не покладая рук. И вот, когда я еду домой под проливным дождем, раздается звонок. Затормозив у школы, я первым делом проверяю телефон. Айла! Я сразу перезваниваю.

— Привет! Все в порядке?

Она откашливается.

— Есть минутка? Я хочу сказать, тебе удобно разговаривать?

У меня в буквальном смысле *одна* минута, потому что детей надо забирать до пяти часов. Я паркуюсь на боковой улочке и замечаю смутно знакомую пару — женщину и ребенка, спешащих под дождем. Мужчина в желтой сигнальной куртке подбирает мусор при помощи «хваталки», которую так жаждал опробовать Энди.

— Вполне, — говорю я. — Ну что, распутали колтуны?

Я понимаю, что тяну время, боясь услышать плохие новости. Мы дружим с семи лет, и я уже по первым ее словам знаю, что ей неловко.

— Нет, придется делать коррекцию. Для меня волосы Мег — как вторая ипотека.

Я послушно хихикаю. *А теперь рассказывай, что случилось и почему, по их мнению, это плохая идея.*

— Ну вот, — продолжает она, — я при первой возможности отдала твое предложение Ханне...

— Так... — Я стараюсь звучать позитивно.

— Она — старший менеджер по организации выставок, — объясняет Айла. — На прошлой неделе ее не было. Мне сказали, что лучше дождаться ее возвращения, что только она принимает решения... — Она умолкает.

— Плохие новости, да?

— Мне очень жаль, Вив, — Айла вздыхает. — Я знаю, ты убила на это кучу сил. Сегодня — первый день, как она вышла, и, возможно, если бы я подождала... — Мое сердце готово разорваться. — Но я поспешила, мне не терпелось поделиться с ней.

— Значит, она категорически отказала?

— Не совсем. Не хочу сказать, что она сочла твою идею ужасной. Ханна увидела в ней потенциал и сказала, что мы могли бы поговорить, если бы не весь этот хаос после того, что произошло нынче утром...

— Погоди... А что произошло?

— Акт вандализма. Кто-то зашел в отдел природы с молотком или чем-то еще — с чем именно, я не знаю. В тот момент я была в кафе. Это был какой-то ненормальный. Он начал крушить витрины, угрожал сотрудникам, кричал, что освободит их...

— Освободит *сотрудников*?

— Нет — экспонаты. Песца и белку. Дикого кота и оленя.

— Чучела? Жуть какая!

— Весь этаж раскурочен. Одному богу известно, сколько еще он будет закрыт. Если вообще откроется.

— А что он имел в виду, говоря, что освободит их?

— А я знаю?! — восклицает она. — Это чучела, черт побери. Большинство из них лет сто пятьдесят как мертвы. Он что думал, они обратно в лес поскачут?

— И леса поблизости нет.

— Ага, только супермаркет через дорогу, — фыркает Айла. — Вот такие дела. Ханне идея понравилась — возможно, она подошла бы для другого музея или даже для нас, если бы не это, и будь у нас время и средства организовать что-то подобное. Но увы. Сейчас у нас команда «свистать всех наверх» — оценивать убытки и затраты.

Я бросаю взгляд на цифровой дисплей — время поджигает.

— О'кей, в любом случае спасибо, что показала.

— Мне очень жаль, Вив. Казалось, это отличная идея. Я просто убита.

— Я тоже, ну да ладно. Мы попытались, верно? И идея действительно была классной. Но я сейчас в школе и мне пора.

Вторник, 17 сентября

Не к лицу мне киснуть из-за отвергнутого предложения, когда в музее случилась такая жуть. Учинить в нем погром, когда он без того

под угрозой закрытия, это так же низко и гадко, как отнять кошелек у немощного пожилого человека.

И что, в самом деле, за дикая фантазия! Я могу понять, когда речь идет об освобождении инкубаторных куриц и лабораторных животных, то есть о *живых* существах. Но при чем тут побитый молью горностай, который сидит «за стеклом» года этак с 1867-го? Надо выбросить все это из головы и сосредоточиться на том, что действительно важно.

Например, на Иззи, которая ликует при мысли, что для нее наконец-то освободилось место в отряде «брауни» (листы ожидания есть не только у сумок класса люкс, но и у местных скаутов), а это значит, что она может быть зачислена уже на следующей неделе.

Весь вечер мы ищем в интернете про «значки брауни» и решаем, что для начала ей подойдут следующие направления:

Рисование

Выпечка

Изобретательство

Развитие внимания (это точно...)

Вырасти сам

А я? Я могу думать лишь о том, сколько времени, сил и надежд было вбухано в это предложение и как бездарно все закончилось. И даже значка «Она хотя бы попыталась» мне не светит.

Глава двадцать шестая

Четверг, 19 сентября

Паршивый день по всем статьям. На работе — рутина, а дома выясняется, что Иззи, похоже, простудилась. Она вялая и вся в соплях. Я пытаюсь ее подбодрить, говорю про предстоящий скаутский лагерь и выражаю надежду, что она сможет поехать. Вчера вечером, когда я забирала ее с первого собрания, Иззи была в таком восторге. В отряде много ее друзей (включая Мейв), и поэтому ей все знакомо и одновременно по-новому волнующе.

Но сегодня дочка лежит на диване, укрывшись одеялом, прихлебывает горячий сквош из черной смородины и, судя по всему, упивается жалостью к себе.

Пятница, 20 сентября

Поскольку Иззи стало хуже, мне пришлось взять отгул. Надо отдать должное Роуз, в этом случае она всегда идет мне навстречу. Иззи в основном дремлет или мутным взглядом смотрит мультики. Я занимаюсь домашними делами, стараясь не думать про предложение и концентрироваться на положительных сторонах жизни.

Например: спальня определенно преобразилась после того, как Энди забрал дурацкий торшер с темно-оливковым абажуром, украшенным кисточками, который ему так нравился, а я ненавидела. Внушающий опасения тепловентилятор, опять же, тью-тью. Это, конечно, мелочи, типа соломинки — утехы утопающего, но я стараюсь не пренебрегать и малыми поводами для радости.

Суббота, 21 сентября

Пенни заглядывает к нам с Ником и Бобби, который оказывает бодрящее действие на все еще хворую Иззи. Я заметила, что у Пенни

— новая «затея»: теперь она побуждает меня рассказать Нику одну из моих якобы «уморительных» историй. «Расскажи Нику про тот случай, когда...» — то и дело повторяет она. Я толком не понимаю, зачем ей это, точно я не способна общаться с другими людьми без ее помощи. Хочется думать, что Пенни не пытается представить меня в «лучшем свете», то есть не занимается сводничеством, в надежде на то, что между мной и Ником пробежит романтическая искорка (признаю, он — замечательный, красивый, умный и все такое — *для той, которая ищет Таких Отношений*).

Когда я наливаю им кофе на кухне, подруга принимается спрашивать про Энди и о том, удалось ли мне выяснить, почему он снял квартиру над магазином сыров — тем самым, судя по всему, пытаюсь сигнализировать: «Ник, моя подруга Вив свободна. Прими к сведению».

— Я стараюсь общаться с ним по минимуму, — с улыбкой говорю я.

Она заходит с другого бока.

— А сколько от него нытья было по всяким поводам! Типа булочек в больничной столовой. Расскажи Нику про булочки, — подсказывает она.

— Про какие булочки? — искренне недоумеваю я.

— Ну, там еще была упаковка масла в фольге.

О господи. На память тут же приходит история того времени, когда Спенсер учился играть на гитаре. Всякий раз, когда приезжали родители Энди, он говорил: «Спенс, тащи гитару и сбадай „Виски во фляге“ для бабушки и дедушки». Тот послушно приносил инструмент и играл, кипя от внутренней обиды, пока наконец в тринадцать лет не отказался раз и навсегда.

— Ты говоришь про больницу? — спрашиваю я, и Пенни кивает.

Я начинаю с фоновой информации — про вечные жалобы Энди на больничную парковку, низкое качество туалетной бумаги и крохотные упаковки масла в фольге, настолько твердые, что однажды в столовой ему пришлось сесть на него, чтобы размягчить, а оно потекло и оставило на брюках жирное пятно.

Ник смеется, но не так естественно и спонтанно, как в других случаях. Возможно, моему исполнению не хватало артистичности. Не люблю, когда меня заставляют пересказывать подобные анекдоты.

Среда, 25 сентября

Иззи наконец-то поправилась и сегодня пошла в школу. Это значит, что вечером — ура-ура! — она сможет пойти на собрание «брауни», а в выходные — поехать в скаутский лагерь в Пертшире. Когда я останусь одна — но только *не в одиночестве*, — временем надо распорядиться с умом. Пусть предстоящий уик-энд будет посвящен активному отдыху и культурному досугу: посещению музеев — нет, только не музеев! Пока с меня их хватит.

Тогда схожу в кино. И, возможно, позанимаюсь спортом: немного побегаю трусцой или схожу в бассейн — попробую бороться со складками жира, которые, похоже, изо дня в день растут на животе. Возможно, даже сделаю кружок на велосипеде. Итак, решено: это будет уик-энд, проведенный активно и осмысленно, с пользой для здоровья, благотворный для тела и духа. Уже предвкушаю.

Суббота, 28 сентября

Надо попасть на чердак, поэтому пришлось попросить Энди, чтобы зашел, и это бесит. Ненавижу обращаться к нему за помощью. Терпеть не могу его услужливое «Конечно, всегда рад!», поигрывание мускулами с пенисом наперевес, потому что это напоминает его период «услужливого эльфа», когда он менял лампочки и копошился по дому, а сам тем временем тайком трахался с Эстелл Ланг.

Но сейчас это уже не важно. На чердаке хранится наше не востребовавшее походное снаряжение (из-за обострений то люмбаго, то ишиаса Энди так и не вкусил палаточной жизни), а поскольку я забыла купить Иззи новый спальный мешок для скаутской вылазки — что позволило бы избежать текущего сценария, — теперь нужно проникнуть через неудобный люк в темное чердачное пространство, а на это способен только он.

На что-то же у него хватало сноровки, соображаю я. На чердак он определенно проникал с большей охотой, чем ко мне в трусы.

Сейчас он там, шурует почем зря и весело напевает. Несколько минут спустя герой появляется из люка, спускается по шаткой

приставной лестнице и, точно рыбацкий улов, вручает мне спальный мешок.

— Получите и распишитесь!

— Спасибо. Сам знаешь, что откинуть этот люк мне не под силу. Но даже если бы получилось, мне всегда кажется, что он свалится мне на голову.

Физиономия Энди становится озабоченной.

— Даже не думай! Просто позвони мне. — Мы идем вниз, и я готовлю ему кофе. — Ты всегда можешь на меня рассчитывать, — добавляет он.

— Вряд ли мне еще что-то понадобится, — быстро говорю я.

— О'кей.

— А если и понадобится, то я кого-нибудь вызову.

— Ну да, просто я подумал, что надо сказать, — говорит Энди со смиренным видом.

Появляется Иззи, сжимая в руке «походный список», который ей дали на последнем собрании «брауни». Она настояла на том, чтобы собрать все самой, но я, разумеется, все проверю перед тем, как она уедет сегодня днем (я понимаю, что времени у нас в обрез и что остальные девочки-скауты, вероятно, упаковали вещи еще неделю назад).

— Здесь сказано «не забудь захватить игрушку», — объявляет она. — Мне взять Пушистика?

Иззи имеет в виду вязаный сэндвич.

— Думаю, да, — говорю я.

— А надо мной не будут смеяться?

— Конечно, нет, — восклицаю я. — С чего вдруг?

— Думаю, Пушистику больше понравится спать в палатке, чем папе, — смеется она.

— Мне очень понравилось! — возражает Энди.

— Ты, папочка, говорил, что глаз не сомкнул, — напоминает дочь. — У тебя болела спина и разыгрался этот... как его, из-за которого ты кричал на маму.

— Ишиас, — подсказываю я.

— Да, но это был ценный *опыт*, — говорит он, уже надевая куртку, — и я вовсе не кричал. Я люблю бывать на природе, на свежем воздухе, готовить еду на походной печке...

Ему меньше нравилось мыть посуду в общественном умывальнике и спать на надувном матрасе, от которого все время болела спина, но я предпочитаю не вспоминать об этом.

— Вот бы мы все вместе пошли в поход, — произносит Иззи, глядя на нас тоскливым взглядом.

— А ты идешь, — быстро говорю я, якобы не догадываясь, куда она клонит. — Прямо сегодня.

— Я имею в виду тебя и папу.

Энди перехватывает мой взгляд.

— Ты классно проведешь время с «брауни», зайка, — быстро говорит он. — А родители только портят праздник.

— Ты, папочка, никогда не портил мне праздник.

Иззи знает, что он шутит, но делает вид, что не понимает.

— Ну, папе пора уходить, — говорю я. — А тебе, дорогая, нужно закончить сборы.

Иззи обнимает отца и топает к себе наверх. Энди идет к выходу, и я медленно выдыхаю.

— Спасибо, что зашел и помог.

— Как я уже сказал, без проблем, — он пожимает плечами.

— Ну, я благодарна.

Он кивает и смотрит на меня:

— У тебя все хорошо?

— Да, я в порядке. Просто стало как-то странно, когда Иззи упомянула про наши походы...

— Да, было немного, — у него пресекается голос. — Наша последняя вылазка была года три назад?

— Наверное. Удивительно, что она помнит. — Я замолкаю. — Как думаешь, она в порядке?

— Надеюсь, — говорит он. — Она выглядит довольной, и мы всегда хорошо проводим время вместе. И еще Иззи очень радуется этому походу.

— Да.

У меня подкатывает ком к горлу. *Почему ты сделал это с нами?* — хочется крикнуть мне. — *Что такого ужасного было в нашей семье, что тебя потянуло на пьяную интрижку, которая продолжалась за моей спиной многие месяцы, а потом переросла в любовь?* Будь это разовый эпизод, а его раскаяние искренним,

возможно, все не закончилось бы для нас так плачевно. Я была бы уязвлена и в ярости, но, вполне вероятно, мы пережили бы это, как многие пары.

Энди изучающе смотрит на меня.

— Ты немного подавлена, — говорит он.

— Да нет, все отлично.

Мы стоим в дверях — он все с тем же обеспокоенным видом, а мне хочется поговорить с ним, с кем-то другим, все равно — с кем именно, но не про нас и не про его новую женщину. Вместо этого я говорю про музей, его отчаянное положение и про нашу с Айлой идею модного показа. Слова сыплются из меня, как горох из рваного мешка — я рассказываю про предложение, акт дикого вандализма и попытку освободить чучела — и про нулевой результат. Денег нет, средств и интереса к «Мисс Пятнице» тоже, просто момент неподходящий, о чем меня уведомила в своем письме Ханна Джефферс из музея:

«Мы признательны вам за предложение и потраченные усилия. Я считаю, что это прекрасная идея, и, возможно, она получила бы широкий резонанс в нашем городе. Но, к сожалению, в настоящее время мы не в состоянии взяться за ее осуществление».

— Судя по всему, ты убила на это гору сил, — вздыхает Энди.

— Именно так, — говорю я, — но дело не в этом. Это не так важно. А важно, что это было бы во благо музея и Пенни. Ее сын считает, что это потрясающая идея.

— Само собой, как же иначе, — замечает Энди.

— Что ты имеешь в виду? — нахмуриваюсь я.

— Она же его мать, так? И он, разумеется, ею гордится.

— Энди, — завожусь я, — Пенни — прославленный модельер и в свое время пользовалась невероятным успехом и влиянием. А тебя послушать, так можно подумать, будто бы она выиграла деревенский конкурс домашних тортов.

Он смеется, но в голосе слышится легкое раздражение.

— Я не имел в виду ничего такого. Я в курсе ее заслуг, Вив. — Врет, разумеется, ну да ладно. — Конечно, ее сыну будет приятно увидеть модели Пенни на подиуме и посвященную ей выставку...

— Речь идет не только о ее сыне, Энди! Это могло бы стать мероприятием огромного масштаба!

Он глядит на меня так, точно я несу несусветную чушь.

— Ты в самом деле так думаешь? По-моему, ты перегибаешь палку.

— Ничуть, — возражаю я. — Все женщины определенного возраста помнят ее магазины, особенно здешние. Все начиналось тут.

— Да, но это... — он досадливо морщится, — мода семидесятых, Вив. Подумай сама — клеш, огромные воротники, жуткие синтетические ткани, *пончо*... — Он дико хихикает. Значит, теперь Энди гуру моды? — Это далеко не всем по вкусу.

Я хлопаю глазами, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— А я считаю иначе.

— Ну ладно, тебе виднее, — он пожимает плечами.

— Вряд ли, — сердито выпаливаю я, — иначе мое предложение не отвергли бы, так?

— О'кей, Вив, как скажешь. — И он бросает на меня знакомый взгляд, в котором читается «ну вот, опять понеслось».

Как скажу! *К твоему сведению, ты скоро поймешь, что это не всем по вкусу...*

Мы довольно сухо прощаемся, и он уходит. Я возвращаюсь в дом и делаю над собой колоссальное усилие, чтобы казаться нормальной и такой же взволнованной, как Иззи, по поводу грядущего скаутского похода.

Глава двадцать седьмая

Поздно вечером после отъезда Иззи

Возможно, дело опять в гормонах. Возможно, я свернула в «иррациональный переулочек», как выражается Шелли, и это еще один симптом пятидесятитрехлетнего возраста при остаточных эстрогенах, «микроследах», типа известняка в кроличьем корме. Так что хватай, пока дают!

Или я просто рехнулась.

Да как вообще Энди посмел намекать, что я зря потратила время на составление предложения музею?! Он действительно имел это в виду или мне показалось? Пожалуй, нужно начать записывать все разговоры, чтобы потом анализировать, потому что сейчас я ни в чем не уверена. Тот факт, что к моей ярости примешивается благодарность (за то, что Энди слазил на чердак) и, вероятно, отчасти стыд (что вела себя как неблагодарная свинья и не купила Иззи новый спальник), только запутывает дело. Однако я точно знаю, что никакого плавания /бега трусцой /катания на велосипеде, а также «культурного досуга» сегодня не будет. Я без особого энтузиазма поразмышляла о том, чтобы сходить на артхаусный итальянский фильм, от которого Джульза была в восторге, и забила на эту идею. Сегодня я в состоянии воспринимать итальянскую продукцию только в виде дешевого «Пино Гриджио». Я уже смоталась за ним и хочу наклюкаться в одиночестве, как и подобает несчастной брошенке вроде меня. Сейчас 17.38, по всем меркам, выпивать слишком рано, и я торжественно наливаю себе первый бокал.

Вино слишком теплое, с пронзительной ноткой жевательной резинки и терпким послевкусием крупномасштабного винного завода в Уоррингтоне, но и по фигу. Я делаю большой глоток. Заметив на столешнице ноутбук, я думаю, а не погуглить ли про Эстелл Ланг, но нет, это было бы шагом назад и данный этап уже пройден. Я барабаню пальцами по столешнице и жду, пока позыв пройдет сам собой.

Бокал пустеет как-то слишком быстро. Какой надо быть матерью, чтобы присосаться к бутылке в ту же минуту, когда дочь отправилась в оздоровительный скаутский поход? Очевидно, такой, как я. Я снова наполняю бокал, вспоминаю, что еще не ужинала, и лезу в холодильник с мыслью, чем бы перекусить. Хумус, яйца, помидоры черри и полбаночки творога с отслоившейся сывороткой. Просроченная ветчина и ссохшийся цукини, которые я отправляю в мусорное ведро. Значит, будем просто пить вино.

Я надеялась, что, осушив два бокала магазинной бормотухи, которая у Энди не вызвала бы ничего, кроме презрения («Это даже вином не назвать», — частенько ворчал он), я стану более расслабленной и, возможно, повеселею. Но не тут-то было. Алкоголь спровоцировал прилив, я обмахиваюсь журналом, а ноутбук стоит на столешнице, и порыв начать гуглить зудит, словно желание покурить. *Взгляну одним глазком, и все на этом — навсегда.*

Всего одним глазком взгляну на фотки Эстелл Ланг.

Ну уж нет — я больше *ни за что* не стану этого делать. Я знаю, что это плохо для моего душевного здоровья, у меня есть дела поважнее, скажем, напиться в одиночку. Я встаю, переносу ноутбук на обеденный стол и соображаю, что бы такое посмотреть, на что отвлечься, чтобы не думать про ее фотографии.

Я снова наполняю бокал до краев — уже меньше полбутылки осталось. И что мы имеем? *Женщины средних лет занимаются самолечением с помощью алкоголя*, как я прочитала на днях. Мне никогда не нравилось курить травку — я слишком возбуждаюсь и становлюсь параноиком, а пробовать легкие наркотики в моем возрасте уже поздно. Но даже приди мне такая фантазия, я просто не знаю, где их брать, не говоря о том, что мои умственные способности в настоящий момент уже снижены — без всякого химического вмешательства. Так что остается только одно — лечить себя алкоголем.

Я поднимаю крышку ноутбука и смотрю на экран, прихлебываю вино и говорю себе не делать глупостей и не причинять себе боли, снова разглядывая эти фотографии, сидя одна-одинешенька в пустом доме. Мне нужна «заместительная терапия» — Пенни неоднократно говорила, что необходимо найти хобби, и несколько недель назад даже принесла пакет с шерстью и спицами, чтобы «пристроить меня к

вязанию», как она выразилась. «Я могла бы тебя поучить, но, по моему, ты предпочитаешь двигаться в собственном темпе» (Я рассказала ей про фиаско с подушечкой для булавок на школьных занятиях по рукоделию). «Возможно, тебе лучше учиться по YouTube, чем у меня», — добавила она.

Нет, сейчас я определенно слишком «под мухой», чтобы вязать. Тем не менее я решаю заглянуть в YouTube, снова делаю большой глоток вина и, налегая на хумус, чипсы и подвявшие черри, смотрю всякую галиматью: ролик о том, как делать пиццу (в сравнении с которым «Готовим с Иззи!» — просто бомба), а затем — пирог на противне с шоколадными шариками «Мальтизерс» и толчеными сухариками (интересно!). Пока соображаю, что еще глянуть, от нечего делать смотрю несколько новых роликов про «кроликгейтский скандал» в «Флакико». Молодая репортерша с неприязненным выражением лица стоит перед зданием нашей штаб-квартиры и берет интервью у мамочек, которые кидаются выражениями типа «это отвратительно» и «я в шоке» и клянутся никогда в жизни не покупать продукцию «Флакико». В другом фрагменте восьмилетняя девочка плачет из-за того, что боится пагубных последствий для здоровья из-за поедания снеков. Это невесело и не гармонизирует, а цель хобби, как считается, именно в этом. Может, лучше взяться за макраме? Или, как вариант, набрать в поисковой строке «Эстелл Ланг»?

Номер не пройдет, говорю я себе. Что Эстелл Ланг делать на YouTube?

Я вбиваю ее имя и фамилию — и, черт подери, она тут как тут, собственной персоной. Похоже, здесь несколько роликов про нее — «видного эндокринолога с огромным опытом диагностики и рекомендаций для женщин на данном плодотворном и вместе с тем сложном этапе жизни». Вот так, это вам не хухры-мухры. У нее, оказывается, даже свой канал есть. Ума не приложу, как ее на все хватает — и на медицинском олимпе сверкать, и с чужими мужьями шпилиться, но, надо думать, у нее везде отлично получается.

Я кладу в рот еще несколько чипсинок, заливаю их вином и готовлюсь к просмотру.

Разглядывать ее фотографии — это совсем не то, убеждаю я себя. Видео на YouTube совсем другое дело. Посмотрю одним глазком,

чтобы только увидеть, как она двигается и говорит. Это не означает, что у меня навязчивая идея.

Я щелкаю на «Play» и чувствую, как скорость моего кровотока замедляется. Сначала изображение статично и слышатся мелодичные звуки арфы. Она, в белоснежной блузке, вся такая сдержанная и шикарная, сидит на светло-сером диване. Затем картинка оживает.

— Привет, я — доктор Эстелл Ланг, — произносит она, подаваясь вперед и сияя улыбкой, — и спасибо, что заглянули на мой канал. Сегодня я хотела бы поговорить о синдромах менопаузы... — Я смотрю на нее с отвращением, пожирая чипсы с сыром и луком. — Не про очевидные, типа приливов жара, — о них мы беседовали в прошлый раз. Сегодня речь пойдет о сопутствующем ей состоянии раздражительности и вспышках гнева, которые порой случаются в самый неожиданный момент. Их можно контролировать, — спокойным тоном сообщает Ланг, — и хорошая новость в том, что есть много немедикаментозных способов сделать это...

Вот смотрю я на нее — такую гладкую, в блузке от какого-нибудь *Jigsaw*, со скулами, как у Мерил Стрип, и аккуратным каре на ухоженных светлых волосах, и думаю, что сейчас мне самое время впасть в состояние раздражительности. Мне бы рвать и метать при мысли, что они с моим благоверным тайком встречались несколько месяцев, а она сидит себе как ни в чем не бывало и толкует женщинам про то, как наладить свою жизнь.

Но нет... На самом деле мне интересно услышать, что Эстелл Ланг скажет дальше. Я очень хочу быть такой, как она (спокойной и привлекательной), а не такой, как я сама (растрепанной и «под мухой»). Поэтому я сижу, пью и закусываю, а она рассказывает про то, как «держать менопаузу на контроле» и «признаться себе в том, что эти состояния и симптомы вполне нормальные и чрезвычайно распространенные явления, что их не следует стыдиться и вообще считать проблемой».

Браво, доктор Ланг! Кому придет в голову считать менопаузу проблемой, глядя на вас, точно сошедшую с обложки глянцевого журнала, — не ведающую ни пота, ни, ручаюсь, приливов?! Может, у нее встроенная противоменопаузальная защита, как у андроида? Или она сидит на гормонозаместительной терапии, или принимает

биоидентичные гормоны, про которые я столько думала, а Энди даже говорить со мной не стал?

— Принципиально важно, — продолжает она, — это иметь поддержку окружающих, которые относятся с пониманием и готовы сочувственно выслушать...

В точку! И начинают день с раздраженного «Черт возьми, это как просыпаться в болоте»!

— Да пошла ты! — громко говорю я. — Вали отсюда на фиг!

Я захлопываю крышку ноутбука, выливаю в бокал остатки вина, выпиваю его одним глотком, а потом открываю вторую бутылку и снова наполняю бокал.

К черту их с Энди, двух сраных докторишек, которые перевернули мою жизнь вверх тормашками! Мне казалось, я справляюсь и убеждаю себя в том, что без уродливого торшера и темпераментного тепловентилятора жизнь стала гораздо лучше, но ведь это не так. Энди лгал мне на протяжении многих месяцев. Он притворялся, что ему интересно знать, как готовить омлеты. Треклятые омлеты! Я вскакиваю на ноги, резко открываю холодильник, так что бутылки трясутся на дверной полке, и смотрю на яйца.

У меня тотчас возникает идея, как поправить самочувствие и спасти остатки этого мрачного вечера. Она, конечно, безумная и могла осенить меня не иначе как на пьяную голову. Но, блин, Иззи отправилась в поход, а на меня никто сроду не подумает. У Пенни ведь сработало — по ее словам, хотя задумка была не ахти, но, забросав яйцами машину какого-то «козла», она почувствовала большое облегчение, и не важно, чем именно был вызван ее гнев.

Сердце взволнованно бьется. Я решаю привнести в концепцию свою «изюминку» и надеюсь, что это себя оправдает.

Около полуночи, «под мухой»

Необходимость брать такси слегка снижает драматический накал, но сесть за руль я решительно не в состоянии, а ехать на велосипеде — тоже не вариант: умереть за идею я как-то не готова. Поэтому я залезаю в такси, водитель которого весело осведомляется:

— Ночная вылазка?

— Типа того, — отвечаю я, чувствуя, как от меня разит.

— В приятное местечко?

— Ну да, потусоваться, — говорю я, и это звучит так, точно я одинокая дама без друзей и планов, которой незадолго до полуночи пришло в голову отправиться на поиски компании, а может быть, даже любовного приключения.

— Ну, удачи, — ухмыляется он, когда я расплачиваюсь.

И вот я стою перед квартирой Энди, а сырный аромат щекочет мне ноздри. В витрине объявление, выполненное элегантным шрифтом, информирует покупателей о том, что цементный пол толщиной 30 см отделан сланцевой плиткой, что, в свою очередь, позволяет имитировать микросреду пещер и создает идеальные условия для хранения 52 сортов, представленных в ассортименте.

Хотя я люблю сыр, но после бормотухи с чипсами от его запаха меня начинает мутить. Я поднимаю глаза на квартиру Энди — свет горит, должно быть, в гостиной. Надо думать, он дома? И *она* там? Они занимаются тем самым или чем-то более прозаичным, скажем, моют посуду? Впрочем, в полночь это маловероятно — хотя кто знает, как поменялись его привычки.

В любом случае, там она или нет, для меня сейчас совсем не важно. Пусть она трижды доктор-круче-нет с собственным YouTube-каналом, где-то в интернете валяется моя фотка в балетной пачке и с кроличьими ушками как символ мужества и готовности вступить в борьбу, хотя мамский забег определенно не самое значимое событие в моем «спортивном календаре». Хотела бы я посмотреть, как *она* скачет зайцем по полю в толпе ожесточенно конкурирующих мамочек, часть которых относятся к этому мероприятию настолько серьезно, что приступают к тренировкам за полгода.

Вот мне и эпитафия, думаю я, отходя от сырного магазина и двигаясь вниз по улице нетвердой походкой: «Она боролась, черт возьми. Работала себе без всякой суеты». В какой потрясающий образчик человеческой породы я превратилась к пятидесяти с лишним годам: неожиданно одинокая, у меня не работа, а тоска смертная, хотя задумывалось, что это место станет перевалочным пунктом, пока не найдется театральная труппа под стать моим талантам. И вот она я, пять лет спустя, тащусь пьяненькая с хозяйственной сумкой, в которой лежит кое-что; то, что я провезла в такси через весь Глазго с целью...

какой именно? Чтобы сотворить дикую глупость. Чтобы показать, что я все еще в бешенстве из-за его реакции на мою неудачу с «Мисс Пятницей» и что залезть на чердак — этого далеко не достаточно, чтобы мы стали «друзьями» (или на какие там отношения он рассчитывает, объявляясь у нас с такой виноватой мордой).

То есть если Энди вообще скумекает, что это моих рук дело. А может, и нет. Может, он решит, что это чья-то дурацкая выходка, и так было бы лучше: пусть думает, что за ним охотится омлетный маньяк! Потому что в моей хозяйственной сумке лежит именно он — омлет из четырех яиц, без сыра, приправ и специй. Даже щепотки черного перца я для него пожалела, зато на яйца не поскупилась. Если мои омлеты такие потрясающие — а он их расхваливал на все лады, — тогда поглядим, насколько ему понравится этот, который я швырну в его драгоценную машину!

Я цепким взглядом окидываю улицу. Почему-то мне казалось, что она должна быть удобно припаркована прямо под окнами его квартиры. Через несколько минут я обнаруживаю черный *BMW*, который Энди обожает и надраивает до блеска, как бильярдный шар (голубиный помет воспринимается как личное оскорбление, точно птичка сознательно метила его капот). Возможно, это и есть настоящая причина, почему я это делаю — чтобы обгадить его драгоценную машину, а может, всему виной итальянская бормотуха.

Но дело не в причинах, а в том, что я достаю из хозяйственной сумки холодный рыхлый омлет, осторожно приподнимаю «дворник» и сую под него, затем вытираю жирные руки о джинсы и бегу прочь. В такси по дороге домой я пытаюсь представить себе физиономию Энди при виде этого зрелища, но она оказывается не в фокусе.

— Хорошо погуляла, красотка? — интересуется водитель, перехватывая мой взгляд в зеркале заднего вида.

— Классно, спасибо, — отвечаю я, а сама думаю: в самом деле неплохо. По крайней мере, никто не сможет упрекнуть меня в том, что я бездарно провела ночь без ребенка.

Глава двадцать восьмая

Воскресенье, 29 сентября

Как и подобает зрелой, самоопределившейся женщине, я просыпаюсь на диване в одежде и обуви и, по мере того как воспоминания о ночной вылазке оживают в моей нетрезвой голове, начинаю содрогаться от похмельного стыда. Раздается звонок — я сползаю с дивана и достаю из сумки телефон.

Энди! Я панически пытаюсь сообразить, как реагировать в случае обвинения: разумеется, все отрицать. *Ты рехнулся? Думаешь, у меня есть время подсовывать омлеты под «дворники»?* Изобразить негодование. Выдвинуть предположение, что это дело рук какого-нибудь пьянчужки (хм!). У которого случайно оказался при себе омлет. Может, он стащил его с завтрака в отеле? В этом случае правдоподобнее была бы яичница. Вот черт.

Звонок прекращается, и к тому моменту, когда Энди звонит снова (кто бы сомневался), я уже способна отвечать решительно и собранно, точно с самого утра на ногах, копошусь по дому и вообще провожу время с пользой.

— Привет, — говорит он, — как дела? — Голос звучит на удивление нормально.

— Отлично, — говорю я.

— Я просто хотел узнать, когда Иззи возвращается. Завтра у меня выходной, и я подумал, может, мы проведем день вместе.

Выходит, сегодня машина ему не нужна и омлет он еще не видел? Или его схомячила лисичка под покровом ночи?

— Она вернется только завтра к вечеру, — говорю я. — В школе профдень.

— Жаль. Просто я соскучился по ней. А от Спенсера есть новости? Эсэмэс от него не дождешься...

— Знаю. Думаю, он еще в Италии.

— Наверное, ты права. Тогда на связи.

— Ага.

- Да, Вив?
— Что? — Мое сердцебиение учащается.
Пауза.
— Ты не...
— Что я не?...
— Так, ничего. Забудь. Пока.

Понедельник, 30 сентября

Благодаря школьному профдню у меня сегодня выходной. Я предполагала, что Иззи будет дома, а потом стало известно про скаутский поход, и теперь у меня целый день свободен. Решив распорядиться им с умом, я отправляюсь в бассейн, а затем в сауну, где вместе с потом избавляюсь от остатков похмельного стыда. Вернувшись домой, я навожу порядок, а затем отправляюсь в скаутскую «хижину» за Иззи. К этому времени мне уже удается убедить себя в том, что история с омлетом — всего лишь забавная эскапада и не более.

Именно поэтому я выхожу из дома с небольшим запасом времени, чтобы заскочить к Пенни. Как и предполагалось, услышав про субботнюю выходку, она заходится от хохота.

— Пожалуй, это самая потрясающая байка из всех, что я слышала, — говорит подруга.

— Думаешь, я слетела с катушек?

— Еще как! — гогочет она. — Но ведь никто не пострадал. Это был всего лишь безобидный омлет.

— Ну да. Вот если бы я запустила ему в лобовое стекло банкой с консервированной фасолью, тогда другое дело, — киваю я.

— И я одобрила бы это, — улыбается Пенни. — Значит, ты все еще на него сердишься, да?

— Наверное, не следовало бы, — выдыхаю я. — Полгода, как он ушел, и мне следовало бы привыкнуть и относиться спокойно...

— Что значит «следовало бы»? — вопрошает она. — Ты чувствуешь то, что чувствуешь, Вив. И не надо оправдываться или просить прощения.

— Ну да, — киваю я, радуясь, что Ника нет дома. Мне не хотелось бы, чтобы он считал меня какой-то маньячкой. — Иногда на меня накатывает страшная злость, и я ничего не могу с собой поделаться.

— Это понятно, — она касается моей руки.

— А вдруг, Пенни, я никогда от нее не избавлюсь? — спрашиваю я. — Что, если остаток жизни при мысли о нем я буду приходить в ярость, ненавидеть его и испытывать желание забросать его любимую машину омлетами? Я так не выдержу. Он — отец Иззи и всегда будет рядом, хочу я того или нет...

— Послушай, — говорит она, — ты же не всегда такая, верно? Большую часть времени ты проявляешь завидное спокойствие и здравомыслие.

— Я бы так не сказала, — я утыкаюсь взглядом в пол.

— Ты про омлет? Ну, взбрела тебе такая блажь, ты и побежала. Но ведь никто не пострадал.

— Надеюсь, — говорю я, испытывая острую потребность поведать ей о том, что послужило настоящим «триггером» — как я расстроилась из-за отказа музея на предложение, а Энди не понял, почему это было настолько важно. — Только Нику не говори, пожалуйста, — напоследок прошу я.

— А почему? — спрашивает она.

— Потому что он не одобрит. Решит, что я сумасшедшая.

— Быть того не может, но ладно. — Пенни усмехается и прижимает палец к губам. — Я — могила.

Я ухожу, пытаюсь выбросить все из головы и радуясь при мысли, что Иззи скоро будет дома, а значит, в обозримом будущем мне удастся сохранить почву под ногами. К тому времени, когда я добираться до скаутской «хижины», автобус еще не пришел. Звонит телефон — я вздрагиваю, надеясь, что это не Энди, но номер незнакомый.

— Добрый вечер, это Вив? — Голос женский, и выговор не шотландский, а североанглийский. Тон теплый, дружеский и деловитый.

— Да, слушаю.

— Это Ханна Джефферс из музея. Я отправляла вам имейл насчет вашего предложения.

— А, да.

— Простите, — добавляет она, — мне кажется, я послала его в спешке.

— Все в порядке, — говорю я.

— У нас тут случилась проблема — произошел вопиющий акт вандализма, и это, прямо скажем, было совсем некстати. Впрочем, это всегда некстати. — Она делает паузу.

— Да, Айла рассказывала. Ужасно. Мне очень жаль, что это произошло.

— Да, так вот... Я еще раз его посмотрела — я имею в виду ваше предложение. У вас найдется время, чтобы мы могли обсудить его?

Сердце бьется быстрее.

— О! Э-э, да, конечно, — говорю я, стараясь сохранять спокойствие.

— Айла сказала, у вас полный рабочий день?

— Да, но я легко могу выкроить время...

— Мне бы не хотелось вас утруждать. Я уверена, вы очень заняты...

— Никаких проблем. Я могу взять отгул или больничный... — И кто меня за язык тянул? — Нет, обычно я так не делаю, но если надо...

— Не надо, — говорит Ханна с ноткой веселья в голосе. — По четвергам мы открыты допоздна. Если вам удобно, я могу задержаться, и мы могли бы поговорить.

Я отвечаю не сразу, стараюсь прийти в себя и делаю вид, будто мысленно ищу «окошко» в своем плотном графике.

— Речь идет про этот четверг?

— Если вам удобно. Скажем, в половине седьмого?

— Да, — быстро и деловито отвечаю я, — мне подходит.

Четверг, 1 октября

— Вив? — спрашивает Энди. — У тебя есть минутка?

— Только чтобы съесть ланч, — говорю я. — А что?

— Э-э, ну... не знаю, как сказать.

Сердце начинает гулко биться. Пожалуй, лучше подняться в столовую по лестнице, чем на лифте — так удобнее разговаривать.

— А в чем дело?

— Э-э... Я не хотел ничего говорить. Думал спустить на тормозах. Но я считаю, э-э... мне это не дает покоя, и нужно с тобой побеседовать.

Я останавливаюсь и гляжу в окно на унылый, ничем не примечательный вид.

— Так о чем речь?

— Я за тебя переживаю, — он вздыхает.

— Что? И почему ты за меня переживаешь?

Вряд ли дело в омлете — это было три дня назад. Подозревай он меня, уже давно раскололся бы. Может, не стоило грузить его проблемами с музеем? Поделом мне за то, что дала слабинку и пустилась в откровения.

— Просто мне кажется, с тобой что-то не так, — бормочет он.

— Все в порядке, Энди. И если это все, то я лучше пойду и съем ланч...

— погоди, Вив... Извини, если это тебя заденет, ладно?

Меня начинает подташнивать. В рейтинге «самых нервирующих фраз» эта занимает верхнюю строчку.

— Но тебя видели, — добавляет он. Эта фраза из строчки № 2. — Ночью в субботу, около полуночи.

— Ты о чем?

Это была не я. В это время я уже лежала в кровати, читала и пила чай с ромашкой.

— Видели, как ты нетвердым шагом прошла по улице возле моего дома, затем сунула руку в хозяйственную сумку и прилепила под «дворник» моей машины какую-то яичную стряпню.

Я открываю рот. Можно возмутиться: «Да как ты смеешь утверждать, что я опущусь до такой глупости?!» Но у меня язык не поворачивается. Мимо по лестнице спешат коллеги, я им улыбаюсь и стараюсь выглядеть нормально — не та ситуация, чтобы изображать притворное негодование.

— Какую-то... яичную стряпню? — спрашиваю я.

— Да, так мне сказали. Типа тортильи.

— Тортильи?

А что, слово «омлет» уже под запретом?

— Послушай, Вив, — частит Энди, — я не хочу разводить скандал. Никто не пострадал, так что вопрос не в этом. Дело в... тебе.

— Ты это о чем? — тихо спрашиваю я.

— Я за тебя переживаю! — восклицает он, переходя на покровительственный тон. — Ты напилась — ладно, с кем не бывает...

— Пожалуйста, не начинай...

— У всех бывают вспышки гнева, все делают глупости...

— Избавь меня от своей лицемерной заботы, — перебиваю я, действительно чувствуя, как внутри закипает гнев. — Да, это была я. Признаю, это было дико и по-дурацки, и я совсем не так планировала провести время, когда наша дочь уехала в скаутский лагерь.

Я цепляюсь взглядом за детали тоскливого пейзажа — парковки, гаражи, обшарпанные низенькие строения и земля, поросшая жестким кустарником. В основном здесь расположены предприятия легкой промышленности. Когда «Флакико» выбросит на рынок фалафель из батата, милая картинка на упаковке будет намекать на то, что он приготовлен на деревенской кухне из овощей со своего огорода, тогда как на самом деле его произведут на заводе, как и остальную нашу продукцию.

— Это была опасная затея, — серьезно заявляет он.

— Вовсе нет. Скорее... неблагоприятная.

— Шатаясь вот так, сама по себе, ты могла вляпаться в любую историю...

— Я просто была слегка подшофе, — сквозь зубы говорю я, не желая обсуждать этот вопрос на главной лестнице офисного здания. — Можно подумать, я валялась в беспамятстве на тротуаре попой кверху!

— К твоему сведению, ты была далеко не слегка...

— Хватит с меня «к твоему сведению»!

— Что?

— Ты это все время говоришь, причем таким покровительственным тоном: «К твоему сведению, это пыль обгорает», «К твоему сведению, Вив, у рептилий сухая кожа».

— Ты это о чем? Господи, я действительно за тебя переживаю. Может, тебе сходить к врачу?

— За антидепрессантами — ты это имеешь в виду? — огрызаюсь я.

— Хотя бы. Я не знаю...

— Только не делай вид, что тебя беспокоит мое душевное самочувствие. Немного поздновато для этого, не находишь?

— Я просто говорю, — перебивает он.

— И кто же меня видел? Кто меня застукал за этим делом?

— Э-э... Эстелл, — тихо говорит он.

Пока я перевариваю эту информацию, на лестнице появляется Джин. При виде меня она вскидывает бровь и изображает двумя руками, будто орудует ножом и вилкой. Я киваю ей и делаю знак, мол, следуй дальше. Все больше людей движется по лестнице: это что, новое поветрие — ходить по ступенькам вместо того, чтобы ездить на лифте? По крайней мере, среди сотрудников старшего возраста. А молодые, похоже, весь день катаются на лифте вверх-вниз, пьют высококалорийный латте и не парятся.

Я жду, пока все пройдут.

— Она меня видела?

— Да, и, судя по всему, сразу после того, как вышла из моей квартиры и направлялась к своей машине.

— Но... — я откидываю со лба липкую прядь, — как она поняла, что это я?

— Она... э-э... — Энди тяжело вздыхает, — узнала тебя по фотографиям в моем компьютере. — Выходит, он показывал ей наши семейные снимки? — И сфотографировала тебя на телефон, и я сказал, что это точно ты.

— Она меня сфотографировала? Ну, это ни в какие ворота не лезет!

Разыгрывать благородное негодование на данном этапе уже немного затруднительно.

— По-моему, на то были основания, — устало произносит Энди.

— Да что ты? И ты подтвердил мою личность?

— Разумеется, — вздыхает он. — Увидев на улице шатающуюся женщину, она просто встревожилась...

— Я не шаталась!

— Она знала, что это моя машина, и подумала, что лучше сфотографировать в качестве доказательства.

— Могла бы просто подойти и поговорить.

— Думаю, у тебя был... я не знаю... устрашающий вид.

— Она меня испугалась?

— Да! И я испугался бы, увидев дебошира с тортильей.

— Вот заладил — тортилья да тортилья! — резко говорю я и начинаю подниматься по лестнице. — Мы в Глазго, а не в Мадриде. Что за дурацкая претенциозность!

— Ладно, омлет, — бормочет он.

— Короче, — говорю я, добираясь до верхнего этажа и чувствуя, как смущение трансформируется в нетерпение, — она обеспокоилась моим благополучием *и* одновременно испугалась меня, а затем вернулась к тебе домой и показала фотографию? Надеюсь, вы от души посмеялись над ней.

— Разумеется, нет. — В его голосе слышится раздражение. — Мы не смеялись, и она не возвращалась. Все было прямо наоборот. Она послала мне ее с короткой припиской: «По-моему, это твоя жена».

Я морщю лоб, стоя перед дверью в столовую.

— И на этом все?

— Да. С тех пор мы не общались, — сухо говорит он. — Более того, могу сказать, что мы расстались.

Днем, после новостей от Энди

Я столько раз фантазировала на эту тему. Представляла, что смеюсь ему в лицо, затем «разворачиваюсь на каблуках», как это делают женщины в кино, а он остается стоять, несчастный и покинутый, проклиная себя за то, что был таким дураком. Я даже воображала, как он заваливается ко мне поздно ночью, барабанит в дверь, падает на колени, умоляет о прощении и пытается лизнуть мою туфлю — а точнее, тапку, потому что час уже неурочный. Но фокус в том, что, когда сильно чего-нибудь хочешь и это наконец случается, последнее, что приходит в голову, — это бурно ликовать и злорадно потирать руки.

Я не потираю руки в злорадстве и не предаюсь бурному ликованию. Я просто, как всегда, сажусь вместе с Джин и Белиндой за столик у окна, ем ланч и хвалю себя за то, что отреагировала на его новость сдержанным «Вот как?». Понятия не имею, почему они расстались и точно не стану расспрашивать его об этом, чтобы не думал, будто мне есть дело.

Днем я в основном занимаюсь будущей командировкой Роуз. Периодически на память приходит Энди, и я размышляю над тем, насколько меня не впечатлила эта новость, учитывая, что их интрижка разрушила наш брак. Может, я сделала больший шаг вперед, чем казалось? Эта мысль греет мне душу и заметно скрашивает остаток рабочего дня.

Я забираю с продленки Иззи вместе с Мейв и Эсме, другой подружкой из класса, — они приглашены к нам на чай. Когда я готовлю жареную курицу, в дверь стучит Крисси — на руках у нее страдающая коликами малышка, а за спиной маячит насупленный Лудо.

— Все в порядке? — спрашиваю я, жестом приглашая ее войти, потому что курица еще шипит в воке.

— Извини, что так вламываемся, — говорит она, перекрикивая вопли Лары. — Тим сегодня вечером на работе, а мое терпение, признаться, уже на исходе. Ему хорошо — уходит, когда хочет, — в ее голосе слышатся истеричные нотки. Вообще-то такого «домашнего» мужа, как Тим, днем с огнем поискать, он кухонное полотенце из рук не выпускает. — Мне следовало бы тебе позвонить, — добавляет Крисси, — но я не могу найти телефон. Наверное, он остался в кармане джинсов, а они сейчас в машине в режиме интенсивной стирки.

— О нет. Попробуй рис...

— Вот и Тим твердит: «Попробуй рис!» Точно это панацея от всех бед. Слушай, — продолжает она, — Лудо хочет, а точнее — слезно просится к вам. — Она с болезненным выражением лица потирает спинку Лары.

— Правда? — Я перевожу на него взгляд. Мальчик с надеждой улыбается в ответ. — Ну, конечно. Оставайся!

— Большое спасибо. Ему у вас очень нравится, да, милый? — Он смотрит на меня и молча кивает. — И понятно, потому что Вив такая добрая, радушная и *не заморачивается*.

Лудо остается на ужин и держится мило, говорит «пожалуйста» и «спасибо» и относит в раковину тарелку, что столь же удивительно, как если бы он вдруг начал изъясняться по-японски.

Дети играют вместе, и даже Мейв, похоже, пришла к выводу, что Лудо — нормальный парень и ведет себя исключительно хорошо. Возможно, он стремится произвести приятное впечатление в надежде стать нашим постоянным гостем. Не думаю, что они с Иззи будут закадычными друзьями, но в их взаимоотношениях определенно наметился прогресс в лучшую сторону.

— Похоже, Лудо у нас нравится, да? — замечаю я, когда мы с ней остаемся вдвоем и сидим на диване с горячим шоколадом.

— Да, потому что малышки нет, — говорит она.

— Вообще-то я думала, что ему просто так здесь нравится — не только потому, что он хочет сбежать от маленькой сестрички.

Иззи пожимает плечами:

— Вот было бы здорово, если бы у нас был малыш. Если бы у тебя был, — поправляется она.

— Боюсь, моя хорошая, этого уже никогда не случится.

Она кивает с серьезным видом.

— Потому что вы с папой больше не вместе?

— Ну да, но главное потому, что я для этого немного старовата.

И, пожалуйста, не допытывайся у меня о том, как делают детей, мысленно умоляю я. Разумеется, я не против, чтобы она знала. Они уже начали в школе проходить основы, части тела и прочее, и я не собираюсь морочить ей голову всякой чушью типа «особых поцелуев». Просто... в данный момент я пока не готова.

В надежде на то, что она забудет про детей, я веду ее наверх в ванную, а позже болтаю о том о сем, пока выбираю, какую историю почитать на ночь. Я показываю ей то одну книжку, то другую, но ей, похоже, все равно.

— Ты действительно слишком старая, чтобы иметь ребенка? — спрашивает Иззи, лежа в кровати.

Я оборачиваюсь, застигнутая врасплох.

— Да, моя хорошая. Но это же не проблема, верно? У меня есть ты и Спенсер.

— А когда женщины становятся слишком старыми? — интересуется она.

Я улыбаюсь. Ну и вопрос!

— Чтобы иметь детей? — Она кивает. — По мере того как становишься старше, иметь ребенка становится все сложнее. Я имею в

виду после сорока, хотя у всех это по-разному. Организм у всех разный.

— А ты была старой, когда родила меня?

— Не совсем. Старше, чем другие мамы, но не дряхлой.

Она кивает и, похоже, обмозговывает информацию, между тем как я достаю книгу и сажусь к ней на постель.

— Мамочка?

— Да, солнышко? — Я приготовилась к новой серии вопросов про деторождение.

— Ты не против, если я сама буду читать?

Я в растерянности смотрю на нее.

— Ты имеешь в виду только сегодня или вообще?

— Вообще. Мне почти восемь. — Она улыбается.

Что-то сжимается внутри меня, когда я целую ее в лоб и встаю с постели.

— Знаю, солнышко. И еще знаю, что ты любишь читать.

Я желаю ей спокойной ночи и оставляю наедине с книгой, но, когда спускаюсь вниз по лестнице, меня не покидает странное чувство. Оно настолько пронзительное, что я не могу ничем заняться и в конце концов выхожу во двор, сажусь за столик из кованого железа и замираю. На небе видны всего две звезды, но без приложения их не опознать.

Значит, Иззи больше не нужно, чтобы я читала книжки на ночь. И, вероятно, это желание возникло не сегодня, просто она не знала, как я к этому отнесусь.

Не стоит огорчаться, решаю я, возвращаясь обратно в дом. Мне нравилось читать книжки перед сном — сначала Спенсеру, а потом Иззи — про драконов, волшебников и эльфов. Мне нравилось ощущать, как убаюканное сказкой дитя прижимается ко мне теплым боком. Но этот этап позади, и это нормально и вряд ли можно считать отторжением. Просто моя дочь взрослеет.

Глава двадцать девятая

Четверг, 3 октября

— Здравствуйте, Вив! Или к вам лучше обращаться Вивиенн?

— Все зовут меня Вив, — отвечаю я, вскакивая со стула в фойе при виде Ханны. Мы обмениваемся рукопожатием, и она приглашает меня в кабинет. Экспозиционная часть музея — это сплошное полированное дерево и богато украшенные канделябры, а служебное помещение напоминает пещеру и имеет гораздо более блеклый вид: серый ковер замызган, в углу — замученного вида растение, на столах — горы бумаг и органайзеры из проволочной сетки с беспорядочно наваленными на них папками.

На стенах чего только нет: календари с фотографиями диких животных и городскими пейзажами, плакаты проходивших здесь выставок: «Сокровища из гробниц», «Деревенский быт пиктов», «Редкости за стеклом: искусство таксидермии» — все слегка пожелтевшие, с загнутыми краями. В воздухе висит запах пыли с легкой примесью дезинфицирующего средства. Белые маркерные доски покрыты каракулями — очевидно, писали в спешке или у всех повально сотрудников скверный почерк. Я следую за Ханной в маленькую комнату в глубине основного помещения, очевидно, для беседы с глазу на глаз, хотя единственный сотрудник, который мне тут сегодня встретился, был дежурный администратор.

— Располагайтесь, пожалуйста, — говорит она.

Здесь гораздо уютнее и помещение скорее напоминает домашнюю комнату, чем кабинет: два мягких кресла, обтянутых бордовым бархатом, а между ними — низенький столик.

И на нем лежит мое предложение.

Ханна берет его в руки и поначалу ничего не говорит. На вид ей около сорока, лицо без косметики, только помада нюдового оттенка, одета в льняное платье цвета хаки на пуговицах спереди, на ногах — светло-коричневые балетки.

— Спасибо, что нашли время встретиться со мной, — говорит она с лучезарной улыбкой. — Я действительно признательна вам, особенно учитывая объем работы, которую вы проделали.

— Все в порядке, — говорю я. — Я обрадовалась вашему приглашению.

— Надеюсь, я долго вас не задержу.

— Никаких проблем, я не спешу. — Мысленно благодарю Джулз за то, что сегодня она забирает Иззи из школы.

— Для начала я бы хотела узнать, насколько хорошо вы знаете Пенни.

Ну что ж, ладно.

Я коротенько повествую о том, как зародилась наша дружба: она выгуливала песика, и постепенно мы с дочкой стали регулярно с ней видеться. Затем — как мы узнали про «Мисс Пятницу», и вдруг, к полной неожиданности для себя, пускаюсь в объяснения, что Айлу знаю еще с младшей школы, как возникла идея показа и какое потрясающее мероприятие для музея и нашего города может получиться.

— Потому что Пенни — обычная женщина, — объясняю я. — Она не из привилегированного класса. Она не училась на модельера и никогда не ходила в колледж — ей просто нравилось шить, она работала машинисткой и тем не менее достигла в этом бизнесе огромных высот — на определенное время. Не уровня «Студии 54», Кристиана Диора или Коко Шанель — она обычная нормальная женщина, самоучка, которая рвала задницу и всего добилась сама...

Я резко умолкаю. Вот сижу я напротив Ханны, одного из руководителей этого почтенного культурного учреждения, и вдруг говорю «задница»...

Она смотрит мне прямо в глаза и улыбается.

— И это именно то, что мне особенно нравится в вашей идее.

Я смущенно хмурюсь.

— Я имею в виду ваше самозабвенное к ней отношение, — добавляет она. — Им проникнута каждая строчка вашего предложения — энтузиазмом и безусловной верой в проект.

— А! — Я улыбаюсь. — Ну, спасибо. Я просто чувствую...

— Но когда оно попало ко мне на стол, я была занята по горло, — перебивает она, — пытаюсь убедить руководящих «дядей», что погром

в отделе природы не означает, что нас надо навсегда закрыть. — К моему изумлению, у нее на глаза наворачиваются слезы. — Я всю ночь не спала, составляла планы, прикидывала бюджет, пытаюсь придумать, как нам оправиться от этого кошмара, и мне пришло в голову... — Она опускает взгляд и бегло пролистывает мое предложение. — Мне пришло в голову, ну ладно, экспонаты мы отреставрируем и все приведем в порядок. Это не конец света.

— Я уверена, что все поправимо, — говорю я, точно что-то смислю в ремесле старых чучельников.

— Да, — говорит Ханна, — но потом, когда пыль, так сказать, улеглась, я стала думать о причинах случившегося, почему тот ненормальный ворвался с молотком — а все потому, скажем прямо, что мы закоснели. Так что, может быть, подобный инцидент, ну, не совсем *во благо* музея, — это колоссальные убытки, но тем не менее заставит нас иначе взглянуть на наше будущее.

— В каком смысле? — спрашиваю я, не совсем понимая, куда она клонит.

— В том смысле, что заставит нас... мыслить шире, — говорит Ханна, — и стать привлекательнее для более широкой публики, которая прежде не проявляла к нам интереса.

Она по-прежнему сжимает в руке мое предложение. Я пытаюсь обуздать нарастающее в груди волнение. Но тут вспоминаю, как «кроликгейтский скандал» побудил Роуз радикально переосмыслить концепцию «Флакско», учитывая, что слово «свежий» прежде никогда не звучало в его стенах. А сейчас мы в одночасье обзавелись конечными продуктовыми линейками, набираем в штат молодежь, преобразуем «бункер» в игровую зону с большущими телеэкранами, огромными L-образными диванами и даже аквариумом.

— К сожалению, мы жестко ограничены бюджетом, — добавляет Ханна почти извиняющимся тоном.

— Да, но затраты будут небольшие, — быстро говорю я. — Я придумала, как собрать коллекцию «Мисс Пятницы» с помощью комиссионных магазинов и коллекционеров...

— Да, я читала, у вас все расписано в мельчайших деталях...

— И постановка обойдется недорого. Я когда-то работала в театре и делала спектакли, вы не поверите на какие жалкие крохи. Зал можно

оформить очень просто — потребуется только подиум и, конечно, стулья. И модели, я уверена, найдутся в избытке.

Ханна кивает.

— Как только разберемся с одеждой, можем заняться полиграфией и витринами. Это нам самим под силу... — Она умолкает. — А Пенни на все это согласна?

— Э-э, пока я с ней не говорила, — поспешно произношу я, — поскольку не была уверена, что проект вообще состоится.

— Вы не хотели давать ей пустую надежду? — спрашивает она.

— Типа того, — я улыбаюсь, чтобы не обнаружить свое смятение. Во что, черт возьми, я ввязываюсь? — Но ее сын — двумя руками за. Он был рядом с ней, когда все начиналось, и окажет неоценимую помощь, когда дело дойдет до истории «Мисс Пятницы».

— Что ж, замечательно, — тепло говорит она, — и я уверена, что Пенни придет в восторг, как только дело стронется с мертвой точки. А иначе и быть не может, верно? Значит...

— Значит, насколько я вас понимаю, — перебиваю я, уже не в силах сдерживаться, — вы согласны?

— Целиком и полностью, — широко улыбается Ханна, прижимая к груди мое предложение. — Мы все считаем, что у вас великолепный план. Так что, безусловно, да.

Часть четвертая
Показ

Глава тридцатая

Месяц спустя: суббота, 2 ноября

Иззи пожелала отпраздновать день рождения в скаутском стиле. Ей хотелось воссоздать у нас в саду походную обстановку, но я, опасаясь, что в таком случае наши юные гости пострадают от переохлаждения, переоборудовала гостиную в подобие полевого лагеря, купила две дешевые праздничные палатки и плюс к этому — искусственные цветы, флажки и шарик.

Под потолком натянуты светодиодные гирлянды с серебристыми лампочками, которые в темноте создают эффект звездного неба. Джулз курсирует между кухней и гостиной с едой и напитками, на подхвате у нее — Ник, пришедший вместе с Пенни. Я приятно удивилась при виде него, поскольку никак не предполагала, что детский праздник — его формат. Но, судя по всему, он ощущает себя как рыба в воде, всем доволен, собирает оберточную бумагу, помогает спасти падающую палатку и не торопится уходить. Пенни наблюдает за происходящим из уютного кресла, потягивает напиток и хрустит колбаской в тесте. Ее подарок — набор из четырех вязаных пончиков — привел Иззи в неопиcуемый восторг.

А теперь и Энди пожаловал, нагруженный подарками от себя лично и от своих родителей (потому что день рождения Иззи именно сегодня). Я приглашаю его пройти в гостиную, где разворачивается основное действие, и коротко представляю Нику: «Это Энди, папа Иззи». Не успели покончить со знакомством, как я тут же замечаю перепуганный взгляд Энди при виде оравы детей, заползающих в палатки и выползающих обратно. Он бросает взгляд на часы, точно прикидывая, когда будет прилично свалить, чтобы не показаться грубым.

Правильный ответ — *прямо сейчас*, и именно его я мысленно транслирую, показывая всем своим видом: *спасибо, что заглянул, а теперь тебе пора*, но, видимо, мои телепатические способности

сегодня лагают, потому что он вдруг — впервые на моей памяти — решает вступить в беседу с Пенни.

Энди: «Как дела, Пенни?» (Смотрит на ее бокал.) *Это что, джин с тоником в полшестого вечера?!*

Пенни: *Он самый, и что с того?* «Спасибо, Энди, хорошо. А ты как?»

Энди: «Да, знаешь, кручусь. Как обычно».

Пенни: «Нет мира нечестивым, да?»

Энди (неловко посмеиваясь): «Ха-ха, типа того».

Пенни (сухо): «Все еще в больнице?», и это звучит так, точно там не работа, а настоящий праздник.

Энди (смущенно): «Ну да. Всё там же».

Пенни (покровительственно): «Рада за тебя!»

Она отворачивается от него, перехватывает мой взгляд и игриво усмехается, а я между тем двигаюсь мимо — надеюсь, царственной походкой, — несу поднос со свиными колбасками и улыбаюсь ей в ответ. Несмотря на присутствие Энди, вечеринка идет хорошо. Когда он собирается уходить, я хвалю себя за способность держаться вежливо и сердечно.

— Отличные колбаски, — говорит он. — Ты их замариновала?

— Именно так, — отвечаю я, — в медово-соевом соусе. — Я прищуриваюсь на него. — Хочешь, суну тебе парочку под «дворники»?

У него дергаются уголки рта — он смеется.

— О, Вив!

— Не вивкай мне!

Когда мы оказываемся у входной двери, он делает вдох и пристально смотрит на меня.

— Да, отколола ты номер, дурёха.

Дурёха? Кажется, я слышу знакомые нотки.

— Это было небольшое помутнение сознания, — поправляю я его, — за которое я извинилась и о котором сожалею.

— Разумеется, — быстро говорит он, держа руки в карманах, — и у тебя были основания сердиться. Безусловно. Я не стал бы тебя винить, даже сделай ты что похуже, если бы ты...

— Не трудись перечислять все, что я могла бы сделать.

Мы уже стоим на крыльце, и я оглядываюсь на дом. Оттуда доносятся визг и смех — я знаю, что Джулз и Ник держат все под контролем, а Пенни, наверное, с безмятежным видом сидит в кресле и попивает джин.

— Ладно, — говорит Энди. — Послушай... — Он потирает лоб. — Для тебя точно все кончено, да? Ну, из-за того, что я сделал?

Из-за того, что он сделал? Это Энди говорит про многомесячные потрахушки с Эстелл Ланг, ради которой затем меня бросил? Ну да, сущие пустяки.

Я внимательно гляжу ему в лицо, думая, какой ответ он ожидает от меня услышать. Может, посочувствовать ему в связи с обновившимся статусом холостяка? Или поискать грелку на случай, если станет мерзнуть по ночам?

— Ты сам все сказал, — говорю я.

— Ну, э-э... я подумал, может, мы могли бы как-нибудь встретиться и поговорить, — добавляет он, — когда все немного уляжется.

— О чем поговорить? — спрашиваю я, искренне недоумеваю.

Он пожимает плечами:

— Ну, о... сама знаешь. О том, что мы будем делать дальше...

Меня охватывает нетерпение. Это что за импровизированное совещание на пороге?!

— Ты имеешь в виду юридически? Или в финансовом смысле или...

— Вив, а праздничный торт когда будет? — кричит из прихожей Лудо.

— Через минутку, дорогой! — кричу в ответ я, мысленно благодаря его за вмешательство. Мы с Энди смотрим друг на друга, пока Лудо не уходит назад в гостиную к другим детям.

— Не ребенок, а божье наказание, — бормочет Энди, закатывая глаза.

— Вообще-то он стал гораздо лучше. И знаешь, мне сейчас совсем не до разговоров...

— Конечно, — говорит Энди, краснея. — Понимаю. Я не ожидал, что...

— Мне пора к гостям, — твердо говорю я. — Мне некогда болтать. Если ты заметил, у нас сегодня праздник.

Предполагается, что Иззи и ее друзья будут спать в палатках. Не тут-то было. Они дико хихикают и постоянно щелкают фонариками. То и дело кто-нибудь объявляется на кухне, якобы «умирая от голода», нагружает полную тарелку снеди и тут же исчезает.

В какой-то момент Лудо прокрадывается в сад, падает, и я спешно занимаюсь его ободранным коленом (невероятно, но Иззи пригласила соседа по собственному желанию и явно переживает из-за его микротравмы). Джулз уходит около семи часов, а следом за ней отбывает Пенни под предлогом того, что Бобби «нужно справиться делишки», как она выражается, и мы с Ником остаемся наедине. А точнее — наедине с тринадцатью детьми.

Я несколько иначе представляла себе сегодняшнюю ночь. Я думала, что останусь одна и буду пытаться держать все под контролем, а такой оборот дела становится приятным сюрпризом, потому что Ник — это прекрасная компания. Как выясняется, я ошибалась насчет того, что бездетные люди, и в особенности мужчины, как огня боятся оравы перевозбужденных детей. По крайней мере Ник не выказывает желания бежать на все четыре стороны.

— Пусть не засиживается *допоздна*, — хихикает Пенни перед уходом, намекая на то, что у нас могут найтись дела поважнее. Сейчас уже поздно — половина двенадцатого, и у нас действительно есть важное дело, но это не то, на что она намекала. При мысли о том, как она отреагирует, когда наконец узнает о музейном проекте, у меня начинает сосать под ложечкой, но я стараюсь об этом не думать. Мы с Ником гоняем чай и обсуждаем проект, в частности, как организовать модный показ и выставку в помещении, выделенном Ханной. Совместными усилиями — прежде мне доводилось продвигать театральные постановки, а у Ника своя тактика раскрутки документального кино — мы придумали неплохую рекламную кампанию.

Наконец оживленный гомон детворы затихает. Я выхожу из кухни пожелать им спокойной ночи, а когда иду назад, Ник поворачивается ко мне:

— Ну что, угомонились наконец?

— Надеюсь, — отвечаю я, изображая, что еще немного — и свалюсь в обморок от изнеможения.

Он смеется:

— По-моему, все прошло замечательно.

— Да, — улыбаюсь я. — Мне даже удалось быть любезной с Энди.

Ник поднимает бровь.

— А со стороны кажется, что вы очень цивилизованно общаетесь.

— Хочется верить, — киваю я. — По крайней мере сейчас все устаканилось. Вообще-то... — Я делаю паузу. — ...он, похоже, хочет, чтобы мы были друзьями, а то, что происходило последние семь месяцев, — это так, бес попутал, и что у нас все может наладиться, если он будет обходителен с моими подругами и расхваливать мои колбаски.

— Они действительно были очень вкусные, Вив, — смеется Ник.

— Спасибо, — чинно говорю я, улыбаюсь и сажусь за стол напротив него. — Он также напирал на то, что они с Эстелл больше не видятся и что между ними все кончено, — усмехаюсь я. — Но, учитывая, какой он изощренный лгун и обманщик, вполне можно допустить, что они готовятся к свадьбе.

— Вы действительно потрясающе хорошо держитесь, — улыбается Ник.

— Так было не всегда, — быстро говорю я. — Несколько месяцев я была не в себе, да и сейчас порой накатывает. Но в какой-то момент... акценты сместились, что ли. Я больше не испытываю ни сильной злости, ни печали. Я смотрю на него и чувствую... на самом деле, почти ничего не чувствую. Пожалуй, что ему неплохо бы постричься и что джинсы обвисли в коленях.

— По-моему, это очень здравый подход, — замечает Ник.

— Полагаю, да. По крайней мере, это значит, что я иду на поправку. И знаете, в жизни открываются новые возможности. И музейный проект — это подарок.

— Удивительно, что у вас вообще находится время на что-то еще, — смеется он.

Это правда: проект развивается стремительными темпами и поглощает все мои силы. Наверху, подальше от цепкого взгляда Пенни, у меня уже собралась приличная коллекция моделей, и каждый день появляются все новые зацепки для поисков, а порой и вещицы «Мисс Пятницы». Я больше не выживаю изо дня в день — я снова *живу*. И

хотя Энди сегодня нарисовался, шатался по дому и донимал моих подруг, день рождения Иззи удался, и всё это благодаря мне, а также помощи Ника и Джулз. Я горжусь Иззи — и собой, — что мы справились с этой новой ситуацией.

— Я очень рада, что вы пришли сегодня, — говорю я Нику и встаю, чтобы взять нам по куску торта, который мы принимаемся есть.

Он тепло улыбается и встречается со мной взглядом.

— Я получил большое удовольствие, особенно от приготовления тостов с маршмеллоу.

— Вы определенно знаете в этом толк, — поддразниваю я его.

— Это требует огромных навыков! — смеется он. — И напоминает мне о той поре, когда я сам был скаутом.

Я аккуратно подцепляю глазурь с торта.

— Вам нравились все эти развлечения на свежем воздухе?

— О да. Мама всегда была по горло занята, и я обожал проводить время в лагерях. Так было здорово вырваться в горы и побеситься на природе. Я был единственным ребенком и хотел только одного — оказаться в компании сверстников.

— Могу себе вообразить, — улыбаюсь я, представляя его в виде патлатого пацана. — Что касается отдыха, мои родители были люди очень консервативные — из года в год мы отправлялись в мини-гостиницу миссис Уилки на острове Арран. Папа был заядлым рыбаком, поэтому мы брали в аренду лодку и питались на берегу жареной скумбрией.

— Звучит идиллически, — с улыбкой говорит Ник.

— Теперь я это понимаю. А в то время чувствовала досаду, особенно когда вошла в подростковый возраст и все мои подружки улетали в Испанию или в Грецию, а когда снова начинался учебный год и меня спрашивали: «Что ты делала на каникулах, Вив?», я отвечала: «Потрошила рыбу!» — Ник смеется. — Разумеется, когда мама с папой ушли друг за другом, я отдала бы все на свете, лишь бы оказаться под морозящим дождем на берегу в Ламлаше, перепачканной чешуей и рыбьими потрохами.

Ник кивает:

— Мама сказала, что ваши родители умерли довольно рано. Должно быть, это было сильным ударом.

Я смотрю на него — это неожиданно и вместе с тем приятно, что она рассказывала ему какие-то подробности про меня.

— Это казалось ужасно несправедливым, — соглашаюсь я. — Они даже не вышли на пенсию. Мама работала учителем естествознания, а у папы был салон свадебной фотосъемки. Они постоянно говорили о том, что уедут из Глазго, купят маленький коттедж в Норт-Берик и на склоне лет будут наслаждаться жизнью на берегу моря. Мама собиралась заняться живописью, и они мечтали завести собаку. Отец хотел купить маленькую шлюпку...

— Словом, у них была масса планов, — мягко говорит он.

— Именно так, — я допиваю кружку. — А что ваш отец? — спрашиваю я и тотчас спохватываюсь: — Если это, конечно, не секрет...

— Ничуть, — заверяет меня он, — хотя рассказывать почти нечего. Вам известно, что он уехал в Канаду?

— Да, Пенни говорила.

— Поэтому в детстве я с ним почти не виделся, — он криво улыбается. — Судя по всему, он не семейный человек, хотя мама старалась уберечь меня... от всех подробностей их совместной жизни. Скажем так — я не знаю, сколько единокровных братьев и сестер у меня есть... — Он замолкает, потому что на кухне появляется Иззи в новой пижаме и выпучивает на него глаза.

— Вы не знаете, сколько у вас братьев и сестер?

Ник смотрит на меня, потом на нее и смеется.

— Это немного сложно объяснить, Иззи.

— Почему? — спрашивает она.

Он делает паузу, явно раздумывая над тем, как лучше ответить.

— У моего папы, э-э, были другие подруги, после того как они расстались с моей мамой...

Дочка морщит лоб и переводит взгляд на меня.

— А почему вы не спросите его...

— Мы редко разговариваем, — быстро говорит он, — в Рождество, на его день рождения и в подобных случаях. Всегда как-то момент неподходящий для вопроса: «Слушай, папа, а сколько у тебя детей?»

Я хихикаю и поворачиваюсь к Иззи.

— А я спросила бы, — говорит она.

— Знаю, дорогая, — говорю я, — а теперь перестань доканывать Ника и иди спать. Уже *очень* поздно.

Я веду ее назад в лагерь, а когда возвращаюсь, Ник объясняет, как я и ожидала, что его отец сам толком не знает, сколько у него отпрысков, «хотя, когда он брал меня с собой в Ванкувер, там уже было еще двое...».

— Вы ездили в Канаду?! — восклицаю я.

— Да, всего один раз, когда мне было четыре года. Ему вдруг приспичило стать хорошим папочкой или, по крайней мере, создать такое впечатление у своей новой подружки. К счастью, приступ оказался недолгим. Просто моча в голову ударила, — он улыбается, внимательно глядя на меня серо-голубыми глазами, и со мной начинает что-то происходить, возможно, это сердце? Оно как-то... *сжимается*, дает мне понять, что оно есть и по-прежнему функционирует.

Ну да, он исключительно привлекателен внешне. Даже я — женщина, которая больше не интересуется этими вопросами, — не могу отрицать тот факт, что его глаза лучатся добротой и действительно очень красивые. Досадно, что у меня кожа покраснела и лоснится, а на голове — полный кошмар из-за того, что я несколько часов кряду приплясывала вокруг детворы. Последний раз я смотрелась в зеркало в восемь часов утра и, хотя на мне приличное платье, точно по фигуре, в крохотную черно-красную клетку, на груди, как выясняется, сияет пятно от сахарной глазури.

Интересно, что случилось в Канаде и почему Пенни никогда не упоминала о том, что Ник ездил к отцу. Однако после допроса, учиненного Иззи, я решаю умерить свое любопытство. Вместо этого я говорю:

— Знаю, время позднее, но, может быть, вы подниметесь наверх? — И тотчас спохватываюсь и молча проклиная свою пылающую физиономию. — Посмотреть коллекцию «Мисс Пятницы», — быстро добавляю я, — она в комнате Спенсера.

Ник широко улыбается и встает. Он уловил, как это было двусмысленно?

— Охотно, — как обычно невозмутимо, говорит он. — С большим удовольствием.

Глава тридцать первая

Раннее утро воскресенья, 3 ноября

Мы уже час рассматриваем модели его матери, которые, по странному совпадению, оккупировали комнату моего сына. Все, что было можно, я повесила на «плечики»: яркие однотонные брючные костюмы, стильные жакеты и платья с огромными цветами и графическими принтами. Несмотря на мой нынешний достаточно прагматичный подход к одежде, по мере того как прибывали эти вещицы, я вспоминала, как прежде любила наряжаться для выхода «в свет» и насколько воодушевляющей и бесстыдно забавной может быть мода.

Охапка лакированных сумочек свисает с дверного крючка, подобно букету бумажных цветов. Тут и там валяются расшитые вельветовые клеши, джинсовые шорты с яркими заплатками и трикотажные свитера типа «лапша» радужных цветов. Несколько дней назад доставили кипу платьев в стиле хиппи с узорами в виде «турецких огурцов» и крупных ромашек. На кровати Спенсера разложены аксессуары: полосатые гольфы, замшевые пояса, цветастые налобные повязки и всевозможные головные уборы, начиная от розовой бейсболки и заканчивая широкополой шляпой ядовито-зеленого цвета с искусственными маками.

На полу аккуратными рядами расставлена обувь: сапоги, сандалии и туфли «на платформе» — при виде последних Иззи пришла в неописуемый восторг. Я разрешила ей померить их и пройтись по дому, но остальные вещи трогать запрещается, что она восприняла с кислой миной. В довершение ко всем хлопотам следить за тем, что где раскидано, — это выше моих сил. По опыту я знаю, что рядовая примерка в комнате Иззи может быстро закончиться тем, что боа из перьев и накидки недели спустя будут обнаружены в углу сада намокшими от дождя и перепачканными в слизи.

— Как вам удалось столько собрать? — изумляется Ник, разглядывая одну вещь за другой.

— Благодаря огромному количеству звонков и писем, — объясняю я. — Мне помогала Айла. Мы шли по составленному мной списку комиссионных магазинов, начиная с Глазго и расширяя круг поисков практически на всю Шотландию. Затем мы постепенно охватили север Англии.

— Потрясающе, — бормочет он.

— Но впереди еще много работы, — добавляю я. — На очереди Мидлендс, потом Уэльс, Лондон, Юго-Восточная Англия и Юго-Западная...

— Я тоже могу помочь. Я здесь еще какое-то время пробуду, так что давайте мне список и инструкции. Говорите, что надо делать.

— Охотно, — смеюсь я. — Чем больше помощников, тем лучше.

Ник рассматривает украшенный бахромой жилет из рыжей замши и ошеломленно качает головой.

— Все еще не могу поверить, как вам удалось это сделать. Просто невероятно.

— Процесс набирает силу, — объясняю я. — Возможно, дело в том, что я очень соскучилась по творческой работе, если вы понимаете, — он кивает. — С тех пор как я ушла из театра, прошло много лет. Правда, я слегка недосыпаю, — усмехаюсь я, указывая на мешки под глазами. — Вот, видите?

— Нет, не вижу, — смеется он. — Вообще ничего. Значит, когда вы находили вещи, владельцы магазинов шли вам навстречу? Я имею в виду, насчет отправки...

— В основном да. Мне удалось раскрутить Ханну из музея на небольшой бюджет, так что мы смогли покрыть расходы на почтовую и курьерскую доставку. То, что было в городе, я забрала сама.

— Все вещи взяты напрокат? — спрашивает Ник.

— Да. Возвращать их после показа — вот где будет потеха, — улыбаюсь я. — Но некоторые можно задержать подольше, потому что планируется оставить небольшую коллекцию в экспозиции после проведения показа.

— Потрясающе, — говорит Ник, глядя на меня. — Просто нет слов. Может, расскажем маме прямо сейчас, как думаете?

— Мне не по себе, Ник, — мямлю я. — Что, если она не обрадуется? Если рассердится, потому что мы делали это втайне от нее...

— Ерунда, — твердо говорит он. — Она придет в восторг и будет невероятно растрогана. При виде всего этого, я уверен, что она...

— Да, но что, если... — Я осекаюсь, потому что снизу, из «лагеря», доносится громкий смех. — Они не спят!

Мы несемся вниз по лестнице, и я с порога гостиной приказываю детям, чтобы немедленно засыпали.

— Мы спим, — хихикает Лудо.

— А мне, Лудо, так не кажется, — я стараюсь подавить улыбку.

— Он спит, мама! — настаивает Иззи.

Снова слышится смех, внутри палаток мелькает свет фонариков.

— Вы как — справитесь с ними одна? — с шутливой тревогой в голосе спрашивает Ник, надевая в прихожей куртку и собираясь уходить.

— Думаю, да. Но если мне потребуется помощь, я пушу сигнальную ракету.

Он улыбается, и мы снова встречаемся взглядами.

— Знаете, а вы удивительный человек, — вдруг говорит он.

Я смотрю на него, не зная, как реагировать. «Спасибо» — это все, на что я способна.

И тут до меня доходит, что он имеет в виду не только проект «Мисс Пятница». Он задержался после окончания детского праздника не потому, что у него не было других дел, и даже не для того, чтобы помочь с рекламной кампанией. Он просто хотел остаться, понимаю я, и мне тоже хотелось, чтобы он остался.

— Я серьезно, — добавляет он.

Я улыбаюсь, улавливая выражение его добрых глаз и чувствуя, как внутри все сжимается и сердце начинает биться сильнее. Да, я уже считаю Ника своим другом, но, возможно, речь идет о чем-то большем. Если я не ошибаюсь и не окончательно утратила способность распознавать подобные вещи, между нами проскочило что-то вроде искры.

Разумеется, сама мысль об этом абсурдна. Он даже не в этой стране живет — даже не в этом полушарии. Через несколько недель он улетит обратно в Новую Зеландию, вернется к прежней жизни, и, вероятно, мы никогда с ним больше не увидимся. Он нечасто приезжает сюда — раз в год, а то и реже. Но сейчас он, похоже,

счастлив и потому легко и быстро целует меня в щеку. Потому что он рад, что находится дома.

А может быть, ему просто этого хотелось, рассуждаю я и не могу подавить дурацкую улыбку, когда прощаюсь с ним. Какой-то момент я смотрю, как его высокая долговязая фигура удаляется вниз по улице, а затем, несмотря на то что за стенкой спят тринадцать детей, которые поутру потребуют от меня блинов, я натуральным образом *впархиваю* в дом.

Глава тридцать вторая

Суббота, 9 ноября

Такое ощущение, что мы с Крисси состязаемся, кто больше недосыпает: она — из-за Лары, а я — из-за того, что ищущу модели «Мисс Пятницы», а значит, допоздна отправляю имейлы. Между тем обычная жизнь идет своим чередом, и работать над проектом в офисе никак не получается, разве что делать массивный обзвон в обеденный перерыв.

Ник присоединился к розыскам, и уже неделю спустя после дня рождения прибыла новая партия вещей. Теперь у нас есть изумительный жакет небесно-голубого цвета, пара сногшибательных серебристых сапог, вязаный жилет и уйма ярких бус, бархоток и поясов. Но пончо по-прежнему нет, и шансов найти его становится все меньше.

— Это так важно? — спрашивает Крисси, когда я показываю ей разрастающуюся коллекцию в комнате Спенсера. Ее светлые волосы сколоты в небрежный пучок, а на груди у нее в «слинге» спит Лара.

— Мне — да, — говорю я. — Я продолжу поиски. Показ назначен на первое декабря, так что время есть.

Я поворачиваюсь, когда в комнату заглядывает Иззи, узнать, чем это мы заняты.

— Как будет проходить показ? — спрашивает она, с изумлением оглядываясь по сторонам.

— Ну, модели будут демонстрировать эти наряды в свете софитов, под звуки музыки, а публика будет смотреть. По крайней мере, я надеюсь, что она будет. — Я беру ее за руку. — Ты помнишь, что это секрет, да?

— Конечно, помню, — она поднимает на меня глаза и улыбается. — Не беспокойся, мамочка, я не проговорюсь.

Я поворачиваюсь к Крисси.

— Тебя это тоже касается, — с притворной строгостью говорю я ей. — Пенни по-прежнему ничего об этом не знает.

— Ясно, — твердо отвечает она. — Как бы я хотела увидеть показ, Вив. Это будет потрясающе!

Я смотрю на нее и ничего не понимаю.

— Я надеялась, что ты будешь. Разве ты не сможешь пойти?

— Вряд ли, — отрывисто говорит она, спускаясь по лестнице следом за мной и Иззи. — У меня, как ты знаешь, ребенок. Это проблематично.

— Но... это всего несколько часов в воскресенье вечером. Разве Тим не сможет подменить тебя с детьми?

— Он говорит, что да... — Хм. Вообще-то он — их отец, причем очень ответственный и умелый. — Но мне кажется, пока еще рано бросать ее, — добавляет она.

— Ты не будешь ее бросать, — мягко увещаю я ее. — Она останется с папой, а до показа почти целый месяц. Пожалуйста, Крисси, приходи. Я очень хочу, чтобы ты присутствовала.

Она качает головой, и я узнаю этот мутный взгляд, когда день мешается с ночью: похоже, в нашей гонке недосыпания Крисси вырывается вперед.

— Слушай, — говорю я, когда она собирается уходить, — бог с ним, с показом. То есть я буду рада, если ты придешь, но считаю, что еще лучше будет просто провести вечер «на людях». Может, сходим куда-нибудь?

— Мы с тобой? — Она, похоже, оживляется при этой мысли, но затем снова скисает. — Но я не пью. Только изредка бокал вина. — Она поглаживает Лару по головке. — Я же кормящая мама.

— Да, конечно, но все равно мы можем прекрасно провести вечер. Дело ведь не в выпивке, — улыбаюсь я. — Мне не обязательно нарезать до бесчувствия, когда отправляюсь погулять.

— Я совсем не это имела в виду... — Крисси смотрит на меня в ужасе.

— Знаю. Так как насчет сегодняшнего вечера?

— Сегодняшнего вечера? — выдыхает она. — Это слишком быстро.

— Да ладно, надо быть спонтанной...

— Я не была спонтанной с девяносто шестого года! — Черт побери, Крисси еще способна смеяться над собой. — Извини, что я

такая зануда. Просто... все должно быть спланировано. Мне нужно настроиться, подготовиться, найти приличный наряд...

— Я тебя не на свадьбу приглашаю, — подтруниваю над ней я, — а перекусить в *Pig and Pint*.

Она снова смеется, и я не могу припомнить, когда в последний раз видела ее такой веселой.

— Ну, это звучит...

— А вон Тим, — быстро говорю я, увидев, что он выгружает продукты из багажника машины, а рядом вертится Лудо. Я направляюсь к ним и вступаю в переговоры, а Крисси тем временем выдумывает разнообразные предлоги, в силу которых она может выйти из дома в вечернее время не иначе, как привязав к себе младенца.

— Нет, Крисси, — твердо произносит Тим, глядя на меня, — вопрос закрыт. Сегодня я присматриваю за Лудо, Ларой и Иззи, а ты идешь на прогулку с Вив.

— Но как ты справишься со всеми тремя? — Она поворачивается ко мне: — Разве Иззи сейчас не с Энди? Она может остаться на ночь у него?

Мне вдруг отчаянно начинает вонять сыром.

— Вообще-то нет. Она должна вернуться с минуты на минуту...

— Разумеется, я справлюсь, — говорит Тим, выдыхая и подмигивая мне. — Иззи может остаться у нас, чтобы потом тебе не бегать за ней.

— Но, Тим... — Крисси умолкает, когда Лудо заявляет, что Иззи *должна* прийти к ним — «Ко мне никто никогда не приходит!» — и мы все вместе несем пакеты в дом.

— Я впечатлен, Вив, — с улыбкой шепчет Тим, — судя по всему, ты обладаешь гораздо большей способностью убеждать, чем я.

И вот несколько часов спустя мы с Крисси сидим в многолюдном местном пабе, умудрившись занять последний свободный столик. Мы уже поужинали в находящемся по соседству итальянском ресторанчике, а по дороге домой Крисси, к моему удивлению, предложила завернуть сюда. А еще удивительнее то, что двое сидящих рядом мужчин пытаются нас закадрить. Это непривычно и вместе с тем смешно — такое же ретро, как топик из коллекции «Мисс Пятницы».

— Что, вырвались на свободу? — замечает тот, что с соломенными волосами.

— Да, редко удается бывать на людях, — отвечаю я.

— Двум таким молодым дамам? — спрашивает его приятель (бритоголовый, в крохотных очочках и с забитыми татуировками руками).

— Представьте себе, — смеется Крисси. — Надеюсь, нам ничто не угрожает?

Она уже выпила в ресторане бокал вина, — притом большой! — беспечно заявила, что оно ударило ей в голову, а теперь жадно осушает второй. Я чуть не упала, когда она возникла у меня на пороге, разодетая в пух и прах — в супероблегающем черном платье, на каблуках и с красной помадой на губах.

— Если вы двое гоните меня из дома, — заявила она, — то пеняйте на себя!

Мужчины, которые представились как Тони (с соломенными волосами) и Гас (бритоголовый), продолжают заигрывать. Пока они подтрунивают друг над другом, я наклоняюсь к Крисси:

— Который из двух тебе нравится?

— Я не привередлива, — фыркает она. — Любой сгодится. Возьмем еще вина?

Я смотрю на нее.

— Ты уверена?

Я не против, но не хочу нести ответственность за то, что сбила ее с толку.

— На всякий случай я сцедила молоко на сегодняшний вечер, — с заговорщицким видом сообщает она.

— Предусмотрительно, — усмехаюсь я.

Мы выпиваем еще по бокалу, а наши кавалеры тем временем отчаянно флиртуют, но так неловко, так неумело, что мне кажется, точно мы все в документальном кино о животных: *Вот что происходит, когда два самца в условиях дикой природы ищут самок для спаривания.*

— Вы сестры? — интересуется Тони.

Я прыскаю от смеха. Я — брюнетка с пышными формами, а Крисси — стройная блондинка, не говоря уже о том, что я на пятнадцать лет старше.

— Нет, мы просто подруги, — отвечаю я.

— А мы братья, — объявляет он, — но от разных матерей.

— Тогда вы друзья, — сухо замечает Крисси.

— Да, но если бы мы были братьями, — добавляет Гас, — тогда мы были бы близнецами, потому что мы родились в один день.

— Неужели? Это удивительно. — Она чувствует себя в пабе как в своей тарелке.

— Угадайте, сколько нам лет, — предлагает Тони.

Я смотрю на него с прищуром и думаю: веселье идет на спад, а не пора ли нам выдвигаться домой и проверить, как там Тим «справляется»?

— Не люблю играть в «угадайку», — говорю я.

— Почему?

— Потому что, — заявляет Крисси прежде, чем я успеваю открыть рот, — в нее играют только те, кто считает, что они выглядят моложе своего возраста.

Я поворачиваюсь к ней, приятно удивленная ее сегодняшним настроением. «Мы не говорим „нельзя“, как принцип воспитания и зубная паста с экстрактом полыни существенно оживили мое представление о ней, но, как выясняется, она еще прикольнее, чем я думала».

— Ты абсолютно права, — говорю я. — Я всегда ненавидела «угадайку», но не могла понять почему.

— Она раскачивает тщеславие, — выдает Крисси.

— В точку!

— А он напрашивается на комплименты, — добавляет она, подмигивая.

— Да вы просто угадайте, — хмурится Тони.

— Сорок пять? — брякает Крисси.

— Полегче! — восклицает он. — Нам сорок два!

— Ну, извините, — говорит она. — Я действительно в этой игре ни бум-бум.

Можно было предположить, что на этом вопрос исчерпан, но, судя по всему, мужчины крепко застряли на теме возраста и теперь громко рассуждают о том, насколько «естественно» мы выглядим.

— Здорово, что вы не из тех, кто себя кроит и перекраивает. Я имею в виду, что мужчинам стареть гораздо легче, — замечает Гас.

— Вот как? — спрашиваю я. — И почему же?

— Мы не заморачиваемся. Пусть идет как идет. И никаких проблем.

Я ловлю взгляд Крисси, она тотчас понимает намек и начинает надевать куртку.

— А как, по-вашему, это бывает у женщин? — спрашивает она.

— Они ведут отчаянную борьбу, — хихикает он. — Моя бывшая что только с собой не делала — ботокс, массаж, жуткий пилинг, при котором снимался верхний слой...

— Верхний слой чего? — с обеспокоенным видом интересуется Тони.

— Кожи лица, — с содроганием объявляет Гас, вознаграждая себя огромным глотком пива. — Ты, Вив, как я вижу, не паришься на эту тему, — добавляет он. — Я про косметические процедуры.

— Так уж видно?

Черт меня дернул назвать себя. Если я намерена тусоваться в общественных местах, надо как-то следить за языком.

— Ага. Ты такая свеженькая, не то что другие. Выглядишь отлично, точно...

— Спасибо, — любезно говорю я.

— ...на свой возраст, — договаривает он.

Я еще раз благодарю его, когда мы с Крисси направляемся к выходу из паба, потому что женщине, само собой, следует быть признательной за любой паршивый комплимент, отпущенный в ее адрес.

На улице я хватаю Крисси под руку, и мы хохочем.

— Вот и погуляли! — объявляет она, и мы быстрым шагом движемся в сторону дома.

— Я так рада, что одна и могу снова ходить на свидания, — с улыбкой говорю я.

— Шутишь? Ты серьезно думаешь, что готова к этому?

— Я *никогда* не буду к этому готова! — восклицаю я. — Но вечер удался...

— Это точно. Давай повторим как-нибудь...

— Только в другом месте, — предлагаю я, и она хохочет.

— Договорились. А знаешь что, — она лукаво улыбается, когда мы идем вниз по улице, — ты действительно хорошо выглядишь — *для своего возраста*.

Глава тридцать третья

Среда, 13 ноября

Как и было условлено, Ник приходит, когда у Иззи собрание «брауни», и мы детально прорабатываем рекламную кампанию. Я уже набросала черновик пресс-релиза и отправила его Ханне на согласование. Вчера вечером мы с плотниками, приятелями Спенсера, заглянули в музей, и мальчики сделали замеры для базового подиума. В порядке оказания помощи музею — слухи о погроме разлетелись быстро — поставщики готовы предоставить материалы по бросовым ценам. Это значит, что данное учреждение пусть не пользуется особой популярностью, но дорого людям, и посредством шумихи, поднявшейся в СМИ, борец за свободу горностаев оказал-таки ему услугу.

Так что, похоже, картина уже начинает вырисовываться, хотя мне по-прежнему с трудом в это верится. Сотрудники музея — я не имею в виду Айлу и Ханну — в своей массе люди неповоротливые и действуют как в тумане, очевидно, функционируя по законам «музейного времени». Я не самый расторопный человек на земле, но скрежетала зубами и впивалась ногтями себе в ладони, когда милейший убеленный сединами бородач втолковывал мне, причем так ме-е-едленно, что я чувствовала, как кожа теряет остатки коллагена, что экспозиция будет располагаться в заднем южном крыле. Объяснения растянулись на сорок пять минут, а хватило бы и меньше тридцати слов.

Возможно, причина во мне — я уже привыкла к осмысленно динамичной и довольно шумной атмосфере, установившейся в штаб-квартире «Флакико» в последнее время. Я ввожу Ника в курс дела и сама страшно радуюсь тому, что могу делиться с ним всеми подробностями. Он внимательный слушатель: посмеивается, улыбается и вставляет замечания.

— Вскоре новость появится в Интернете, — напоминаю ему я. — Надо рассказать Пенни прежде, чем это произойдет.

Я больше не называю ее «ваша мама», потому что это глупо, и он, в конце концов, уже давно взрослый человек.

— Согласен, только надо выбрать подходящий момент, — говорит он, — и, мне кажется, это лучше сделать вам.

— Хорошо. — Я натужно улыбаюсь. — Пенни хорошо отреагирует, как считаете?

— Не сомневаюсь. Она будет абсолютно счастлива...

— Если с ней будут советоваться, — договариваю я. — На мой взгляд, ей хватит времени включиться в процесс. Нужно найти модели, а это, как выясняется, сложнее, чем я предполагала, — агентства нам не по карману. Потом прически и грим. Хочется, чтобы все выглядело профессионально...

— Конечно.

— Будет обидно, если из-за убогого вида все пойдет насмарку, поэтому я думаю, что мне придется задействовать все свои связи. Когда разберемся с этим, надо будет отобрать наряды и скомпоновать их. В этом я полагаюсь на Пенни.

— Верно, — говорит Ник, — в конце концов, это ее конек.

— И принципиально важно, — киваю я. — Я имею в виду, что это ее стиль. Она создала его, поэтому она будет нашим... — Я замолкаю, пытаюсь подобрать нужное слово. — ...креативным директором.

— Главным креативным директором, — предлагает он, и мы улыбаемся.

Это так правильно, что Ник находится рядом, держит руку на пульсе и поддерживает меня. И в то же время не переступает границ. Когда мы с Энди были вместе, я часто уступала ему, и сейчас это представляется мне такой глупостью. Какой бы вопрос ни становился предметом споров в годы нашей совместной жизни — покупка кафеля для ванной или к чьим родителям поехать на Рождество, — его мнение, как правило, брало верх. Выбор фильмов, ресторанов и мест отдыха — у меня были свои предпочтения, но Энди всегда поворачивал дело так, что его доводы оказывались убедительнее. Я стала какой-то бесхребетной, и сейчас мне за себя стыдно. Проблема состояла в том, что я — женщина, или же это был вопрос его профессиональной состоятельности? Пожалуй, я никогда не отличалась особой уверенностью в себе. В той или иной мере я всегда испытывала беспокойство — родители, хотя и любили меня, никогда

не внушали мне, что я способна всего добиться. Возможно, мне льстило, что я встретила такого мужчину, как Энди, и удачно вышла замуж. Но сейчас все стало по-другому: я впервые в жизни чувствую себя ответственной за собственную судьбу, и это упоительное ощущение.

Я определенно иду на поправку и не кривила душой, когда говорила Нику, что больше не сержусь на Энди. Когда-то, пытаясь залезть душевную рану, я составляла список причин, почему наш разрыв мне только на пользу. К примеру, его набившее оскомину «да будет тебе известно». А еще привычка говорить «мой животик» — «У меня болит животик» (произносилось капризным голосом, потирая его с болезненным выражением на физиономии). И бесячие вопросы типа «У нас есть „Ренни“?», а также другие медикаменты, точно я — Единая аптечная справочная и могу навскидку сказать, что лежит в шкафу (а не он врач в нашем доме). А теперь есть только я, и поблизости — никакого половозрелого самца, жалующегося на изжогу и на то, что мы с Шелли и Айлой вечером на кухне «здорово засиделись».

С тех пор как Энди свалил, мне каким-то чудом удалось запустить проект, который обещает стать настоящим событием. Я — его движущая сила, и помогает мне в этом ужасно красивый мужчина, сидящий у меня на кухне.

— Итак, что еще нужно сделать? — спрашивает Ник, допивая кружку чая.

— Нужна еще одежда, — отвечаю я. — Есть несколько ключевых моделей, которые пока отсутствуют.

— Вот как? А какие именно?

— Например, пончо «Пиппа».

— О, я его помню, — он лучезарно улыбается. — По-моему, оно было на обложке журнала «Милашка». Многие годы его фотография, увеличенная до размеров плаката, висела в рамке на стене у нас в гостиной. Мама всю зиму в нем ходила, но однажды оно застряло в дверце машины и подмело всю дорогу.

— А это фактор риска для пончо, — хихикаю я.

Ник улыбается. Не будь он сыном моей подруги и не занимайся мы общим делом, возможно... я позволила бы себе в него втрескаться (в моем-то возрасте! Кто бы мог подумать, что я еще способна на

такое?). Возможно, я пофлиртовала бы с ним, как с тем смазливym плиточником, который отделывал нашу ванную, — так утверждал Энди, который подтрунивал надо мной: «Ого, у нас вдруг появился бурбон! Он что, предпочитает его?» Да, я определенно позволила бы себе флирт, если бы Пенни периодически не смотрела на меня с намеком и не приводила его ко мне, точно *демонстрируя* напоказ, как будто что-то должно произойти.

— Я рад, что могу помочь со звонками, — говорит он, — но мне хотелось бы сделать больше. Как насчет практического участия? Может, мне найдется занятие?

— С подиумом вопрос решен, — говорю я, — а музыкальное оформление и свет — это дело Спенсера и его приятелей.

— Может, я займусь съемкой? — неожиданно предлагает он.

— То есть самого показа? Ну да, это было бы здорово...

— И его, разумеется, но я имею в виду всю историю, процесс подготовки, предысторию главного события. Что скажете?

— Да, конечно, — говорю я, — но кого вы будете снимать?

— Всех, кто задействован в проекте, — говорит он. — И чем больше людей, тем лучше... Маму, когда она обо всем узнает. Моделей, гримеров, стилистов... возможно, женщин, которые в семидесятые годы покупали эту одежду и надевали ее «на выход» пятничным вечером. Тех, кто работал в бутиках, если повезет их найти...

— Может, и сотрудников музея? — спрашиваю я.

— Само собой. Айлу, Ханну — и, конечно, вас. — Мы встречаемся взглядами, и он улыбается.

— Меня?! — восклицаю я. — Но я не сотрудник...

— Но вы — душа всего проекта!

Я смотрю на него и не знаю, что сказать.

— Нет, Ник, меня не надо снимать, — бормочу я, мотая головой. — Извините, но это *совсем* не мое...

— А вот не отвертитесь, — настаивает он. — Все это стало возможно только благодаря вам. Подумайте сами, сколько времени и сил вы на него потратили. Сделать фильм без вас никак не получится...

— Но я не актриса и не ведущая, — твердо говорю я. — Мое место — за кулисами. Так было всегда. Именно поэтому я стала

помощником режиссера и сейчас работаю личным помощником. Я — исполнитель, специалист по согласованию.

— Эй, — перебивает он, легко дотрагиваясь через стол до моей руки. — Вы — все это, а еще гораздо большее. Прошу вас, Вив. Я сделаю так, чтобы вы чувствовали себя максимально комфортно. Это будет даже увлекательно. Пожалуйста, скажите, что будете у меня сниматься.

Бесспорно, это было самое неожиданное предложение, которое я слышала за всю свою жизнь. И поскольку его озвучил Ник, я, конечно же, взяла себя в руки, благосклонно улыбнулась и сказала:

— Хорошо, будь по-вашему. Но только при условии, что вы будете снимать меня с фотогеничной стороны лица.

Глава тридцать четвертая

Пятница, 15 ноября

Энди отчего-то повадился то и дело заглядывать к нам, в том числе не в дни прогулок с Иззи. Позавчера явился за книгами, которые якобы нужны позарез, а сегодня опять тут как тут, чтобы «взглянуть» на мою машину, которая заглохла на ходу, а я имела неосторожность проговориться об этом.

Ему хватает хороших манер предупреждать звонком о своем приходе, но делает он это за пятнадцать минут до появления. Вид у него какой-то потерянный, щеки слегка запали, глаза «не горят» — словом, можно предположить, что жизнь пошла не совсем так, как он себе представлял, когда уходил от меня. Но это не моя забота. Я по-прежнему толком не знаю, что ему от меня нужно — неужели еще питает надежду, что мы можем снова сойтись? Что бы там ни было у него на уме, но, когда я говорю, что завтра утром машина отправляется в сервис и его помощь не требуется, он явно огорчается.

— Может, мне все-таки взглянуть? — спрашивает он.

— В сервисе эту машину знают, — говорю я, стараясь сохранять терпение, — и сказали, что проблема серьезная, что-то с системой охлаждения. Не думаю, что тебе есть смысл возиться под капотом.

Ну вот, вопрос закрыт, и теперь я жду, когда он уйдет. Но он не торопится: расспрашивает Иззи о школе и даже, к моей досаде, смотрит с ней мультики — никогда за ним такого интереса не наблюдалось.

Похоже, он не собирается идти домой, с гнетущим чувством понимаю я. Можно было бы его выпроводить, но делать это в присутствии Иззи не хочется — я из кожи вон лезла, создавая видимость, что мы с ним друзья, и не стану это ломать. Возможно, на следующем тренинге личностного роста нам следует сконцентрироваться на этой моей еще не выявленной способности к *притворству*?

— Иззи сказала, что подготовка к показу идет полным ходом, — между делом роняет он, притаскиваясь ко мне на кухню.

— Да, так и есть, — говорю я, продолжая убирать столовые приборы. — Кстати, Пенни пока не в курсе, так что не проговорись, если с ней столкнешься. Впрочем, это маловероятно.

— В самом деле? Она ничего не знает?

Я кидаю на место последнюю вилку и поворачиваюсь к нему:

— Нет.

Он морщит лоб.

— И, по-твоему, это разумно?

Мне кажется, иногда он сам не понимает, насколько может доставать. Должно быть, за годы совместной жизни я стала невосприимчивой к его закидонам — так сказать, иммунонепробиваемой, — иначе я уже давно линчевала бы его.

— Мы с Ником считаем, что так лучше.

Энди внимательно смотрит на меня, точно пытается навести резкость.

— Вы с Ником?

— Да, — твердо говорю я, решив не заглывать наживку. — Поначалу я не хотела рассказывать ей, чтобы она не спутала нам карты, прежде чем мы вообще приступим к проекту. А теперь дело пошло и набирает обороты, но подходящего момента пока не представилось. Поэтому мы с Ником считаем...

— Вы с Ником? — снова говорит он, вопросительно глядя на меня с порога.

— Что ты заладил? — вскидываюсь я.

— Так, ничего, — поспешно говорит он. — Просто мне подумалось.

— Что подумалось? Кто такой Ник? Сын Пенни, вы с ним встречались на дне рождения Иззи, ты забыл?

— А, *этот* Ник, — бесячим тоном произносит он.

Я пристально смотрю на него, прикидывая, к чему он клонит, а затем прохожу мимо него в гостиную с соком для Иззи.

Он тащится за мной, точно я — агент по недвижимости, показывающий дом.

— Значит, вы с ним часто видите? С этим Ником, я имею в виду.

Иззи в гостиной нет — судя по шагам, она наверху. Я выключаю телевизор и начинаю собирать валяющиеся на полу фломастеры и раскраски.

— А к чему эти расспросы?

— Да просто так.

Я морщю лоб.

— Вообще-то он много помогает мне с показом. И собирается снимать фильм — документальный — про...

— Фильм? Вау!

— Он этим занимается, — нетерпеливо говорю я. — Это его работа. Да, он здесь часто бывает и, надеюсь, будет также часто приходить и дальше.

Следует короткая пауза.

— Он ведь из Новой Зеландии?

— Да, — киваю я. — По крайней мере, он там живет.

— А когда намерен вернуться домой? — с делано небрежным и потому комическим видом вопрошает он.

Я смотрю на него, а потомдвигаюсь обратно на кухню.

— Точно не знаю. Думаю, в декабре. А ты почему интересуешься?

— Я не интересуюсь, — возражает Энди, по-прежнему волочась за мной хвостом, совсем как Бобби, только без его обаяния. Любопытно, если я пойду в туалет, он тоже двинется следом? — Извини, — бормочет он, точно вдруг осознавая, насколько дико выглядит его поведение. — Конечно, это не мое дело, если ты, э-э, с кем-то сблизись...

— Если я с кем-то *сблизусь*? — почти смеюсь я. — Не понимаю, о чем ты, но если ты предполагаешь, что что-то происходит... — я понижаю голос до шепота, — то уверяю тебя, ничего такого нет.

— Ладно, ладно, — он отступает назад с пристыженным видом. — Прости, пожалуйста. Черт бы меня подрал, вечно я ляпну что-то некстати. Меньше всего я хочу поссориться с тобой или тебя обидеть.

Я выдыхаю.

— А теперь, с твоего позволения, я бы хотела заняться делами.

Я имею в виду подготовку к показу и собственную жизнь. *Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое и дал мне возможность заняться собственной жизнью.*

— Да, конечно. Извини, — снова говорит Энди, после чего кричит наверх Иззи, что уходит, и прощается с ней до завтра. Она говорит «пока» и машет ему с площадки лестницы — я не настаиваю на том, чтобы она спускалась вниз и обнимала его, — и уже в дверях он добавляет:

— Если я могу чем-то помочь — я имею в виду с показом, машиной или еще с чем-либо, — просто дай знать.

— Все в порядке, спасибо, — твердо говорю я, провожая его. Он кивает и направляется к машине. — Разве что тебе удастся найти пончо «Пиппа»! — кричу я ему вслед.

Он оборачивается со счастливым видом — ни дать ни взять ребенок, которому разрешили «помочь», доверив поливку сада из шланга.

— Что за пончо «Пиппа»? — спрашивает он.

— Да так, — улыбаюсь я. — По крайней мере, ты с этим помочь не можешь...

— Точно? Потому что, честно говоря, ты, похоже, столько на себя взвалила, и я просто хочу...

— Все отлично, Энди, — твердо говорю я. — Спасибо за предложение, я действительно ценю твою помощь и все такое, но я действительно в порядке. Так что *спокойной ночи*.

Глава тридцать пятая

Суббота, 16 ноября

В колледже мне иногда случалось «выходить на сцену», и это без преувеличения. Я была третьей чирлидершей в «Бриолине», проституткой в «Трамвае „Желание“» или просто «Девушкой» в «Суровом испытании», причем только потому, что могла двигаться и говорить, а не в силу каких-то актерских способностей. Старый кухонный шкаф смотрелся бы на сцене интереснее, чем я. И об этом я напоминаю себе сейчас, когда Ник устанавливает камеру в комнате Спенсера. Грядет ужасное испытание. Куда девать руки, что делать с лицом и откуда взялся этот чужой жеманный голос? А вот наконец и он — неминуемый прилив.

— Вы в порядке? — встревоженно спрашивает Ник.

— Я просто... — Я обмахиваю лицо солнцезащитным козырьком «Мисс Пятницы» (почему, хотелось бы знать, Пенни не выпускала веера?) — У меня прилив. Периодически случается. Это из-за...

— Да, я знаю, что это такое, — невозмутимо говорит он. — Могу я чем-то помочь?

— Вообще-то нет, разве что каким-то образом повлияете на мой гормональный фон, — я выдавливаю из себя улыбку.

— Это слегка за рамками моих возможностей. — Ник делает паузу. — Послушайте, я не хочу на вас давить. Может, сейчас не лучший момент для съемки?

Я делаю выдох. Иззи ушла с отцом, так что момент — самый оптимальный. Я и так испытываю неловкость, и уж тем более в ее присутствии, а я знаю, что она на этом настаивала бы.

— Я отсниму большой объем материала, а потом буду монтировать, — говорит он. — Поэтому вы просто говорите как обычно. У нас с вами будет беседа, и постарайтесь забыть про камеру.

— И рада бы, но мозг не обманешь, — смеюсь я.

Тем не менее мы приступаем, и по мере того как Ник задает вопросы, я начинаю чувствовать себя... ну, не то чтобы в своей

тарелке, но не настолько мучительно.

— А что за история у этой вещи? — спрашивает он, указывая на брючный костюм, висящий на дверце платяного шкафа. Я объясняю, что, по сути, это была первая модель, которой заинтересовались молодежные журналы — дерзкая и эффектная, она стала очень популярна. Вскоре сериальная актриса выбрала его в качестве второго свадебного наряда, и дело было сделано.

— Тогда она находилась на пике известности, — говорю я, — и в одночасье магазинчик, продающий молодежную одежду по доступным ценам, оказался в тренде.

Разумеется, он это знает, но ободрительно кивает, и я продолжаю рассказ о том, как по мере появления новых вещей я все больше проникалась духом «Мисс Пятницы», выраженным в словах «шкодно, модно и удобно!».

— До меня начал доходить их смысл, — говорю я, беря в руки тунику из жатого хлопка сочного бананового цвета. — Я помню, каким волнующим событием становился поход в магазин, когда я была юной и подрабатывала по субботам. Само собой, это был не бутик «Мисс Пятницы». К той поре их уже не стало, но было что-то подобное, чему десятилетием раньше дала толчок Пенни. И суть сводилась к следующему: наряжайся, будь в тонусе и гуляй с друзьями в выходные.

Я делаю паузу. Я почти физически ощущаю себя не в комнате сына, а в той, где жила подростком и которую мама разрешила мне отделать на свой вкус, хотя, правда, сильно удивилась сиреневым ракушкам на обоях. «Жаль, что она не выбрала что-то более классическое», — сказала она моему отцу. Когда я уехала из дома, обои в комнате снова стали «в цветочек».

— Взрослея, мы обрастаем обязательствами, — продолжаю я. — Разумеется, мы по-прежнему можем радоваться, но это радость иного рода. Того чистого, неподдельного веселья и свободы, которые были в молодости, уже нет. Именно об этом я думаю, глядя на эти вещи.

Я замолкаю и обвожу взглядом комнату, где все осталось так, как было при Спенсере. Но постеры музыкальных групп и приклеенные на Blu Task случайные фотографии, на которых изображен он и его друзья, совершенно потерялись среди обилия разбросанных повсюду вещей. Даже окно почти не видно из-за висящей на нем замшевой куртки с бахромой. На внутренней стороне двери красуется

разноцветный комбинезон в стиле пэчворк, и каждый сантиметр пола занят сапогами и туфлями.

— Это как вернуться в молодость, — с усмешкой добавляю я, не думая о том, насколько безумно это звучит. Я почти забыла о том, что говорю на камеру. — Вот что этот проект значил для меня с самого начала. Он о радости.

Я смотрю на Ника, он встречается со мной глазами и улыбается. И тут это происходит опять — сердце неожиданно ёкает, а я была уверена, что навсегда потеряла способность чувствовать что-то подобное к кому бы то ни было.

Ник останавливает съемку и ерошит себе волосы.

— Отлично, — говорит он, — я и не сомневался. Это именно то, что нужно.

— По-моему, я несла полную чушь, — я снова хватаю соломенную шляпу и принимаюсь обмахиваться.

— Вовсе нет, — твердо произносит он, а я размышляю, откуда вдруг взялась эта уверенность и непосредственность? Можно было бы предположить, что причина в Нике — в конце концов, он профессионал. Ему привычно интервьюировать людей и помогать им расслабиться перед камерой. Раскрывать в них лучшее — это его *работа*. Но я склонна думать, что дело не в нем. У меня это получилось само по себе.

— Ник, — говорю я, когда он собирается уходить, — мне кажется... нужно сказать Пенни сегодня вечером. Показ на носу, и Ханна хочет запустить рекламу, что совершенно правильно. По-моему, дальше тянуть некуда.

Он кивает. Хотя в целях привлечения как можно большего числа посетителей вход будет свободный — задача состоит именно в том, чтобы привлечь людей, а не в том, чтобы сделать деньги, — билеты тем не менее будут и информация должна получить широкую огласку.

— Я ужасно боюсь, что она узнает прежде, чем я расскажу, — добавляю я.

— Пожалуй, вы правы, — говорит он. — Тогда я скажу ей, чтобы заскочила к вам, когда пойдет на вечернюю прогулку с Бобби?

Хотя Ник живет у нее, она настаивает на том, чтобы вечером гулять самой. «Мне нужен глоток воздуха», — утверждает она.

— Хорошая мысль, — говорю я. — Я просто хочу, чтобы она узнала сейчас.

Я улыбаюсь, стараясь снова ощутить прилив уверенности, которую почувствовала сегодня во время съемок.

— Все будет в порядке, — говорит он, сжимая мне руку. — Я абсолютно уверен, что она будет потрясена тем, что вы сделали.

Позднее, 17:00

Мобильный звонит, когда я нахожусь в хлебном отделе супермаркета.

— Добрый вечер! Это Вив? Вас беспокоит Триша Сполдинг из магазина «Обожаемый винтаж» в Грейндж-овер-Сандс. Вы писали мне в связи с проектом, над которым работаете, — модным показом коллекции «Мисс Пятница».

— А, да, — говорю я.

После того как Ник ушел, а Энди доставил домой Иззи, она упросила меня разрешить ей приготовить ужин, и мы выскочили в супермаркет за необходимыми ингредиентами. Я без особого энтузиазма согласилась на то, чтобы Энди — в качестве добровольного помощника, каковым себя позиционирует, — остался и покосил траву. Из-за моей занятости она действительно разрослась, так что даже Тим предлагал помощь с покосом. Что творится с этими мужчинами — всем вдруг разом взбрело в голову мне помогать.

— Спасибо, что позвонили, — продолжаю я. — Я заглянула к вам на сайт и подумала, какой у вас красивый магазин... — Это блеф. Я обращалась без преувеличения в десятки магазинов и не помню, о каком идет речь — запоминаются лишь те, кто уже выставил цену или обещал это сделать.

— В данный момент у нас только одна вещь от «Мисс Пятницы», — говорит моя собеседница, а Иззи тем временем берет на себя управление тележкой, — и я буду рада предоставить ее напрокат. Это вещь особая, поэтому о пересылке почтой речи не идет. Вы могли бы забрать ее лично?

— А где, вы сказали, находится ваш магазин? — спрашиваю я, быстро кивая Иззи, которая указывает на пышки — в списке их не

было. Иззи хватает пачку и кидает ее в тележку.

— В Грейндж-овер-Сандс. Проблема в том, что со следующего понедельника магазин будет закрыт на пару недель. Я улетаю в Штаты за новым товаром. Поэтому вы могли бы подскочить завтра?

Подскочить? Я даже толком не знаю, где это находится, но уверена, что это вряд ли «подскочибельно».

— Это непременно надо сделать завтра? — спрашиваю я. — Может быть, вы оставите ее у кого-нибудь, а я организую доставку?

— Извините, в данный момент у меня слишком много дел, — уже более отрывисто говорит Триша.

— А если отправить заказной почтой? Или курьерской? Расходы, разумеется, за мой счет.

— Нет, на почте вечно все теряют, — говорит она, — а я должна быть уверенной, что вещь до вас дойдет. Видите ли, это пончо...

— Пончо? — выдыхаю я. — У вас есть подлинное пончо «Мисс Пятницы»? Пончо «Пиппа»?

— Да, — говорит она так, точно «а что же еще это может быть?».

— Оранжево-коричнево-желтое с помпонами у ворота?

— Ну да.

— И в хорошем состоянии? — с бешено бьющимся сердцем спрашиваю я и понимаю, что переживаю небывалый восторг по поводу трикотажного изделия. Что со мной происходит?

— У нас все вещи в отличном состоянии, — категорическим тоном заявляет она. — Так вот, если вы хотите взять его напрокат, боюсь, вам придется сделать это завтра. Я была бы рада пойти вам навстречу, но иного варианта нет. — Мне неожиданно приходит в голову, что она проверяет меня, желая выяснить, действительно ли мне нужна эта вещь. — У вас есть наш адрес?

— Да, конечно. И я уверена, что смогу каким-то образом...

И тут я вспоминаю, что машины нет. Может, поехать на поезде и взять с собой Иззи? Именно в воскресенье мне этого не хватало, и вообще я плохо понимаю, насколько это осуществимо. Кроме того, днем у меня назначена встреча в кафе с четырьмя актрисами — все они потрясающие, уверенные в себе женщины, которых я знаю еще со времен работы в театре. Идея пройтись по подиуму их позабавила и вместе с тем заинтересовала. До показа осталось всего две недели, и я решила нажать на все кнопки, иначе у нас будут горы одежды и ни

одной модели для ее демонстрации. Виски начинает ломить от боли. Иззи сунула в тележку пачку глазированных пончиков и отправилась на поиски пармезана.

— Тогда я отложу его для вас, — коротко говорит Триша. — Сообщите мне, когда подъедете, и я к тому времени открою магазин.

Еще позднее, 20:20

Ник прислал сообщение, что Пенни «ночует на „Лодке любви“», имея в виду шитик Хэмиша, а это значит, что разговор придется отложить. Возможно, оно и к лучшему, потому что Энди снова у нас — испросил разрешения занести для Иззи пару книжек, которые купил для ее проекта об обитателях водно-болотных угодий.

У меня такое ощущение, что теперь мы видимся чаще, чем когда жили под одной крышей. Хотя причины для визитов всегда уважительные, долго так продолжаться не сможет. Но пока я ради Иззи изображаю радушие.

— Ну, как дела? — интересуется он, когда мы убираем со стола после ужина из запеченных цукини, приготовленных Иззи. У меня кошки скребут на сердце при виде того, как она счастлива, что мы все трое едим вместе. Она ужасно обрадовалась книгам и настояла на том, чтобы он остался на «Готовим с Иззи!» и, само собой, отведал само блюдо. — Я имею в виду модный показ, — уточняет он.

— Отлично, — отвечаю я. — Завтра встречаюсь с женщинами, которые, как я надеюсь, станут нашими моделями. По крайней мере, кто-нибудь из них. Нужны представительницы всех возрастных групп, и труднее всего найти дам постарше.

— А может, тебе самой выйти? — говорит он, и я смеюсь.

— Да нет, что за абсурдная фантазия!

— А почему нет?

Я смотрю на него изучающим взглядом и думаю, уж не заигрывает ли он со мной. Иззи копошится в своей комнате, а Энди, похоже, не торопится уходить.

— Вообще-то я — человек закулисья, — говорю я, — и ты об этом знаешь. Но в любом случае у меня и так будет дел по горло.

— Уже все вещи прибыли? — с неподдельным интересом спрашивает он.

— Почти, но есть еще несколько вещиц, которые мне нужны. Помнишь, я говорила, что очень хотела разыскать пончо?

— Э-э, кажется, да, — уклончиво говорит он.

— Так вот, я его нашла, но оно в Грейндж-овер-Сандс и отправить его почтой хозяйка отказывается. По ее словам, пончо надо забрать лично. Завтра.

— В самом деле? Черт, держу пари, тебе это совсем некстати.

— Я решила, что не поеду, — вздыхаю я. — Перенести встречу с моделями слишком сложно, а время поджимает. Афиши уже готовятся, и приятели Спенсера, Кэлем и Марк, ты их помнишь...

— Э-э, да, — неопределенно говорит он.

— Они уже предложили конструкцию подиума. Так что проект выходит на финишную прямую.

— Звучит впечатляюще, — говорит он, присаживаясь на кухонный стол.

— О пончо придется забыть, — добавляю я. — Ехать туда без машины будет форменным безумием.

— А где находится Грейндж-овер-Сандс? — спрашивает он.

— Где-то на побережье...

— Это само собой...

— В Камбрии, примерно в двухстах шестидесяти километрах от Глазго.

— Я могу съездить, — делано-небрежным тоном произносит он.

Я смотрю на него, и меня разбирает смех.

— Да ну, Энди, не сходи с ума. Вот еще глупости.

— Я не шучу, — с обиженным видом говорит он.

— Хочешь сказать, что проведешь за рулем в общей сложности пять часов, чтобы привезти пончо?

— Если тебе так важно его получить, то да, разумеется.

Я пристально смотрю на него и не могу поверить, что он настроен серьезно. Невольно припоминается случай, когда на день рождения Иззи я обещала сделать моктейли с дробленым льдом, а приготовить его забыла. «Сгоняй, пожалуйста, за льдом», — попросила я его. «А самой приготовить слабо?» — отвечивал он. Я закричала, что времени нет и не могу же я заморозить воду в мгновение ока, просто

глядя на нее. В итоге я помчалась в магазин сама и купила лед, а когда стала колоть его при помощи скалки, он буркнул, что я «слишком возбуждена».

— Какой адрес? — спрашивает он сейчас.

— Это безумие, Энди. Просто забудь. Обойдемся без него.

— Но, по твоим словам, это изделие легендарное, которое появлялось в популярной рекламе, — настаивает он. Боже мой, он начал употреблять слово «изделие» применительно к одежде. Неужели он действительно стал меня слушать? — И если в том магазине оно есть, а больше его нигде нет, значит, важно за ним съездить и привезти.

— Честное слово, это не важно. Обойдемся без него. Если бы мне так его хотелось, я попросила бы Ника, но я решила, что это слишком далеко...

— Просто дай адрес, — перебивает он.

— Нет!

— Почему нет? — хмурится Энди, явно выходя из себя.

— Потому что... — выдыхаю я. — Слушай, я знаю, чем ты здесь занимаешься.

— Я ничем здесь не занимаюсь, — возражает он. — То есть я просто пытаюсь помочь.

Я смотрю на него, с трудом удерживаясь от того, чтобы не сказать то, что хочу и о чем мы оба знаем, — что Энди пытается загладить свою вину. Что он хочет — нет, я толком не знаю, *что* он хочет. Возможно, он просто хочет наладить наши отношения. В конце концов, мы по-прежнему родители Спенсера и Иззи и в каком-то смысле команда. Но не исключено, что речь идет о большем, и он действительно считает, что наш брак можно спасти и каким-то образом переступить через все, что произошло с тех пор, как больше года назад он съездил на конференцию.

Возможно ли это? Несколько месяцев назад я могла бы простить его. Могла бы согласиться с тем, что он совершил ошибку, потерял контроль над собой и своими панталонами, и что отчасти в этом, пожалуй, была и моя вина — в конце концов, в любой ссоре всегда виноваты двое. А может быть, он в самом деле просто хочет помочь — косит траву, лазит на чердак за спальным мешком, а сейчас предлагает отправиться в вояж за пончо.

Как знать, может, с ним не все настолько плохо.

— Я хочу это сделать, — твердо произносит он. — Я хочу поехать в Грейндж-овер-Сандс и привезти тебе пончо.

Я невольно улыбаюсь.

— Держу пари, ты сам от себя не ожидал, что скажешь такое.

Он выдает сухой смешок и пожимает плечами.

— Ты просто пытаешься быть услужливым, — добавляю я. — Хочешь угодить мне, как... пес, который мчится за косточкой.

— Вот это мило! — восклицает он.

— Ты знаешь, о чем я, — говорю я, краснея. Впервые с момента нашего разрыва мне становится почти стыдно за то, что веду себя с ним так низко.

— Ты мстишь мне за то, что называл тебя рептилией? — с легкой усмешкой замечает он.

— Что?

Энди смотрит на меня спокойным взглядом.

— Ты вовсе не рептилия. Никоим образом.

Он поворачивается и наполняет чайник, как будто все еще живет тут. Не хочу сказать, что ему требуется разрешение, чтобы открыть кран или приготовить чай, но тем не менее. Я чувствую, что он пытается потихоньку протоптать дорожку назад ко мне, точно надеясь, что я не замечу, как это произойдет.

Он откашливается, и между нами повисает неловкая пауза, что как-то глупо. Девять месяцев назад мы жили под одной крышей, ходили по дому голышом, почесывали задницы, стригли ногти на ногах, сплевывали в раковину, когда чистили зубы, — словом, занимались всякой неприглядной физиологией.

Мы даже ходили в туалет в присутствии друг друга. Не побольшему, конечно, но по-маленькому — точно. В пору влюбленности мы обещаем себе, что такого никогда не случится и мы не станем одной из тех пар, которые беспечно писают друг перед другом и между делом болтают о том, что мусор теперь вывозят по пятницам, а продуктов на ужин почти нет.

— Вив? — Звук его голоса возвращает меня в настоящее.

— Да?

— Дай мне адрес той женщины из магазина.

— Нет, Энди. Я ценю твое желание помочь, но это дурацкая затея.

— А помнишь, как ты выманивала у меня *мой* адрес?

— Э-э... и что?

— Я знал, что на самом деле ты не собиралась пересылать мне почту, — заявляет он. — Что могло быть такого важного, что не могло подождать до моего возвращения с Лох-Файн?

— *Что-нибудь* могло быть... — я пожимаю плечами.

— Это была макулатура из кредитных компаний и буклет с рекламой теплиц. Очень срочная почта, ничего не скажешь. Ты просто хотела выяснить, где я живу, чтобы провернуть операцию с омлетом.

— Вовсе нет. Тогда у меня и в мыслях не было...

— Просто дай адрес, Вив.

Он стоит с ожидающим видом.

— Ладно, — неохотно говорю я. — Если ты так настаиваешь.

Энди наконец уходит, а я, уложив Иззи, отправляю сообщение Трише из «Обожаемого винтажа», что пончо заберет Энди (без лишних подробностей) завтра в полдень.

«Отлично, — пишет в ответ она. — Я буду ждать».

И сейчас в тихом, уснувшем доме я размышляю о том, правильно ли я поступила, позволив себе больше не сердиться на него. Когда это безумие только началось, да, впрочем, и потом тоже, я искренне думала, что никогда не смогу переступить через боль. Что я всегда буду ненавидеть его и никогда не смогу завязать отношения с другим мужчиной. Что он *уничтожил* часть моей души, отвечающую за любовь. Я была убеждена в том, что он, вкупе с потной гормональной перестройкой, поставил крест на моей способности приблизиться к кому-нибудь и что теперь я обречена быть одной, в липкой пижаме, в мокрой постели.

Сейчас я больше так не считаю. Я вспоминаю о Нике, который снимал меня сегодня, о том, как легко мне было и с какой увлеченностью я рассказывала о проекте — *нашем* проекте. Я стараюсь не думать о том, что он вернется в Новую Зеландию, ну, потому что мне нравится, что он находится рядом.

Пищит телефон — я хватаю его, ожидая, что это Ник звонит с каким-нибудь предложением или комментарием по поводу фильма или показа. Но, к моему разочарованию, это Энди с предложением купить новую газонокосилку, потому что «старушка уже на последнем издыхании, Вив».

Я решаю, что состояние газонокосилки — не его проблема. Я сама могу купить ее, когда захочу, и сама могу косить лужайку. Я могу это делать не хуже его, он еще увидит. Но в глубине души меня трогает его заботливость, и когда я пишу в ответ: «Ладно, спасибо», мне вдруг приходит в голову, что мужчина, который когда-то назвал меня рептилией и в день рождения дочери отказался сходить за льдом, вообще-то способен быть добрым.

Глава тридцать шестая

Воскресенье, 17 ноября

Утром я звоню Нику узнать, вернулась ли Пенни, но нет, она еще не появлялась. Ощущение такое, точно я контролирую подростка, и я напоминаю себе, что она взрослая женщина, которой, естественно, хочется провести время со своим бойфрендом и чтобы подруги ей не надоедали. И не важно, что мне срочно нужно рассказать ей о проекте. В частности, я надеялась, что она согласится пойти со мной на встречу с предполагаемыми моделями для показа. Но сейчас Пенни вне зоны доступа — хотя мобильный у нее имеется, но включать его она отказывается. Поэтому я отправляюсь в музей одна.

Я встречаюсь с четырьмя актрисами в маленьком многолюдном кафе, умиляюсь их теплomu приему и тому, насколько им памятна наша совместная работа на «Стеклянном зверинце». Тогда у нас разыгралась целая драма: выяснилось, что двое актеров, у которых были партнеры, имели интрижку — разыгрался публичный скандал, и мы остались без главного героя. Еще была паника из-за яркого платья, которое идеально сидело на нашей примадонне, а потом за четыре часа до прогона почему-то объявлено «кошмарным», так что пришлось искать замену. Затем, и это уже было из разряда приятных событий, генеральная репетиция переросла в спонтанное празднование дня рождения — я принесла торты и шампанское, и мы гуляли до четырех часов утра. Но стоит ли удивляться, что эти женщины помнят то время? Я ведь помню — тогда, несмотря на постоянный стресс, я обожала свою работу, а с тех пор прошло всего десять лет. Сейчас кажется, что это было в прошлой жизни, и я стала другим человеком, хотя в глубине души, пожалуй, осталась прежней.

— Модный показ — это здорово, — объявляет Шарлотт. Ей под сорок, и у нее копна кудрявых рыжих волос, обрамляющих бледные щеки.

— Я тоже за, — говорит ее подруга Сэммиа. — Только, чур, мне брючный костюмчик, а не мини.

— Жуткого мини в коллекции нет, — улыбаюсь я. — Это же семидесятые, а не шестидесятые...

— А как насчет шорт? — с опаской спрашивает она.

— Ах да, — улыбаюсь я. — Есть парочка, но мы сделаем так, чтобы все демонстрировали комфортную для себя одежду. У нас будет генеральная репетиция, и принципиально важно, чтобы все чувствовали себя удобно в своих нарядах.

— Жду не дождусь, — усмехается Сэммиа. — Моя мама в свое время делала покупки в «Мисс Пятнице». Можно ей прийти?

— Конечно! — восклицаю я. — И все приходите с гостями. Это наименьшее, что мы можем сделать для вас в качестве благодарности.

Теперь у нас есть четыре актрисы, младшей из которых, Эрин, двадцать девять, а самой старшей, Грейс, — за сорок. Однако модель зрелого возраста до сих пор не найдена, а время уже поджидает. Афиши и программки сверстаны, и Ханна хочет запускать рекламу. Как только это случится, Пенни обо всем узнает.

— Подождем еще чуть-чуть, — упрашивала я Ханну, — а вдруг пончо найдется. Я считаю, что оно необходимо для афиши. Всего несколько дней, не больше.

Дел, как прежде, по горло, и ночами я просыпаюсь, но не из-за пота, а от стеснения в груди и сердцебиения. Кажется, это называется панической атакой. Старые страхи никуда не ушли, бурлят под поверхностью, хотя в основном мной движут энтузиазм и упрямая вера в то, что все получится так, как я задумала.

К концу встречи у меня есть четыре позитивно настроенные модели, готовые выступить на показе. Они согласны это сделать не ради денег (их по-прежнему нет), а потому, что любят музей и, как Иззи, обожают наряжаться. И это наводит меня на мысль, что в конце концов все, наверное, будет хорошо.

— Иначе и быть не может, — говорит Энди, объявляясь у меня после десяти вечера и вручая пончо словно приз. Это удивительная вещь — фантастическая, дерзкая и совершенно непрактичная. И оттого еще более привлекательная.

— Огромное тебе спасибо, — от души говорю я. — Э-э, извини, Ник интересовался, может ли он зайти и снять, как ты прибываешь с ним.

— Что, прямо сейчас? — в ужасе спрашивает Энди.

— Да. Он тут рядом, за углом...

— Я знаю, где живет Пенни, — рассеянно говорит он. — Это действительно нужно сделать сегодня? Я ведь уже прибыл, верно? Так что этот драматический момент он пропустил, — на его губах играет улыбка.

— А мы сделаем вид.

— А можно мы сделаем вид в другой раз? — вздыхает он.

Я вглядываюсь ему в лицо. Разумеется, поездка его утомила, и я уступаю, решив, что на сегодня он сделал для меня более чем достаточно. Я завариваю чай, и мы отправляемся с кружками в гостиную и располагаемся рядом на диване.

Мы молчим, но в этом нет неловкости, хотя у меня есть ощущение, что ему хочется поговорить. Пока я всеми силами избегала разговоров, то есть объяснений. Но сейчас меня начинает разбирать любопытство.

Все дело в омлете? У них с его новой пассией вышел скандал из-за него? Я смотрю на этого мужчину, которого безумно любила и который сейчас из кожи вон лезет, желая помочь, точно он по-прежнему часть семьи. С трудом верится, что когда-то мы были парой и с промежутком в пятнадцать лет произвели на свет двоих детей. Благодаря семейному планированию — иначе бы никак не вышло.

— Итак, — начинаю я, в то время как Энди аккуратно дует на чай, — может, расскажешь, что случилось у вас с Эстелл?

00:27, новый день

Он все еще здесь. Это не планировалось. Я и подумать не могла, что мы снова будем вот так разговаривать до глубокой ночи.

Сначала он не хотел говорить, отказывался вдаваться в подробности. Но пару часов назад к нам спустилась Иззи в ночнушке — заспанная, но довольная.

— Папа все еще здесь, — с улыбкой сказала она.

— Я скоро уйду, — сказал Энди, метнув на меня взгляд, в котором теплилась надежда, точно он ожидал, что я скажу: «Не надо. Оставайся».

Но я не сказала. Я отправила ее назад в кровать, и сейчас он наконец рассказывает о том, что стряслось у них с Леди Совершенство.

— Это было какое-то помешательство, — говорит он. — С самого начала все шло не так. Я жил точно в тумане.

Я хмурюсь, зная, что он старается быть честным.

— Ты думал, что любишь ее?

— Да, — кивает он. — Извини, пожалуйста. — Его глаза наполняются слезами. — Знаешь, прежде чем уйти от тебя, я пытался остановиться. Всегда было одно и то же: «Увижусь с ней еще только один раз, чтобы закончить все правильно, как порядочный человек. Мы выпьем кофе, и все».

Но только кофе дело не ограничивалось.

— Эстелл страшно переживала, — говорит он, — и клялась, что вот-вот расстанется с мужем. Но этого не произошло. Она так и не решилась.

Словом, Энди ждал-ждал и наконец положил всему конец сам — в ночь омлета.

— Нет, разумеется, это было ни при чем, — морщится он. — Но это случилось *прямо перед тем*, как она увидела тебя. Тогда она ушла с концами.

Жаль, что я об этом не знала, когда бродила там «под мухой» с яичной болтанкой. Да и что бы я сделала — поднялась к нему в квартиру и стала злорадствовать? Или уговаривать его вернуться домой?

Он берет меня за руку.

— Я понял, что совершил ошибку, — говорит Энди, а я пытаюсь высвободить руку. Его прикосновения оставляют такое странное ощущение.

— Значит, у вас все закончилось потому, что она не захотела уйти к тебе от мужа?

Энди не спешит отвечать.

— Я больше не хотел быть с ней. Я хотел быть только с тобой, Вив.

Он неловко ежится, а я, по мере того как разворачивается их история, ощущаю в душе странную безучастность. Единственное, что приходит мне в голову, это «Надо же, какая досада: бросить жену и

дочь, расстроить сына и преданно ждать, пока подружка уйдет от мужа... Но так и не дожидаться».

По меньшей мере — огорчительно. Уверена, он и сам так считает.

— И... я вот о чем еще хотела тебя спросить, — говорю я.

— Спрашивай что хочешь, — кивает он. — Все, что угодно.

— Ладно. Твоя квартира...

На его физиономии появляется выражение «Ну вот, приехали».

— Да. И что?

— Я просто удивилась, вот и все. Почему ты выбрал ее. Я знаю, что ты платишь за дом и ведешь себя порядочно насчет денег и прочего. Но ты не банкрот, Энди, и мог бы найти что-нибудь менее...

— Менее сырное? — Он вскидывает бровь.

— Ну да. У тебя ведь очень тонкое обоняние. Помнишь, какую шумиху ты поднял из-за холодильника в Париже?

— Я не поднимал *шумихи*...

— Не важно. Как тебя угораздило туда вселиться? Есть тысячи квартир, которые ты мог бы арендовать...

— Дело в том, — быстро говорит он, — что на длительный срок это не планировалось. Это был в буквальном смысле перевалочный пункт, пока мы... э-э...

— Понятно. Пока Эстелл не уйдет от мужа и вы сможете вести себя открыто и поселиться вместе?

— Ну да, мне представлялось именно так, — бормочет он, краснея.

Я пристально смотрю на него. По-прежнему ничего не вяжется.

— Но ведь ты мог бы найти место получше, разве нет?

На его лице проступает обреченное выражение.

— Я тронут, что ты переживаешь из-за моих жилищных условий, Вив.

— Не переживаю. Скорее мне... любопытно. Как я уже сказала, я помню, как тебя доканывал воображаемый запах в Париже...

— Он не был воображаемым!

— Энди, там ничего не было.

— Как скажешь, — он качает головой. — Ладно, я въехал в эту квартиру, потому что она была свободна, и я искренне думал, что проживу в ней месяц или чуть больше. — Он смотрит на меня. — Это квартира Эстелл, но она уже много лет пустует.

У меня округляются глаза.

— И магазин тоже ее?

— Да, — кивает он и трет себе лицо. — Она им почти не занимается, это был бизнес ее отца. Она унаследовала его и поставила управляющего.

— Магазин ее вообще не интересует?

— Ей не до него, — говорит он. *И не до тебя*, думаю я, глядя на него и прихлебывая чай. По крайней мере, не настолько, чтобы пожертвовать комфортной жизнью. Мне его не жаль. Все это так по-дурацки, такой идиотизм и не похоже на мужчину, которого, как мне казалось, я знаю. Он всегда производил впечатление человека, чьи решения единственно правильные: где проводить Рождество и куда поехать в отпуск; где мы будем ужинать и какое вино будем пить. Спокойный, уверенный в себе, преуспевающий доктор Флинт, неизменный победитель. Распорядитель на барбекю, чемпион по сбору мусора, любимец женщин. По общему мнению, не мужчина, а мечта! Только на этот раз все пошло наперекосяк. Просто она не настолько его любила — по крайней мере, не настолько сильно, как он считал.

Мы относим кружки на кухню, и я еще раз благодарю его за пончо.

— Почему ты не пускаешь Иззи к себе? — спрашиваю я, когда он уже уходит. — Я имею в виду, в квартиру.

Он с силой выдыхает:

— Знаю, это глупо. Но очевидно же, что она была бы поражена и рассказала обо всем тебе. А ты подняла бы меня на смех, и правильно.

— Не думаю, — говорю я, решая не упоминать про эскападу в компании с Пенни и другими. Как мы завалились в магазин и приставали с вопросами к продавщице.

— А почему тебя волновало, что я подумаю? — спрашиваю я.

— Мне всегда было важно, что ты думаешь. И всегда будет.

Эта фраза ставит меня в тупик — как на нее реагировать, я не знаю.

— Ну, спасибо за разговор, — добавляет он.

— И тебе, — искренне говорю я, потому что в определенном смысле сейчас узнала его лучше, чем за все годы, что мы прожили вместе. Я чувствую себя на равных с ним — по меньшей мере на

равных, хотя силовые игры — это не мое. Прямо сейчас я до чертиков устала и хочу только одного — спать.

— Значит, ты будешь переезжать, я так понимаю?

Энди кивает, выходя.

— Пока не знаю, куда именно.

Уверена, я верно истолковала его быстрый взгляд в сторону нашего дома. Взгляд, исполненный надежды. Или, возможно, мне показалось?

— Значит, сыр ей совсем не интересен? Даже хотя это был семейный бизнес? — спрашиваю я.

Энди качает головой и улыбается уголками рта.

— У нее непереносимость лактозы, — говорит он.

Глава тридцать седьмая

Понедельник, 18 ноября

Пенни ушла в загул. По крайней мере, они с Хэмишем отправились на лодочную прогулку, и разыскать ее нет никакой возможности. Как в наши дни можно быть вне зоны доступа — вне моего понимания.

— У них спонтанный отдых — это было последнее, что я услышал, — с ноткой раздражения в голосе говорит Ник, когда я звоню ему с работы в обеденный перерыв. — Думаю, это потому, что я здесь, ведь Бобби, судя по всему, ненавидит лодку. Он нервничает, недомогает и отказывается носить спасательный жилет.

— А силой его надеть нельзя?

Ник хихикает. Я отодвигаю салат с сыром халуми и делаю знак сидящей напротив Белинде, мол, прошу прощения.

— Наверное, мама считает, что это неэстетичное зрелище.

Я давлюсь смехом, несмотря на растущее беспокойство — нам действительно нужно как можно быстрее рассказать ей все. Я делаю глубокий вдох и отпиваю воду из стакана.

— И что теперь?

— Хэмиш скоро надоеет ей до чертиков, и она вернется, — уверяет меня Ник, — и тогда я сразу позвоню вам. Пожалуйста, не переживайте. Она не будет против, тем более теперь, когда почти все готово.

Вторник, 19 ноября

От Пенни по-прежнему ни слуху ни духу. Это слегка обескураживает, потому что она — небольшая охотница до прогулок на лодке Хэмиша. «Суденышко, что называется, для базовых нужд, — как-то выразилась Пенни, скорчив физиономию. — От этого биоклозета лучше держаться подальше». Однако эти последние дни

уходящей осени небо такое голубое, воздух бодрит, так что, возможно, они хотят урвать момент. Ну и замечательно. Перемещаться на лодке по нашим внутренним водным артериям — потрясающее удовольствие! Но я очень надеюсь, что она скоро вернется.

Среда, 20 ноября

От Пенни по-прежнему никаких вестей. Может, Хэмиш взял ее в заложницы? Или она упала за борт? Теперь даже Ник забеспокоился, хотя скрывает это, когда заскакивает к нам на минутку во время прогулки с Бобби.

— Может, они сбежали, чтобы тайно пожениться? — высказываю предположение я. Но шутка не проходит.

— Скорее всего, они просто прекрасно проводят время, — говорит Ник, и я вынуждена согласиться, что он, вероятно, прав. Но я буквально *подыхаю*.

Четверг, 21 ноября

Сэммиа сфотографировалась в пончо, и теперь афиши и программки окончательно готовы. Я каким-то чудом смогла удержать Ханну от запуска рекламы, аргументируя тем, что сначала требуется одобрение Пенни.

— Все выглядит потрясающе! — сообщает Ханна по телефону, как только я прихожу домой с работы. — Не могу дождаться, что скажет Пенни.

— Я тоже, — говорю я, стараясь звучать позитивно. Мы прощаемся, и я приношу Иззи в гостиную напиток и печенье. Она болтает о школьных делах, о том, что у них будет кросс по пересеченной местности и это ее слегка беспокоит, что классный руководитель набирает команду для викторины, и это ей подходит больше. Я пытаюсь слушать и заверяю ее, что, в противовес слухам, о многочасовой пробежке не может быть речи, и да, я уверена, что у нее хороший шанс попасть в команду, но держусь рассеянно и напряженно — в последние дни я почти все время пребываю в этом состоянии.

Где, черт побери, Пенни? Разумеется, у нее есть право на отдых, убеждаю я себя, направляясь на кухню и принимаясь готовить соус для пасты. Ее жизнь не стиснута рамками рабочего графика, и, возможно, она как-то свыклась с биотуалетом Хэмиша. Или настояла на том, чтобы сойти на берег и обосноваться в отеле? Что касается ее нежелания пользоваться социальными сетями и даже включать мобильный телефон (толку-то иметь его, если он всегда выключен? «Это экономит заряд!» — ее стандартный ответ), ладно, это ее дело. Но лишь до тех пор, пока кому-нибудь не потребуется срочно связаться с ней, как, например, мне, которая уже совсем в отчаянии...

— Привет, Пенни!

Она широким шагом заходит на кухню, и я роняю деревянную ложку на тумбовый стол. У нее довольно мрачный вид, даже скорее сердитый. Она не постучала, но это ее обычная манера, которая доводила Энди до белого каления. «А если бы мы занимались чем-нибудь?» Странно то, что следом за ней идет Крисси, которая всегда вежливо стучит в дверь, и притом выглядит бледной и подавленной.

— Привет, Вив, — резко говорит Пенни.

Я откидываю с лица волосы и выключаю конфорку. Поскольку эти двое едва между собой знакомы, я теряюсь в догадках, что происходит.

— Что... случилось? В чем дело? — я перевожу взгляд с одной на другую.

— Извини, Вив, — начинает Крисси. Сегодня она без ярко-красной помады, и волосы у нее стянуты в пучок. — Он не хотел, — добавляет она, раскрыв глаза от ужаса. — Он правда не хотел. Так... вышло.

— Кто что не хотел?

— Лудо! — восклицает она. — Ты знаешь, какой он хороший и не любит никого огорчать. Он не понимал, это все я виновата...

На память приходит инцидент с швырянием камней в кота.

— Он обидел Бобби? — выдыхаю я.

— Что ты, нет, конечно! — вскрикивает Крисси. — Он никогда не стал бы обижать животных...

— Слушай, мне все известно про затею с музеем, — вмешивается Пенни, перехватывая мой взгляд. — Я знаю, что вы с Ником сговорились и все спланировали и что мероприятие будет *с размахом*, но ни один из вас и словом мне об этом не обмолвился.

Я смотрю на нее во все глаза, открыв рот, и ощущение такое, точно мне врезали под дых.

— Прости, пожалуйста, Вив, — продолжает Крисси, хотя я по-прежнему смотрю на Пенни. Я никогда не видела ее настолько злой. Раздосадованной — да и раздраженной после скандала с Хэмишем, но такой разъяренной, как сейчас, — никогда. Ой, блин. Угораздило же меня так вляпаться.

— Мы столкнулись с Пенни в парке после школы, — добавляет Крисси, кусая ноготь. — Она была с Бобби, и Лудо, разумеется, подбежал поиграть с ним. Ты ведь знаешь, как он любит животных...

— Не важно, Крисси, — отсутствующим голосом говорю я. — Дело сделано, и все тут. — Я поворачиваюсь к Пенни: — Пен, послушай... мы собирались сказать тебе. Само собой.

— Так почему же не сказали? — Она упирает руки в бока.

— Ты уехала, — мямлю я. — Я хотела поговорить с тобой, но...

— Я отсутствовала несколько дней, — перебивает она, — а вы обдумываете это мероприятие несколько недель...

— Где Ник? Ты вообще разговаривала с ним?

Черт, получается, точно я пытаюсь переложить вину на него, а мне этого ой как не хочется.

— Он где-то в городе, — резко произносит она. — Я его еще не видела. По правде говоря, я понимаю, что ты не одна в этом замешана. На этого заговорщика у меня тоже есть зуб...

— Все совсем не так! — восклицаю я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Честное слово, мы хотели как лучше. Поначалу толком было неясно, состоится ли все вообще, ведь музей изначально отклонил эту идею. Потом дело пошло, но казалось настолько монументальным, что я не была уверена, смогу ли все осилить. Потом стала приходиться одежда — мы с Айлой и Ником обращались, без преувеличения, в сотни комиссионных магазинов. Сначала все было очень медленно, потом процесс начал набирать обороты, вещи все прибывали, потому что владельцы магазинов поверили в нас, в наш проект и хотели помочь...

У меня пресекается голос. Я смотрю в серо-голубые глаза Пенни, Крисси вперила взгляд в пол, а Иззи по-прежнему смотрит телевизор в гостиной и, судя по всему, ничего не слышит.

— Они хотели внести свою лепту, — продолжаю я, — и я решила, что, как только мы все наладим, вот тогда наступит момент сказать обо всем тебе. Памятуя о твоей реакции, когда мы впервые говорили о модном показе, я знала, что у тебя могут быть сомнения, и поэтому я хотела представить тебе проект во всей красе, чтобы ты сама увидела, как радуются все, кто принимает в нем участие...

— Значит, я должна была прийти на все готовенькое? — холодно спрашивает она.

— Э-э, ну да. Но в *хорошем* смысле, чтобы ты могла испытать гордость и восторг. Я имею в виду... — Я делаю паузу, понимая, что в моем голосе слышится отчаяние, — если планируется вечеринка-сюрприз, то виновник торжества узнает о ней, когда все полностью готово и...

— А я ненавижу вечеринки-сюрпризы! — рывкает Пенни. — Кому вообще они нравятся? Что за удовольствие в вечеринке, которую ты не придумывала и не готовила, для которой не выбирала наряд и не бегала в парикмахерскую...

— Да, но...

— Тебе они нравятся? — Она поворачивается к Крисси, которая испуганно поднимает глаза.

— Э-э, честно говоря, я не большая их фанатка, — бормочет она, бросая в мою сторону извиняющийся взгляд.

— И вы двое, похоже, забыли, что это *мое* дело, — продолжает Пенни. — «Мисс Пятница» — это я, Вив. Это *мое* название, *мой* бренд. И какого черта надо все это ворошить, когда я четко объяснила в тот вечер с Хэмишем, тобой и Айлой, что я не желаю выступать в роли какого-то консультанта!

— Но ты не была бы консультантом! — вскрикиваю я, делая шаг в ее сторону.

Она отступает назад.

— Разумеется, нет. Никто и не подумал консультироваться со мной!

Я обреченно киваю.

— Пожалуйста, Пенни, — говорю я, — знаю, мне следовало поставить тебя в известность. Я облажалась, прости. Но, может, расскажешь, почему ты настолько против этой идеи? Это был бы твой

праздник, во имя твоего успеха! Ты его заслужила, разве не так? И все считают, что он будет потрясающим.

— Да, но кто туда придет? — огрызается она, повысив голос. На пороге появляется Иззи и смотрит на нас широко раскрытыми глазами. — Все окончилось полным крахом, — добавляет Пенни, — так стоит ли устраивать мероприятие во славу того, что накрылось к чертям собачьим?

Иззи громко ахает.

— Из, пожалуйста, иди в гостиную, — быстро говорю я.

— Но, мама...

— Пожалуйста, солнышко. Всего на несколько минут.

Она неохотно удаляется.

Пенни буровит меня негодующим взглядом.

— С чего вдруг тебе взбрело в голову устроить мероприятие, никому не интересное, куда никто не придет и которое опять станет полным унижением?

— Оно не станет *полным унижением*, — твердо говорю я. — Почему ты так считаешь?

— Не важно! — рявкает она, и я замечаю, что глаза Крисси наполняются слезами.

— Лудо не имел в виду ничего плохого, — говорит она. — Он просто сказал: «Пенни, а Вив готовит про вас шоу!» Потому что он слышал, как мы с Тимом говорили про это. Мне даже в голову не пришло, что он скажет такое... — Она замолкает и принимается рыдать по-настоящему. — Это я виновата, Вив...

— Все в порядке, Крисси, — бормочу я, обнимая ее, между тем как по ее щекам струятся слезы.

— Нет, не в порядке. Я все испортила.

— Ты ничего не испортила, — твердо говорю я. — Ничегошеньки. Ты не виновата, и Лудо тоже не виноват.

— Он так расстроился, — добавляет она. — Ты знаешь, как он к вам привязан и как ему нравится бывать у вас, а теперь он весь испереживался, что поступил неправильно и ты больше непустишь его на порог. Ему было так хорошо у вас ту неделю, когда родилась Лара, и потом, когда вы устроили лагерь в гостиной — господи, да он до сих пор говорит про это, про маршмеллоу, и колбаски, и про бессонную ночь, и как весело у вас в доме...

— Крисси, пожалуйста, — перебиваю я. — Я на него не сержусь и всегда ему рада. Если я на кого-нибудь сержусь, так только на себя за то, что заварила эту кашу, не сказав Пенни. — Я поворачиваюсь к ней. — Прости, пожалуйста, Пен. Я увлеклась и потеряла голову. Проект настолько поглотил меня, что я, должно быть, утратила ориентиры. Но, послушай, если на то пошло, то это всего лишь мода, просто одежда, а главное — чтобы ты была в порядке, и ты, Крисси, и Лудо.

Крисси достает из кармана джинсов мятую салфетку и сморкается в нее.

— Я в порядке, — бормочет она.

— Пенни? — Я смотрю на нее и хочу обнять, но вижу, что ее губы по-прежнему плотно сжаты. — Если ты против этого мероприятия, значит, его не будет, — твердо говорю я. — Я позвоню в музей, плотникам, Спенсеру, моделям — всем, кто в нем задействован. Без твоего благословения оно не может состояться.

Она с трудом сглатывает и опускает глаза в пол, и тут из прихожей слышится скулеж. Бобби все это время торчит там. Должно быть, почувствовав общее напряжение, он благоразумно решил держаться подальше. Иззи выходит к нему и что-то бормочет успокаивающим тоном.

— Ладно, — говорит Пенни, только и всего.

Я вздыхаю.

— Может, поднимешься в комнату Спенсера и посмотришь на одежду? Я имею в виду коллекцию «Мисс Пятницы». Она действительно потрясающая — то, что нам удалось собрать. — Она мотает головой. — Ну, пожалуйста. Взгляни одним глазком, и, возможно, ты передумаешь. Там твои старые модели, все ключевые изделия, которые всем так нравились... — Я замолкаю, потому что чувствую, что сама вот-вот заплачу.

Лицо Пенни смягчается, она смотрит на меня, точно в задумчивости. Затем поворачивается и говорит:

— Бобби нужно отвезти домой. Он проголодался, а я, кажется, забыла разморозить фарш.

И они уходят.

Глава тридцать восьмая

Пятница, 22 ноября

Я раздумываю над тем, чтобы позвонить на работу и сказать себя больной. Но меня гложет совесть, и в итоге я звоню Роуз и рассказываю ей всю историю, включая печальный конец, после чего в трубке повисает пауза.

— Роуз? — окликаю ее я. — Простите меня — я знаю, что последние недели потратила на это много сил и, возможно, не в полной мере была сосредоточена на работе. Я признаю, что отвлекалась. Я пыталась делать все сразу, но...

— Я понятия не имела, что ты этим занимаешься, — говорит она, и в ее голосе слышится искреннее удивление. — Даже не догадывалась.

Ой, блин, даром мне это не пройдет, и неудивительно. Делать посторонние проекты — значит отрывать время от основной работы, и если есть что-то, на чем Роуз категорически настаивает, так это стопроцентная самоотдача.

— Да, конечно, — бормочу я.

— Я хочу сказать, что не догадывалась о том, что у тебя, ко всему прочему, есть такое большое дело, — поясняет она. — И я не замечала, чтобы ты отвлекалась. Как раз напротив, ты казалась такой... даже не знаю, как сказать, чтобы не прозвучало снисходительно, — она замолкает. — Слушай, я понимаю, что идея с Посланницей Менопаузы была полной ерундой, и стараюсь проявлять деликатность, но в последнее время ты казалась мне такой бодрой, воодушевленной и энергичной. Не хочу сказать, что обычно ты другая. Вовсе нет. Но тут как будто у тебя открылось второе дыхание. И я подумала, что ты... избавилась от симптомов.

Она имеет в виду приливы и все такое, предполагаю я и, несмотря на все, улыбаюсь.

— Они постепенно смягчаются, — говорю я.

— Что же, радостно слышать. А я решила, что причина в компании, — добавляет она со смешком, — в нашей молодежной команде и общей обновленной атмосфере. Потому что у нас с каждым днем становится все лучше, верно? — В ее голосе звучит нотка надежды.

— Да, конечно.

— Но на самом деле... дело было в другом.

Я делаю глубокий вдох.

— Мне это было действительно важно.

— Да, представляю. И могу вообразить, как ты огорчена сейчас, поэтому даже не думай приходить сегодня в офис. Возьми выходной — отдохни, расслабься, займись чем хочешь.

— Спасибо, — говорю я, переполняясь благодарностью.

Роуз вздыхает:

— А ты уверена, что твою подругу не переубедить?

— Э-э, нет, не думаю.

— Очень жаль, Вив. Жаль тебя и всех остальных, но ты очень старалась и, судя по всему, выложились на все сто. И это лучшее, что ты могла сделать.

— Спасибо, — снова говорю я, почти коря себя за то, насколько трудным представлялся мне этот разговор. В конце концов, в глубине души, за внешним показушничеством и бесчувственностью, Роуз — нормальный человек и, хотя нагружает меня поручениями, типа ушных капель и лобкового волоса на унитазае, в определенном смысле она *переживает*.

Несколько минут спустя от нее приходит сообщение: *Будет минутка, попроси нового уборщика убрать куда-нибудь фитнес-мяч. Кабинет загромождает, да и как полка этот мяч бесполезен.*

— Вы уже позвонили Ханне? — спрашивает у меня по телефону Ник.

— Еще нет, — отвечаю я. — Думаю над тем, как лучше сформулировать. Я абсолютно уверена, что это ей очень не понравится. Сделаны афиши и программы, организовано выставочное пространство, уйма времени была потрачена на совещания, и все впустую, а они и так работают на износ из-за нехватки персонала. А хуже всего то, что Ханна считала, что Пенни с нами, в курсе и

полностью поддерживает. Я ввела ее в заблуждение. Я позволила ей так думать, Ник. Она будет в ярости...

— Да нет, я уверен.

— Только Айла знала, что мы еще не рассказали. Но и ей я до сих пор не позвонила, хотя она — моя лучшая подруга. Я чувствую себя такой идиоткой.

Он откашливается. Я не собиралась вываливать ему все это, но не смогла сдержаться.

— Я могу чем-то помочь? Может, мне кому-нибудь позвонить?

— Не надо! — рявкаю я. — Пожалуйста, не надо никому звонить. Я сама...

— Послушайте... — Он делает паузу, и я слышу, как Ник выдыхает. — Думаю, пока не стоит никому сообщать.

Я меряю шагами кухню, пинаю в сторону валяющуюся на пути кроссовку.

— Это все равно придется сделать в ближайшее время. Я не могу держать их в подвешенном состоянии. Чем скорее они узнают, тем лучше. Пресс-релизы уже разосланы, поэтому выйдет конфуз из-за анонсирования мероприятия, которое не состоится. А в этот уик-энд мы должны были выложить в Сеть все рекламные материалы, так что Ханне нужно звонить сегодня...

— Прошу вас, Вив, — твердо говорит Ник. — Просто подождите еще чуть-чуть...

— Не надо говорить, что мне делать, — свирепею я и тотчас сожалею об этом.

— Я не это имел в виду, — спокойно говорит он. — Просто хотел сказать, что... может, пока не стоит ничего предпринимать.

Я открываю заднюю дверь, выхожу в сад и полной грудью вдыхаю прохладный бодрящий воздух. Небо бледно-голубое, воздух — колкий, студеный. Мне нравится такая погода, в такое утро чувствуешь себя живой. Но только не сегодня. Холод пробирается под тонкий свитер и юбку, и я быстро возвращаюсь обратно в дом.

— Можно я приду? — спрашивает Ник. — Пожалуйста, Вив. Мне бы хотелось поговорить с вами об этом с глазу на глаз.

— Да о чем говорить-то? — бормочу я.

— Слушайте, я вас долго не задержу. Я всего на несколько минут...

— Ну ладно, — бурчу я, понимая, что веду себя как рассерженный ребенок. — Только вряд ли я сегодня самая приятная компания, так что прошу прощения.

Когда я открываю дверь, он выглядит слегка нерешительным, а возле него с натянутым видом стоит — кто бы вы думали? — Пенни.

— Ох! — восклицаю я. — Э-э, заходите...

Пожалуй, это впервые на моей памяти, когда она не вломилась размашистым шагом в мой дом. В груди начинает щемить, я готовлюсь к очередной порции ее благородного негодования. Но она, похоже, не сердится — ведет себя довольно сдержанно и, что совсем удивительно, держит в руке бутылку шампанского.

— В знак примирения, — чуть слышно произносит она. — Извини.

Мы с ней располагаемся на диване, а Ник садится на стул.

— Что ты, Пенни, тебе не за что извиняться, — уныло говорю я. — Это мне надо просить прощения. А за шампанское — спасибо, хотя я не уверена, что заслуживаю его.

— Безусловно, заслуживаешь, — уже тверже говорит она, — и, думаю, мне надо объясниться. — Она оборачивается на Ника, и тот одобрительно улыбается. Связь между ними очень явная, и я по-прежнему не понимаю, почему она так расшумелась из-за его приезда и намекала, что от него слишком много хлопот. На мой взгляд, их нет вообще.

— «Мисс Пятница» закончилась полным крахом, — начинает она, откидывая с лица прядь волос, — и хотя я винила конкурентов в том, что они копировали меня, это не совсем так. Только по прошествии времени я поняла, что это была исключительно моя вина.

— Так что же произошло? — осторожно спрашиваю я.

Она тяжело вздыхает.

— Помнишь, я упоминала про человека, которого звали Сол, — он помог мне обзавестись прилавком на рынке Портобелло?

— Да, это он стал называть тебя «мисс Пятница».

Пенни кивает, и на ее лице появляется тоскливое выражение.

— Так вот, он также оказывал мне финансовую поддержку. Он был очень хорошим другом и пытался давать советы, но я в те дни была ужасно упрямой и своенравной и считала, что сама все знаю. Я

приняла уйму неправильных решений, Вив, — стремительно расширялась и арендовала помещения, которые мне были не по карману. Выкатывала все новые модели, точно участвовала в гонке, и не могла рассчитывать с поставщиками. Дела принимали скверный оборот, и Сол все время твердил, что я совершаю ошибки, советовал притормозить, быть осмотрительнее и действовать по плану. — Она морщится. — Как подобает разумному взрослому человеку. Только я не желала его слушать.

Я киваю, ожидая продолжения. Она берет меня за руку и сжимает ее.

— Я вела себя просто ужасно. Когда все пошло из рук вон плохо и оплачивать счета стало нечем, я отправилась из Глазго в Лондон, чтобы встретиться с ним. У меня не было денег даже на поезд, и мы с Ником добирались на дряхлом автобусе. Встреча прошла плохо, потому что я отказывалась признать, что была не права и допускала ошибки. Я наорала на Сола за то, что он пытался учить меня, как надо вести *мой* бизнес, который я создала, и вылетела в ярости, хлопнув дверью. А потом сделала жуткую вещь.

— Что именно? — спрашивает Ник.

— О, это была такая глупость, такое ребячество, — она обводит взглядом нас обоих. — Я забросала яйцами его машину.

— Так ты кидала яйца в его машину?! — восклицаю я. — А я думала, это была машина женщины.

У Ника глаза ползут на лоб — он бросает взгляд в мою сторону.

— Да, это была машина Сола, — бормочет Пенни, краснея. — Так я обошлась с человеком, от которого видела только добро и который единственный верил в меня, потому что мои родители, безусловно, считали, что я не в своем уме...

— Я впервые об этом слышу, мама.

Ник подходит к ней, садится рядом и нежно обнимает ее за плечи.

— Это не повод для гордости, — бормочет она. — Я старалась обо всем забыть и двигаться дальше. Придумывала другие проекты и направления деятельности, пытаюсь подняться с земли... Знаешь, как мне хотелось доказать, что я еще на что-то способна?

— Знаю, мама, — мягко говорит Ник. — Но «Мисс Пятница» — это было потрясающе. Ты не поверишь, как откликались люди, с каким энтузиазмом и ностальгией, когда мы обращались к ним...

— И то, что она в конце концов прекратила свое существование, не означает, что нет пути вперед, — добавляю я. — Что-то может пойти не так, бизнес — потерпеть крах, но, когда видишь самую одежду, сразу задумываешься над тем, сколько она значила для молодых женщин того времени. — Я смотрю на нее, вымаливая для нас благословение. — Давай двигаться вперед, Пенни! Мы сделаем все, как ты захочешь. Пригласим всех твоих друзей и, разумеется, Хэмиша. Это будет настоящий праздник, вечер развлечений в компании с теми, кто тебя любит.

— Увы, он сейчас очень занят, — бормочет она.

— Чем?

— У него проблемы с запальными свечами.

— Ему нездоровится? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Я про деталь лодочного мотора, — нетерпеливо говорит она. — Честно говоря, эта его посуда — такой головняк. А он не желает это признать и от нее избавиться.

Губы Ника растягиваются в улыбке.

— Но он любит ее.

— Да, потому что он идиот.

— И тебя он тоже любит, — добавляет он, поддразнивая ее, — скажешь нет?

Пенни хмурится.

— Думаю, да, — коротко отвечает она, — на свой лад. Но за «Роллинг Стоунз» я его еще не простила.

Я смотрю на нее, и на языке у меня вертится вопрос: «Но ведь ты любишь его, несмотря на эту ужасную оплошность?»

— Мама, ты не обидишься, если я спрошу, — осведомляется Ник, — почему всякий раз, когда разговор заходит про Хэмиша, ты ругаешься или жалуешься на него?

Она морщит лоб и пожимает плечами.

— Он прав, — замечаю я, перехватывая взгляд Ника и быстро пряча улыбку. — И тем не менее вы уже много лет вместе.

— Ну, он забавный, — резко говорит она.

— И вы только что ездили кататься на лодке, — напоминаю я ей, отчего выражение ее лица смягчается.

— Да, это было на самом деле замечательно. Он знает, что мореход из меня не ахти, и очень старался, чтобы я чувствовала себя

комфортно. Оборудовал новое спальное место, повесил флажки, купил подушки...

— Словом, пытался подмаслить тебя при помощи флажков и подушек, — хихикает Ник.

— Ну да. Дурачок.

Сейчас она улыбается и игриво поправляет ремешок красных кожаных туфель. Впечатление такое, что у нее потребность вести себя сварливо с людьми, которые ее любят, — с Хэмишем и даже с Ником, собственным сыном.

— Вот ты мне скажи, — продолжает она, теперь глядя на меня, — как меня угораздило связаться с лодочником, который выдумал себе целую биографию, опираясь на один-единственный дурацкий рекламный джингл про мороженое, который он сочинил пятьдесят лет назад?

— Это правда? — смеюсь я. — То есть это все, что у него в активе?

— Ага, — подтверждает она, — но он ни за что в этом не признается. Тебе известно, какой он хвостун.

— Возможно, он так часто рассказывал эти байки, что сам в них поверил, — высказываю предположение я.

— А джингл был очень хороший, — улыбается Ник. — Запоминающийся. В этом ты ему не откажешь, мама.

— Это действительно так.

Она усмехается, встает с дивана, поправляет кудряшки и смотрит сначала на Ника, а затем на меня — и в ее больших выразительных глазах снова появляется озорной огонек.

— По крайней мере, он знает, как с толком проводить время, а это лучше, чем коротать свой век в компании с какой-нибудь скучной старой дурой.

Она пожимает плечами и машет рукой, точно давая понять, что тема закрыта.

— Так вот, насчет показа. Пожалуй, мне стоит подключиться к делу, но только при условии, что мы расскажем все именно так, *как было*.

Глава тридцать девятая

Шестнадцать дней спустя: воскресенье, 8 декабря

Огромная рождественская елка величественно сверкает огнями в приглушенном свете. Небольшие пучки света создают таинственный полумрак в углах главного выставочного пространства музея. Спенсер перехватывает мой взгляд и вскидывает бровь, затем быстро улыбается и принимается за дело.

Звучит музыка. Шум голосов стихает, и лица зрителей оживают в предвкушении. С того места, где нахожусь я, возле дверей в соседнее помещение, просматривается весь подиум, и моя задача — подавать знак моделям, когда пора выходить.

Первой скользящей походкой движется Шарлотт — в прозрачном цветастом платье, дополненном яркими деревянными бусами, и в белой широкополой шляпе. Я обвожу взглядом стенды, где выставлены фотографии, журнальные вырезки, плакаты и подлинные рекламные материалы бутиков «Мисс Пятницы». Все выглядит замечательно.

Шарлотт грациозно разворачивается на подиуме и идет назад, а я ловлю восхищенное выражение на лицах сотрудников музея — Айлы, Ханны и других, которые занимались дизайном, оформлением стендов и рекламой. В нужный момент все они выложились на полную катушку — «музейное время» очень ускорилось.

В первом ряду расположился Энди, рядом с ним — Иззи. По другую руку от Иззи сидит Милли, подруга Спенсера. Обе они смотрят как замороженные, и даже Энди, похоже, внимательно следит за происходящим, лишь изредка что-то шепча дочери. Среди присутствующих — Джулз с Мейв, Шелли, Крисси с малышкой, Тимом и Лудо, приятели Спенсера, которые делали подиум, и наши школьные мамочки всей оравой. В публике много молодежи: студенты-модельеры и художники, а также девушки и юноши, пришедшие сюда, вероятно, из любопытства. Есть и женщины старшего возраста — некоторых из них разыскал Ник и

интервьюировал для своего фильма. Все они — давние поклонницы бренда: покупательницы, продавщицы и ревностные почитательницы. Кое-кто, как я с восторгом заметила, пришел в оригинальных нарядах от «Мисс Пятницы». На элегантной даме лет под семьдесят красуется бордовая бейсболка.

Владельцы винтажных магазинов, предоставившие одежду, прибыли в полном составе — некоторые даже из Корнуолла и Лондона; я вижу, с каким интересом наблюдает за показом Триша Сполдинг из Грейндж-овер-Сандс. Представители прессы, которых мы уведомили по электронной почте, тоже не обошли нас вниманием: присутствуют редактора, журналисты и блогеры, многие из которых, как мне известно, посещают *настоящие* показы в Париже, Лондоне, Милане и Нью-Йорке (погодите, но наш показ тоже настоящий!). Когда по подиуму шествует Сэммиа в красном брючном костюме (я, как и было обещано, не стала уговаривать ее надеть мини), а следом за ней — Грейс в разноцветном комбинезоне в стиле пэчворк, кое-кто из редакторов даже делает наброски. Потом появляется Эрин — ее белокурые волосы развеваются, как в рекламе шампуня. На ней вязаный топ в фольклорном стиле и вельветовые клеши сочного желтого цвета. Спенсер опытной рукой высвечивает проход каждой модели, а музыкальное сопровождение идеально соответствует образу. В соседнем помещении впечатляющими темпами идет переодевание — стилисты и гримеры крутят «конские хвосты», наносят блеск для губ, припудривают лоснящиеся носы и щеки. В воздухе сильно пахнет лаком для волос.

Я напряжена, и мои старые страхи по-прежнему при мне, порхают, как мошки у костра, и тем не менее, когда модели, уверенно шествуя мимо с лучезарными улыбками, появляются и исчезают, я чувствую, как потихоньку расслабляюсь. В какой-то момент происходит заминка — Сэммиа спотыкается в сапогах на платформе, но удерживает равновесие, и все облегченно выдыхают. Лудо хихикает и пинает ножку стула, и я слышу, как Крисси шикает на него.

— Нельзя, Лудо, — беззвучно, одними губами, произносит она. — Веди себя тихо.

Лудо услышал слово «нельзя»? Должно быть, это случилось впервые в его жизни. Я поворачиваюсь к сидящему рядом Нику — он знает все про моих соседей и чуть заметно улыбается.

Модели двигаются взад-вперед в ослепительном калейдоскопе красок, и вот мы уже близимся к концу, музыка звучит на полную катушку, когда на подиум выходит последняя модель с пепельными кудряшками и ярко-красной помадой на губах — Пенни, бесспорная «звезда» показа. На ней элегантные черные брюки и босоножки со шнуровкой, а еще — самая фантастическая вещь коллекции.

Все поднимаются на ноги и стоя аплодируют, когда Пенни с сияющим видом крутится в пончо «Пиппа», а потом выходит на поклон.

01:00, у нас дома

Мы с Ником, Пенни и Спенсером выпили шампанское, которое принесла Пенни. Остальные тоже заглянули «на огонек» — Крисси (без малышки), Айла, Шелли и Джулз, но сейчас остались только мы четверо и празднуем. Иззи и Мейв спят наверху — по крайней мере, так считается. В соседнем магазине прикупили еще шампанского и смешали джин с тоником для Пенни. И теперь, после нескольких бокалов и потока ее благодарностей в мой адрес, который мне пришлось искусно перенаправить в другое русло, я начала понимать, почему Пенни так «ершится», пытаюсь дистанцироваться от собственного сына, точно в ее жизни слишком много дел и для него слишком мало места.

Потому что она ужасно по нему скучает, решаю я. Но сознаться в этом себе самой она не может. Пенни даже готова обвинить его в занудстве и в том, что Ник постоянно выискивает пыль в ее квартире, тогда как на самом деле ее сердце разрывается при мысли, что он отправится назад в Новую Зеландию. Она пытается как-то «подмаслить» его и убедить остаться — набирает ванну, суетится, готовит его любимую еду, точно Ник — маленький мальчик. Ей даже удалось разыскать «Райское наслаждение» со вкусом ирисок. Но он объяснил, что он должен уехать, потому что ему надо снимать фильм про рождественские шоу в Окленде — его там ждут. Он просто не может не поехать.

— Это все из-за Канады, — позже бормочет он, когда мы с ним остаемся вдвоем на кухне. — Помните, я рассказывал, что отец возил

меня туда?

— Да, — говорю я. — Но почему...

— Папа должен был прилететь назад вместе со мной, — объясняет он. — Мне было четыре года, и предполагалось, что я проведу там две недели. Но потом он решил, что ему нравится быть папашей — к тому времени у него появилось еще двое детей — и что все его дети должны жить вместе этакой счастливой дружной семейкой. И тогда он позвонил маме и сказал, что я не вернусь.

— Она, наверное, пришла в ужас!

— Да. Тогда у нее уже были магазины и дела шли в гору, а ей пришлось лететь за мной и везти меня домой. Так что, — с мрачной улыбкой добавляет Ник, — вы можете себе вообразить, какой была ее реакция, когда я сообщил, что по собственной воле отправляюсь на другой конец света.

Я киваю, обдумывая. Праздничная гирлянда, которую я повесила на кухне, наполняет помещение мягким золотистым светом. Сегодня Ник, с коротко подстриженными волосами, в голубой рубашке и джинсах, выглядит особенно красивым, и я понимаю, что буду скучать по нему больше, чем предполагала.

— А сколько вам тогда было — около сорока? — Я понимаю, что разлука в любом возрасте тяжела, но все-таки это не одно и то же.

— Без особой разницы, — замечает он. — Думаю, она была в ярости, которая до сих пор время от времени прорывается в ней. Но дело не в этом... — Он замолкает и смотрит на меня. — То есть это не единственная причина, почему я хочу вернуться.

Я непонимающе смотрю на него. Болтовня и смех в гостиной, похоже, прекратились.

— Вы хотите сказать, что снова собираетесь в гости?

Ник улыбается и качает головой.

— Я не имею в виду «погостить». Я... — Он моргает, его серо-голубые глаза встречаются с моими, и ощущение такое, что еще секунда — и мое сердце перестанет биться. — Я имею в виду навсегда, Вив.

Я смотрю на него во все глаза и не могу осмыслить сказанное.

— То есть вы возвращаетесь жить в Глазго?

— Да, — кивает он, — я так решил.

— Когда? — выпаливаю я, не задумываясь о том, насколько нетерпеливо это звучит.

— Точно не скажу, — отвечает Ник. — Надо еще много чего уладить, но надеюсь, что скоро. — И он улыбается так, что у меня становится радостно на сердце. — Но только пока никому не говорите, хорошо?

Я смотрю на него в этом мягком теплом свете и едва могу сдержать ликование.

— Хотите, чтобы у меня был *еще один* секрет от Пенни? — с притворным ужасом спрашиваю я.

— Это ненадолго, — он берет меня за руку и пожимает ее. — И, пожалуйста, никогда не проговоритесь ей, что узнали об этом первой.

Глава сороковая

Среда, 11 декабря

Мы не виделись с Пенни с вечера воскресенья. Я разгребаюсь после показа — упаковываю одежду, которую предстоит отправить обратно, и прикидываю, что делать дальше. Ханна попросила меня завтра вечером заскочить к ней — вероятно, чтобы подвести итоги. Мне также важно поговорить о том, как удержать интерес публики после такого большого успеха. Я предложила на этот раз прийти с Пенни — в конце концов, она эксперт по моде и в противном случае может решить, что с ее мнением не считаются, а этого мне хочется меньше всего.

— Давайте в другой раз, — быстро говорит Ханна. — Пока я хотела бы встретиться с вами с глазу на глаз.

Четверг, 12 декабря

При виде старомодных рождественских украшений в главной рабочей зоне музея я невольно улыбаюсь. Повсюду висят бумажные цепочки, на столах расставлены крохотные елочки из мишуры — атмосфера почти домашняя. В нашем доме все обстоит гораздо фундаментальнее — на этом настаивает Иззи, а я не настолько кайфоломщица, чтобы мешать ей. У нас уже стоит большая настоящая елка — как только ее доставили, Ник сразу помог ее установить и украсить гирляндой.

— Так вот, Пенни сказала, что будет рада прийти и пообщаться с посетителями, — говорю я Ханне, принимая от нее чашку чая.

— Замечательно. Я уверена, что это привлечет дополнительное внимание СМИ. Знаете, информация о нас будет опубликована во всех воскресных приложениях на этой неделе, а в Интернете ее уже пруд пруди.

— Да, я кое-что видела. Фотографии с показа отлично получились.

— Модели были просто замечательные. А световое решение Спенсера — выше всяких похвал!

Я не могу сдержать улыбку от прилива гордости.

— Спасибо, я передам ему, — я делаю паузу. — Вы ведь в курсе, что большая часть коллекции «Мисс Пятницы» была взята напрокат? — Ханна кивает. — Многие владельцы охотно согласились предоставить их нам в длительную аренду, поэтому я думаю: а не организовать ли здесь небольшую выставку? Что-то вроде капсульной коллекции?

— А что, чудесная идея. Она станет своеобразным продолжением нашего мероприятия.

Я улыбаюсь.

— Могу я поинтересоваться: положи руку на сердце, как вы считаете, сейчас у музея есть будущее?

Ханна невозмутимо смотрит на меня, точно я задала глупейший вопрос.

— Я думаю, да, Вив. Сейчас о нас говорит весь город, и это уже повлияло на нашу посещаемость. — Она откидывает назад чудесные светло-каштановые волосы. — Разумеется, в теперешней жизни никогда нельзя с уверенностью сказать, что будет завтра, но пока все выглядит оптимистично.

— Это приятно слышать.

Повисает небольшая пауза.

— А как ваши дела, Вив? — спрашивает Ханна. — Как вам работается в вашей компании?

— Компания — это так, своего рода перевалочный пункт, — говорю я.

— Вот как?

Она с интересом смотрит на меня, широко раскрыв глаза, а я неловко смеюсь.

— Ну да, перевалочный пункт, на котором я надолго застряла. Фактически на пять лет. Но должна сказать, что подготовка показа пошла мне на пользу. Благодаря ей все изменилось.

— Что именно?

Я делаю выдох, обдумывая про себя — умолчать или сказать все как на духу.

— Последние несколько лет я толку воду в ступе. И это касается не только работы, но вообще всего. Так вышло. Возможно, потому что я поздно родила второго ребенка или, хм, по другим причинам... но благодаря показу я вспомнила, как любила свою работу, когда была моложе. И дело было не в заработках или не в признании. Мне просто нравилось то, чем я занималась.

Она сияющим взглядом смотрит на меня.

— Мне знакомо это чувство.

— Вы так ощущаете себя здесь, в музее?

— Да, — твердо говорит она, — и Айла тоже, я знаю. Мы все тут. Но я считаю, что нам требовалось вливание свежей крови.

— Типа Пенни Барнетт, — подсказываю я.

— Да, конечно. Но мероприятие состоялось благодаря вам, Вив. Вы подали эту идею и превратили ее в реальность — осуществили с практически нулевым бюджетом. И посмотрите, какой получился результат.

— Просто потрясающий, — это все, что приходит мне в голову. — Но работа над ним была огромным удовольствием. Всегда бы так. Я имею в виду работу.

— Пожалуй, это возможно, — замечает Ханна. — Как вы смотрите на то, чтобы работать у нас, Вив?

Я недоуменно моргаю.

— Вы говорите о... настоящей работе?

— Ну да. На контрактной основе. Для замещения основного сотрудника на время декретного отпуска...

Я смотрю на нее, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— И что это за работа? — спрашиваю я.

Это правильнее, чем вопить: «Вы беременны?», и наталкиваться на стальной взгляд — не то чтобы в Ханне есть что-то стальное, просто это не та фраза, которая ласкает слух небеременной женщины. В прошлом мне доводилось совершать подобную оплошность.

— Речь идет о работе куратором специальных выставочных проектов, — говорит она, — иными словами, о моей должности. Сейчас я пока не ухожу и надеюсь проработать до мая, но мне

хотелось бы заблаговременно найти на свое место подходящего человека.

— Вы уходите в декретный отпуск? — улыбаюсь я. — Я хочу сказать...

— Да, я жду ребенка, — смеется она.

Я опускаю взгляд и замечаю под ее свободным серым платьем небольшую аккуратную выпуклость. — Я знаю, об этом неприято распространяться, но да, я беру годовой отпуск по уходу, и контракт тоже будет на год. А потом... — Она делает паузу.

— Это не важно, — быстро говорю я. — Я понимаю, что никаких дальнейших гарантий вы дать не можете.

— К сожалению, да, — кивает она. — Это зависит от посещаемости, бюджета, но я связываю большие надежды с предстоящим годом...

— Мне, безусловно, интересно ваше предложение, — твердо говорю я, а сама думаю: а справлюсь ли я? Конечно, справлюсь. После показа я ощущаю себя так, что мне все по плечу.

У Ханны довольный вид.

— Отлично, тогда я приглашу вас на более официальную беседу, но это, чтобы вы понимали, чистая формальность. После показа «Мисс Пятницы», — с сияющей улыбкой добавляет она, — будем считать, что испытание вы выдержали с блеском.

Глава сорок первая

Суббота, 14 декабря

Иззи наконец-то увидит экотуристические домики в Лох-Файн, потому что Энди отправляется туда на несколько дней и берет ее с собой. На этот раз, за отсутствием соблазнительной альтернативы типа путешествия в компании с Мейв, она соглашается с радостью. Что касается меня, то у нас с Пенни и Ником на сегодня запланирована вылазка.

Он знает, куда мы едем, а Пенни — нет. По крайней мере, пока не знает, чтобы не отказалась. Мы просто сказали ей, что едем на прогулку.

— Что за глупости, — довольно сердито заявляет она, когда поезд отходит от платформы. Мы подумали, что поездка по железной дороге — это гораздо интереснее и таинственнее. Теперь я уже не уверена, что это было правильное решение. До Ланкастера всего два часа, и я надеюсь, что Пенни скоро расслабится и будет наслаждаться путешествием.

— Мне не нравится, когда меня куда-то «везут», — обращается она к Нику, сидящему слева от нее.

— Я тебя понимаю, — говорит он, перехватывая мой взгляд. — Меня это тоже слегка нервировало бы.

— Это еще мягко сказано, — фыркает она.

Потом мы все молчим. Пенни, сидящая у окна, любит полями. Косые струйки дождя сбегают по стеклу. Ник поочередно копается в телефоне и пытается вызвать мать на разговор, но с переменным успехом.

— Мне бы выпить кофе, — объявляет она, и мы разом подсакиваем, мечтая ускользнуть на несколько минут.

— Сейчас принесу, — радостно говорю я. — Ник, а вам что-нибудь нужно?

— Мне тоже кофе, пожалуйста. А давайте я вам помогу, — он поворачивается к Пенни. — Мы недолго, мама. Ты ведь не против?

— Да бога ради! — восклицает она. — Можно подумать, я тут что-нибудь натворю. Я не собираюсь сходить на следующей станции. И не планирую броситься на ходу под поезд.

— Радостно слышать, — улыбается он.

— За мной не надо приглядывать. Я не выжила из ума и не нуждаюсь в сиделке, — категорически заявляет она.

— Ничего такого у нас и в мыслях не было, — мямлю я. — Прости, Пенни. Мы вовсе не хотели тебя огорчить.

— Просто принеси кофе, моя милая, — уже менее суровым тоном говорит подруга и снова поворачивается к окну.

Больше она нас не прессует, и к тому времени, когда мы возвращаемся с кофе, ее настроение, похоже, уже улучшилось. Возможно, Пенни больше не боится наших сюрпризов или просто получает удовольствие от вида полей на пологих склонах за окном. Небо проясняется, и когда поезд тормозит у вокзала в Ланкастере, солнце уже сияет вовсю.

Мы идем на стоянку такси.

— Дом престарелых на Бичвуд-стрит, — говорю я водителю, и десять минут спустя мы на месте.

Это хорошо сохранившийся викторианский особняк с ухоженным садом и скамейками по периметру лужайки. Нас встречает пухленькая, миловидная женщина в симпатичном синем халатике — это заместитель директора Линн — и проводит во внутренний дворик, где расставлены обогреватели, а за столиками, на которых стоят букетики анютиных глазок, расположились постояльцы и пьют чай с пирожными под ярким зимним солнцем.

— Это Пенни, Ник и Вив, — представляет нас Линн. — А мы вот чай пьем. Хотите присоединиться?

Мы колеблемся, а пристальный взгляд Пенни скользит по лицам постояльцев, которые смотрят с ожиданием. Кое-кто хлопает по свободному стулу, приглашая ее присесть. Очень пожилой мужчина, которому уже лет девяносто с хвостиком, узнает ее и радостно улыбается.

Найти его не составило особого труда. Он всегда активно занимался бизнесом, в особенности модным, а подготовка коллекции «Мисс Пятницы» способствовала моим розыскам.

— Пенни? — пресекающимся голосом спрашивает он.

Она открывает рот, и на ее глаза наворачиваются слезы, а мы с Ником отходим в сторону.

— Думаю, Пенни останется на чай, — быстро говорю я Линн, — а мы пока пойдем.

Мы идем гулять по территории, и, обернувшись, я вижу, как Пенни с Солом обнимаются. Слезы текут у меня по щекам, а Ник берет меня за руку.

Понедельник, 16 декабря

«Привет, как дела?» — это сообщение от Энди. Я только что доела ланч в офисной столовой. Заявление об уходе я пока не подала — хочу сделать это на следующей неделе, когда подпишу контракт с музеем.

«Отлично», — отвечаю я.

«Есть минутка поговорить?» — интересуется он, и я звоню ему.

— Я вещи собираю, — говорит он. — Завтра переезжаю. И вот решил узнать, как ты поживаешь.

— Спасибо, хорошо, — отвечаю я. — Где будешь жить?

На этот раз он сообщает мне не только свой адрес, но и подробно инструктирует на тот случай, если я забуду порядок нумерации, которая, судя по всему, используется практически повсеместно:

— Квартира 1/2, это второй этаж, направо.

— И что она собой представляет? — интересуюсь я.

— Небольшая, но славная. Симпатичный придомовой садик. Я арендовал ее на полгода, а дальше видно будет.

— Ясно.

Зачем он сообщает мне все эти подробности? В свое предыдущее жилье он даже дочь не пускал.

— Заходи, буду рад, — добавляет он. — Я имею в виду, на кофе.

— Да, Энди, я понимаю, — улыбаюсь я. — Мне и в голову не пришло бы, что ты имеешь в виду что-то другое.

— Ну ладно, — он откашливается, — пожалуй, я продолжу собирать вещи...

— Удачи, — говорю я.

— Спасибо. — Он нерешительно молчит. — Ну что, вы уже готовы к Рождеству?

Я невольно улыбаюсь — обычно такое можно услышать от продавцов в магазине. Должна признаться, я совершенно спокойно отношусь к тому, что впервые за все годы нашего знакомства мы будем отмечать Рождество порознь. Энди с родителями уезжает на север и уже осторожно поинтересовался, не хотим ли мы с Иззи присоединиться к ним. Я поняла, что он на самом деле имел в виду — не хочу ли я, чтобы мы снова жили вместе.

Я объяснила, без малейшего раздражения и грусти, что этого не будет, но пообещала позвонить и надеюсь, что они отлично проведут время. Что касается нас с Иззи, то в этом году мы будем праздновать вместе с Джулз, Эрлом и Мейв. Они собирают полный дом гостей, и я знаю, что будет весело. Иззи в восторге.

— Вив, — говорит Энди, — если я отправлю тебе одну забавную фотку, ты ведь не рассердишься?

— Что за фотка? — спрашиваю я.

— Сама увидишь, — говорит он, и могу поклясться, что он улыбается.

Вот такой у нас теперь расклад: обмениваемся забавными фотографиями. Означает ли это, что мы можем быть друзьями? В целом я не против.

Мы прощаемся, и чуть позже приходит сообщение. На фотографии — я, пьяная вдрызг, опасливо озираюсь, засовывая оmlет под «дворник» его машины.

Подпись гласит: «Узнаешь кого-нибудь?»

«Впервые в жизни вижу эту женщину», — с улыбкой отвечаю я.

Глава сорок вторая

Вторник, 17 декабря

Когда-то я все время мысленно составляла перечни. Они как-то помогали. Один был такой:

Энди жаловался на:
булочки без масла
парковку на работе
ухудшение качества туалетной бумаги
(воображаемый) запах сыра в холодильнике в Париже
мошек
мой пот

Но больше я этим не занимаюсь, потому что у нас с Энди все в порядке. Мы гордимся своими детьми, и я часто напоминаю себе, что Спенсер и Иззи — производные от нас обоих. И в настоящий момент меня переполняет счастье — не потому, что я избавилась от нытья Энди, а потому что сегодня чудесный зимний день и скоро придет Ник.

Завтра они с Пенни улетают в Окленд — впервые в жизни она будет отмечать Рождество в Новой Зеландии. Подруга волнуется при мысли о ярком солнце и теплом песке под ногами. И это понятно, ведь она живет в Глазго.

На время их отсутствия Бобби будет квартировать у нас, точнее — у нас и у Джулз, и мы уже составили график прогулок. Поскольку до Рождества я буду работать в «Флаксико», Джулз будет забирать его к себе в дневное время. Иззи в полном восторге.

Ник и Пенни приедут в середине января, потому что он возвращается жить домой. Что отсюда следует? Понятия не имею. Но сейчас, когда я открываю ему дверь, мое сердце просто тает.

Мгновение я смотрю в его чудесное лицо и хочу его поцеловать. И целую, прямо в губы. Я ожидала быстрый чмок в ответ, но следует много-много больше. Его руки смыкаются на моей талии, и голова у меня начинает кружиться. Мы целуемся прямо на пороге, где любой

нас может увидеть. Крисси или Тим могут приехать домой с покупками или с рождественской елкой — кажется, они собирались привезти ее сегодня. Или Иззи войдет и застукает нас. Но сейчас, когда мы целуемся, все это становится неважным.

Мы отстраняемся друг от друга, и Ник улыбается.

— Ну что, она готова? — спрашивает он.

— Практически, — говорю я. — Она страшно волнуется. — Я провожу рукой по волосам и поворачиваюсь к лестнице, все еще ощущая на губах его поцелуй. — Иззи, — кричу я, — Ник пришел!

— Тогда я сейчас все настрою, — говорит он, и мы заходим в дом.

И мы начинаем.

«Готовим с Иззи!». Выпуск первый

— Приветствую вас в новом выпуске «Готовим с Иззи!», — говорит моя дочь, лучезарно улыбаясь Нику, который снимает на камеру, и мне. А я все время перевожу взгляд на него, просто не могу удержаться.

— Мама, ты смотришь? — говорит Иззи.

— Да! Конечно, солнышко, я смотрю.

Мы с ней встречаемся взглядами, и на мгновение мне кажется, что она закатывает глаза — прежде такого не было. Неужели подростковые гормоны могут проявляться в восемь лет?

— Итак, сейчас, — продолжает она, быстро собираясь, — мы выбьем яйца в миску. Достаточно трех, но, если хочется, чтобы он получился действительно большим, лучше взять четыре.

Она аккуратно выбивает яйца в стеклянную миску. Ник перехватывает мой взгляд и улыбается.

— А теперь мы слегка их взобьем, но не слишком. До белой пены бить не надо, — она усмехается. — Сыр у нас уже натерт. Самый простой, обычный сыр. — Я снова смотрю на Ника — в белой футболке и чисто выбритый он кажется сокрушительно красивым. У него такое лицо, к которому хочется прикоснуться. Никогда не думала, что такое желание — коснуться лица мужчины — возникнет у меня снова.

Но оно есть, и я знаю, что, когда они с Пенни завтра улетят, это будет означать не конец, а начало чего-то нового для всех нас.

Прямо сейчас я слегка нервничаю, когда Иззи разогревает масло в сковороде — «Много не надо!» — с улыбкой говорит она, — но мы находимся рядом, и она уйму раз видела, как я это делаю, и даже пробовала сама. Правда, не на камеру и не когда ее снимают для настоящего кулинарного шоу.

— Выливаем яйца, — объявляет она. — А теперь, как только они «схватятся», нужно держать наготове лопатку и сгрести смесь в середину сковородки, а потом вращать ее. Готовить надо быстро. Теперь добавляем сыр...

Она продолжает в том же духе, совершенно не нервничая, и перебрасывает содержимое сковородки на тарелку.

— Вот так, — объявляет она, улыбаясь прямо в камеру и демонстрируя отсутствие очередного молочного зуба, — готовится *самый лучший* омлет в мире.

Благодарности

Огромное спасибо Тильде Макдональд, Молли Уокер-Шарп, Рейчел Фокнер-Уиллкокс, Сабе Хан и всей замечательной команде издательства Avon. Моя неизменная благодарность моему чудесному агенту Кэролайн Шелдон, а также Венди Риггс за рассказы о моде 1970-х и нежную любовь к Дэвиду Эссексу. Мои аплодисменты Тане Честон за то, что читала, правила и подбадривала меня; Мэри Файн (и Пенелопе) — за знакомство со шнуделями, а также Дженни Такер, Кейт Браун, Сьюзан Уокер, Мари О'Риордан, Кэти Гиллиган и всем, кто меня поддерживал. Отдельная благодарность — Лизе Вулли-Бэнд и Фионе Миллер за информацию о тренингах личностного роста (в частности, о залезании на стул) и всем сотрудникам Центра творческой личности Элиз Аллан (Энн, Анни, Кристабел, Миф и Хелен, спасибо всем вам!). И наконец, моя безраздельная любовь Джимми, Сэму, Декстеру и Эрин — моей потрясающей семье, которая терпит меня.

Над книгой работали

Литературно-художественное издание

16+

Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Ответственный редактор *К. Захарова*

Выпускающий редактор *Е. Долматова*

Художественный редактор *Ю. Девятова*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *З. Полосухиной*

Корректор *Н. Овсяникова*

В коллаже на обложке и суперобложке использованы иллюстрации: © bluelela, Anna Kasyanova / Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация: © Channarong Pherngjanda / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

notes

Примечания

1

Пария или парии — низший класс людей в Индии, лишенный всех прав, презираемый как нечистый; презренные ничтожные люди (*прим. ред.*).

Йотам Оттоленги — ресторатор, шеф-повар и кулинарный писатель.

Найджела Лоусон — британская телеведущая, журналистка, ресторанный критик и автор книг на тему кулинарии.